МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Роман ЗЛОТНИКОВ

АРВЕНДЕЙЛ
ИМПЕРАТОР ЛЮДЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На только что освобожденный Арвендейл надвигается огромная орда орков. Император убит. Столица Империи — блистательный Эл-Северин захвачен. А над Империей нависла тень темного бога Ыхлага. Кто возглавит людей в противостоянии с орками? Кто посмеет бросить вызов Ыхлагу? Кто станет новым императором? Вы думаете, на эти вопросы есть только один ответ? Вы ошибаетесь…

- Роман Злотников
  - Часть I
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть II
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
  - Часть III
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Эпилог

Роман Злотников
Арвендейл. Император людей

Часть I
Тучи сгущаются

Глава 1

— И-и-и-эх!

Тяжеленная каменная плита с гулким скрежетом натужно вошла в паз, вырубленный в каменной же стене, после чего полтора десятка полуголых гномов отлепились от бронзовых рычагов, которыми орудовали, и, шумно дыша, с облегчением выпрямились. Трой усмехнулся и, качнув головой, вышел из ниши, скрывавшей нижнюю площадку винтовой лестницы, прорубленной в толще камня.

— И где это видано, чтобы глинид ворочал рычагом наравне с подмастерьем?

Кряжистый гном, присевший на единственный каменный выступ (в то время как остальные просто прислонились к стене или опустились на пол), вскинул голову и повернулся на голос. В следующее мгновение его лицо осветилось улыбкой.

— Трой! Какими судьбами?

Он вскочил и двинулся к Трою, широко разведя руки. Трой также раскинул руки и слегка присел, иначе гном заключил бы его в объятия где-то на уровне пояса. А это было чревато… скажем, тем, что стальные клещи гномьих объятий выдавили бы наружу все содержимое кишечника… ну, или каким другим конфузом.

— Фу-ты, — проворчал гном, оторвавшись от друга, — всю куртку тебе потом измазал.

— Ничего, ей это уже не повредит. Скорее даже поможет. Да и вообще, я вот заметил, что твой пот действует на кожу как масло для закалки на хорошую сталь. Вон у тебя какая шкура дубленая.

Гном хрипло захохотал. А спустя мгновение к его громыхающему голосу присоединилось еще полтора десятка луженых глоток.

— Ну ладно, мастера, — отсмеявшись, повернулся к остальным гномам первый, — вы тут теперь и без меня справитесь. А я пойду, потолкую с нашим герцогом. — И, подобрав с пола валявшуюся там среди остальных простую полотняную рубаху, он накинул ее на плечи и кивнул Трою на винтовую лестницу, со стороны которой тот и появился.

— Идемте, ваша светлость.

В быстром темпе поднявшись по лестнице на двенадцать ярусов (отчего у Троя слегка закружилась голова, а гном перенес сие совершенно спокойно, по крайней мере внешне) они прошли длинным сводчатым коридором и вышли в другой, прямо-таки

огромный коридор, вернее даже, большущий зал с потолками высотой в тридцать локтей, растянувшийся на немыслимую длину. Гмалин, заметив, что Трой восхищенно вертит головой, горделиво вскинул бороду.

— Ну как тебе наш город?

— Да-а-а… — Трой покачал головой. — Я бы даже сказал, покруче Подгорного будет…

— Пф, — презрительно фыркнул гном. — Подгорного… скажешь тоже. Да Крадрекраму не было равных под толщами. Сюда собрали самых искусных мастеров всего народа гномов. Им же предстояло отстаивать свое искусство и перед людьми, и перед этими… ушастыми зазнайками. И если людей никто за искусных мастеров не считал, хотя и у вас случаются удачи, конечно… то про ушастых такого не скажешь… А уж они-то постарались.

Трой понимающе кивнул.

— Да, Алвур говорит, что Эллосиил — настоящий шедевр. Он просто переполнен жизненной силой. Только они заканчивают очистку какого-нибудь участка леса от испарений темных заклятий, как там все буквально прет в рост. Даже срубленные меллироны выбросили побеги. Причем у его мастеров создалось впечатление, что древние мастера эльфов сплели Эллосиил как единую огромную живую сеть, включающую в себя не только сам город, но и весь лес в целом. Именно по этому, несмотря на столь мощную эманацию Тьмы, наполнявшую его столько веков, он так и не погиб. И теперь даже там, где сельфрилы вырублены на много шагов, они сами, едва начинают оживать, тут же выбрасывают и укореняют побеги, снова формируя стену. Алвур говорит, что даже если бы их мастера не старались, то лет через пятнадцать Эллосиил и так бы возродился во всем своем великолепии естественным образом… Нынешние эльфы не умеют творить столь искусные плетения.

Гмалин понимающе кивнул:

— Да-а, значит, Алвур оторвал себе благодатные места. — Он хмыкнул. — Знаешь, а о Крадрекраме тоже можно так сказать. Все нижние уровни буквально пронизаны ходами раш. И по самым древним из них уже поднялись такие рудные жилы, что просто залюбуешься. — Он вдруг расхохотался. — А знаешь, я сейчас понял, что Подгорный трон ни за что не сможет не признать меня владетелем Крадрекрама. Мало того что я взял Крадрекрам «на секиру», так и доспехи из чешуи раш просто невозможно не признать шедевром. Но даже если они рискнут это сделать, мне будет достаточно послать им один из найденных самородков, и Подгорному трону просто некуда будет деваться. — Тут гном хитро сощурился: — А не желает ли мой суверен получить свою

десятину немедленно, причем золотом?

Но его суверен не успел ответить, потому что парой мгновений раньше они свернули в боковую арку и, пересекши небольшой круглый зал, подошли к невысокой, но очень широкой каменной двери, уютно устроившейся в украшенной искусной резьбой арке. Резьба эта была выполнена так, что часть орнамента, начинавшегося на поверхности двери, плавно перетекала в украшения арки. И наоборот. Гмалин, толкнув дверь, сделал гостеприимный жест:

— Прошу!

Когда Трой, слегка пригнув голову, нырнул под низкую для него притолоку, гном, вошедший первым, обернулся и кивнул ему на полукруглый диванчик. Одной стороной диванчик примыкал к небольшому озерцу, устроенному прямо в полу и отделенному от него бордюром, сложенным из крупных, с собачью голову, опалов, а другой — к кованному из золота и еще какого-то металла с сине-серым отливом массивному столику.

— Устраивайся. Я сейчас, только ополоснусь чуток. — Хитро прищурившись, гном закончил не без ехидства: — Свежий бардамар сейчас будет.

Когда Троя инстинктивно передернуло, он довольно захохотал и исчез в еще более низком дверном проеме, отделяющем гостиную личных покоев владетеля Каменного города (как теперь официально называли Крадрекрам) от его опочивальни и примыкавшей к ней умывальни. Трой с интересом огляделся. В личных покоях Гмалина он еще не был ни разу. Да и вообще Каменный город посещал всего второй раз, потому и изумленно пялился всю дорогу до того места, где Гмалин… слегка разминал мышцы, как, впрочем, и весь путь обратно до его личных покоев. Причем первый раз посещение вряд ли можно было назвать познавательным и безмятежным. Хотя… познавательным, впрочем, как раз можно. Только вот на красоты Крадрекрама он тогда обращал не слишком много внимания…

Хозяин справился быстро. Не успел еще старенький и белый как лунь гном, прикативший даже не сервировочный столик, а скорее тележку, солидно загруженную десятком серебряных корзинок с едой и бутылей с питьем, сервировать придиванный стол, как владетель Каменного города возник на пороге своей гостиной. На этот раз в солидном кряжистом гноме постороннему взгляду было нипочем не признать того работника, который еще полчаса назад надсаживал мышцы и глотку, ворочая каменную плиту бронзовым рычагом. Этот гном явно был слишком властен, богат и надменен, чтобы унижаться до черной работы. Трой несколько мгновений любовался на грозного властителя, одетого

в роскошный камзол, с массивным золотым знаком владетеля, висящим на цепи толщиной почти в гномий большой палец. Рука его, опирающаяся на посох, как, впрочем, и вторая, горделиво упертая в бок, была унизана кичливо-массивными перстнями с вызывающе крупными камнями. Трой не выдержал и расхохотался. Гном, сервировавший столик, испуганно замер и покосился на своего владетеля. Тот окинул Троя вполне соответствующим его одеянию надменно-кичливым взглядом и искривил губы, видно собираясь сказать что-то презрительное, но только лишь вздохнул и, сердито швырнув посох на край диванчика, уселся рядом.

— Ну что за беда с этими молокососами. Никакого уважения ни к статусу, ни к бесценным реликвиям народа гномов. Тоже мне герцог…

— Уфф, — перевел дух Трой. — Э-э… прошу простить. Никак не хотел оскорбить высокого владетеля. Особенно столь грозного и неприступного. Само как-то… — Он виновато развел руками.

Гном сокрушенно качнул головой, но потом ухмыльнулся и ткнул Троя в плечо могучим кулачищем.

— Эх, Трой, как я рад, что ты все-таки до меня добрался…

После того как было опрокинуто некоторое количество кружек доброго эля (и бардамара, впрочем, тоже), а большая часть серебряных корзинок опустела или распрощалась почти со всем своим содержимым, гном откинулся на спинку диванчика и, довольно хлопнув себя по брюху, благожелательно изрек:

— Ну что ж, червячка заморили. Можно переходить к делам.

Трой окинул взглядом устроенный побратимом разгром и, хмыкнув, в свою очередь попытался откинуться на спинку. Это не совсем удалось, поскольку высота спинки была заметно меньше, чем требовалось даже для человека нормальных размеров. Не говоря уж о Трое.

— Ну так с чем пожаловали, герцог? — благодушно спросил гном.

— Да так… проведать старого приятеля.

— Угум, — глубокомысленно кивнул гном. — Значит, сейчас как следует перекусим — и на боковую. Так, что ли?

— Ну… не совсем.

— А чего? Выпивки — море, бабы — не мешают. Какие проблемы? — скорчил недоуменно-наивную рожу гном.

— Ну, во-первых, больше не лезет… — признался Трой.

Гном хитро прищурился.

— А во-вторых?

— Во-вторых, — Трой посерьезнел, — во-вторых, у нас большие проблемы, Гмалин.

Гном хмыкнул:

— Если ты думаешь, что сообщил мне что-то новое… — Заметив, видно, что-то в глазах Троя, он оста вил шутливый тон и уже серьезно спросил: — Ты выяснил еще что-то?

Трой вздохнул:

— Да. После твоего отъезда из замка конные патрули засекли еще один орочий отряд. Вернее, их было несколько. Шестнадцать, если уж быть точными. Но остальные просто пробирались на запад, рассчитывая как-то проскользнуть через ущелья мимо вашего Каменного города либо спуститься вниз по реке. А этот отряд был необычный.

Трой замолчал. Гном терпеливо выждал минуту, потом спросил:

— И что же в нем было такого необычного?

— Его возглавлял шаман, — со вздохом ответил Трой. — Наверное, он был единственным из шаманов, сумевшим уцелеть, и то только потому, что из него вышибло дух во время той бойни у Зимней сторожи. Он провалялся без сознания почти три дня, и потому его сбросили в похоронный ров как мертвого, а потом ему пришлось почти день выбираться из-под нескольких слоев орочьих трупов.

Трой снова замолчал. Гном покачал головой.

— Понимаю. Он многих положил?

— Почти две сотни… Конечно, не он один, а весь отряд, но без него мы бы столько не потеряли.

— И что?

Трой помрачнел.

— У нас нет того года, на который мы рассчитывали.

Гном некоторое время сидел молча, переваривая новость, которую ему только что сообщили. В принципе в их прежних расчетах все было логично. Они нисколько не сомневались, что местные орки отправили гонцов к западным, рассчитывая удержаться в замке до их подхода. Но пока гонец доберется до застав, пока информация о случившемся пересечет море, пока соберут орду да плюс время зимних штормов — по всему выходило, что у них есть как минимум год на обустройство обороны. А за этот год Гмалин со своими гномами должен был привести в порядок оборонительные сооружения Каменного города, да и само население города должно было серьезно возрасти — по меньшей мере в четыре-пять раз. Большинство гномов-изгнанников просто не успело подойти к месту сбора до начала похода, до кого-то еще не дошел призыв Гмалина, кто-то как раз был в пути, когда армия уже вступала в Арвендейл, некоторые так и вообще не тронулись с места, заразившись от

людей крестьянским прагматизмом и считая шансы на успех не слишком хорошими. И все же, услышав о том, что Крадрекрам свободен, большая часть этих «прагматиков» не преминула бы стронуться с места и устремиться сюда. Так что к весне Каменный город должен был быть совершенно подготовлен к обороне и заполнен гораздо более многочисленным гарнизоном. Что вкупе с вновь сформированной герцогской дружиной и опытным ополчением Арвендейла не дало бы западным оркам никаких шансов прорваться через горные долины. И тут выясняется, что этого времени у них нет.

— Дерьмо! — с чувством выругался гном. — У меня всего шесть сотен мастеров и подмастерьев, а только чтобы заполнить номера расчетов метательных машин требуется полторы тысячи. Да и сами машины… — Он махнул рукой.

— Совсем никакие? — тихо спросил Трой.

— Да нет, — Гмалин пожал плечами, — местные мастера умели строить. Для машин, которым исполнилось полторы тысячи лет, они на удивление в приличном состоянии. Но… — он вздохнул, — именно для машин, которым такая прорва лет. Каменные детали почти все в нормальном состоянии, кое-какие из черной бронзы и синей стали требуют перековки, но с этим можно справиться за пару недель, зато все дерево… — Гном замолчал, а затем тихо спросил: — Сколько у нас времени?

Трой качнул головой:

— Я не знаю. Вполне возможно, что передовые разъезды на варгах появятся в долинах со дня на день. Хотя я рассчитываю, что у нас есть как минимум неделя. Возможно, две. Больше — вряд ли.

— Почему?

— Дело в том, что орда западных уже здесь. На этом берегу Долгого моря. И те западные орки, которых мы видели на реке, когда покидали Арвендейл в прошлый раз, как раз из той орды. Они уже давно готовили набег. Даже не набег, а войну. И уже несколько лет переправляли воинов через море. Да еще все это время подгребали под свою руку мелкие племена. Большинство мелких согласились сразу и с удовольствием лижут зад не только вождю похода, но и любым вождям западных, которые оказываются от них на расстоянии длины языка. Некоторых западные привели к повиновению силой. Только вот местные, арвендейльские орды все не соглашались влиться в Гурьбу западных. Считали, что могут сохранить некоторую независимость, так как западные не пойдут через горы, в которых хозяйничают раш, а другими путями большую орду не проведешь. И потому западные двинутся на империю в обход, с севера, по

побережью, а они, мол, отделаются только поставками продуктов и отрядами добровольцев. Но шаман рассказал, что западные мобилизовали всех шаманов местных мелких орд и привезли почти сотню своих. И потому вполне были вправе рассчитывать на то, что столь большой Круг шаманов сумеет удержать раш в глубинах. Хотя бы на то время, пока орда будет идти долинами. Так что мы чудом успели. По весне города Арвендейла должна была захлестнуть огромная волна орков, противостоять которой у них не было ни малейшего шанса. А затем орки хлынули бы в западные пределы империи.

— Значит… они уже на подходе.

— Рассчитывать на иное было бы глупостью, — кивнул Трой.

— Но точно ты не уверен?

— Нет, — мотнул головой Трой, — но я привел почти полтысячи всадников из числа Тысячи охотников, что сформировал старшина Игелой. И собираюсь отправить разъезды за пределы долин так далеко, как это только возможно. Пусть наблюдают за подходами, ну и заодно устраивают засеки, завалы, рушат мосты и переправы, где только возможно.

Гном понимающе качнул головой:

— Хорошо, но все равно надолго это их не задержит. То, что смогут сделать полтысячи лесорубов-людей, несколько десятков тысяч орков разнесут в щепы очень быстро.

Трой согласно кивнул.

— Да, но в нашем положении каждый день на вес золота.

Гмалин, покосившись на Троя, хмыкнул.

— Согласен. Но даю десять против одного, это еще не все, с чем ты приехал.

Трой кивнул в ответ:

— Да, ты прав. И не сомневаюсь, что мое предложение тебе не понравится. Но я не вижу другого выхода. Если ты его найдешь — я с удовольствием им воспользуюсь.

Гном нахмурился:

— Говори.

Трой мгновение помялся, а затем, резко выдохнув, начал:

— Ты сам знаешь, что с наличным количеством гномов не сможешь ни восстановить метательные машины, ни укомплектовать их расчеты. Поэтому я привел три с половиной тысячи мастеров-людей. И еще, сейчас сюда идут обозы с высушенным лесом. В основном с дубом, буком и грабом. И… — голос Троя стал заметно тверже, — я как суверен этой земли, ее недр, лесов, полей, вод и небес, прошу владетеля Каменного города позволить мастерам людей помочь гномам.

Некоторое время в чертоге висела напряженная тишина, а

затем Гмалин покачал головой:

— Трой, Трой, мальчик мой… что же ты со мной делаешь?

Трой молчал.

— Как ты мог подумать, что я хотя бы рискну вынести подобный вопрос на хирдтинг? Ты хочешь, чтобы меня выгнали из Каменного города поганой метлой и запретили приближаться к любому поселению гномов на арбалетный выстрел?

Трой молчал.

— Ты представляешь себе, на сколь древние и непреложные законы гномов ты посягаешь? НИКОГДА ни люди, ни эльфы, ни кто бы то ни было не появлялись внутри поселений гномов дальше, чем у вторых врат. Если такое происходило — это означало, что город гномов пал.

Трой помолчал еще пару мгновений, а затем тихо спросил:

— А я?

— Ты?… Ты — другое дело. Ты — мой побратим, побратим не просто гнома, а владетеля… ну, и наш герцог в конце концов. А еще тот, кто УЖЕ входил в Кам… Крадрекрам, сам по себе являвшийся страшной легендой гномов. И тот, кто вернул Каменный город народу гномов. Ты понимаешь, какое расстояние между тобой и каким-нибудь мастером из числа обычных людей?

Трой некоторое время сидел неподвижно, никак не реагируя на тираду Гмалина, а затем тихо заговорил:

— Учитель рассказывал мне, что наиболее устойчивы те законы, которые люди и сами уже привыкли соблюдать в виде традиции или привычки. И если эта самая традиция или привычка будет оформлена в виде закона, то его соблюдение не потребует ни от людей, ни от правителя никаких особых усилий. Ибо в этом случае большинство будет вести ту жизнь, что и так вело, а правитель получит право честно наказывать немногих ослушников. Потому сначала следует приучить людей к этому, являя им образец того, чего ты хочешь добиться, и всемерно поощряя тех, кто следует ему. И лишь потом вводить закон.

Трой сделал паузу. Гмалин молча слушал. И Трой продолжил:

— А вот тот закон, который идет вразрез с привычками и традициями либо, более того, принимается правителем, дабы заставить людей изменить привычку или традицию, чаще всего бесполезен и даже вреден. Ибо в этом случае правителю придется на несколько лет, а то и десятилетий отставить все свои основные дела и ревностно следить за тем, чтобы люди соблюдали закон, а не привычку или традицию. А также за своими стражами, которые будут служить ему в этом деле с гораздо большей неохотой, ибо будут подспудно считать, что поступают с подданными своего

господина нечестно и несправедливо. И других вариантов нет, ибо в любом ином случае подобный закон не будет соблюдаться почти никем, и, значит, правитель не только не выполнит ту задачу, которую хотел решить, вводя этот закон, но и подвигнет подданных гораздо пренебрежительнее относиться к большинству остальных законов. Ибо если можно не соблюдать один закон, который мне не нравится, то зачем соблюдать еще дюжину тех, что мне нравятся немногим больше? А воспитывать у подданных такую привычку — гибельно для любого правителя.

Трой замолчал. Гмалин также сидел молча, ожидая, пока его друг выскажет все, что собирался.

— Но иногда случаются моменты, когда возможно изменить любой закон. Неважно, сколь сильную традицию или привычку несет он в себе. Это случается только в тот момент, когда соблюдение закона, а также охраняемой им привычки или традиции гибельно.

Трой снова замолчал. Гном, тоже не говоря ни слова, смотрел на Троя. Ибо явно понимал, что тот еще не закончил.

— Но это возможно, — снова заговорил Трой, — только в том случае, если, во-первых, народ действительно осознает, что соблюдение закона гибельно, а во-вторых, не менее ясно понимает, что этот закон, освящаемый традицией и привычкой, суть именно закон, традиция и привычка, а не непременная часть жизненных основ, нарушение которых разрушит и саму жизнь.

Трой сделал очередную паузу и упер в Гмалина напряженный взгляд. Гном медленно кивнул. Трой улыбнулся.

— Если бы передо мной сидел владетель Подгорного трона, а вокруг бы простиралось Подгорное царство — я бы даже не заикнулся. Потому что даже если бы Подгорный трон попал в подобное отчаянное положение, он все равно и помыслить не пожелал бы о том, чтобы обратиться к подданным с подобным предложением. Но здесь не Подгорное царство. И твои подданные — не закосневшие в тысячелетней неизменности его обитатели, многие из которых ни разу в жизни не видели человека и потому судят о нем только понаслышке — из уничижительных баек и анекдотов. Все вы изгои, прожившие среди людей не один десяток лет. Изгои, которые только что обрели дом и рискуют его лишиться. Неужели ты думаешь, что твои подданные настолько глупы, чтобы не понимать этого, и ничем не отличаются от спесивых обитателей Подгорного царства, делающих вид, что лишь с большим трудом способны терпеть рядом с собой низшую расу?

Трой замолчал. Гмалин несколько мгновений переваривал его слова, а затем ухмыльнулся:

— А ты, значит, считаешь, что пара-тройка десятилетий рядом с людьми может что-то изменить в каменной голове гнома? Мы потому и сбегаемся сюда толпами, что нам осточертела жизнь среди вашего племени, а здесь есть шанс вновь устроить все так, как нам нравится. И то может осуществиться, только если вам удастся сохранить ваш новый дом. Иначе разговор о любых шансах — просто сотрясение воздуха. А я не вижу иного способа это сделать. К тому же никто не говорил, что твоим подданным, да и тебе в конце концов это должно непременно понравиться. Ты и твои подданные должны лишь согласиться это вытерпеть. Причем лишь до тех пор, пока мы не отразим врага и не отстоим наш новый общий дом. А уж там дальше устраивайте свою жизнь как пожелаете.

Гном грустно усмехнулся:

— А вот это уже вряд ли получится.

Трой ожидающе смотрел на него, но глубоко в его глазах Гмалин увидел искру понимания. Но не высказать до конца свою мысль не смог.

— Кровь людей на священных мостовых Каменного города, пролитая ради его защиты, вряд ли позволит нам сделать вид, что ничего не было, и как ни в чем не бывало вернуть прежние порядки. Да и ты ведь тоже не собираешься нам этого позволять, не так ли?

Трой медленно кивнул:

— Да, кое-что я хочу изменить. Ибо не могу допустить даже малейшего шанса на то, чтобы повторилась история прежнего Арвендейла. Когда люди, гномы и эльфы жили вроде как вместе, но каждый сам по себе. И когда на герцогство обрушился враг, он сумел разгромить всех поодиночке. Причем так, что ни первые, ни вторые, ни третьи даже не подозревали, что произошло с остальными.

— Ну да, ты еще эльфов сюда приволоки, — проворчал гном, но, бросив на Троя косой взгляд, поспешно отвел глаза.

Ибо выражение лица его друга и герцога ему о-о-очень не понравилось. Впрочем, при чем тут выражение? Гномов не хватало даже на то, чтобы укомплектовать расчеты метательных машин, что уж говорить о бойницах стрелков? Но следующих предложений, которые могли бы поступить от Троя, Гмалин сейчас слушать не желал. С этими бы разобраться. Поэтому он поспешно переменил тему:

— Ну ладно, с делами закончили. Пора и пообедать. Хирдтинг соберем после ужина. Торопиться с этим делом не стоит. Пусть мастера и глиниды изрядно поднабьют брюхо и придут в благодушное настроение. А то они могут не дать тебе

даже изложить до конца твои бредовые фантазии, что бы ты там ни думал по их поводу.

— Мне?

— А кому? — возмутился гном. — Неужели ты думаешь, что я рискну хотя бы открыть рот на хирдтинге? Ты у нас герцог — вот и отдувайся.

Глава 2

— Слушаюсь, госпожа!

Дородный купец из Хольмворта поспешно подобрал полы старомодного длинного кафтана, украшенного богатой вышивкой (как видно, извлеченного из каких-то сундуков — уж больно его покрой отличался от того, что носили теперь), и, пятясь словно рак, спиной вперед выскользнул из дверей.

Лиддит проводила его сердитым взглядом и хмуро покосилась на Даргола, сидящего чуть сбоку.

— Этот уже шестой! И что мне прикажешь с этим делать?

Левый уголок рта Даргола слегка приподнялся вверх, а плечи совершили некое движение, каковое при некотором воображении можно было принять за пожатие. Мол, мое дело маленькое, госпожа. Прикажете — повесим, прикажете — наградим.

— Сенешаль Даргол, — вспылила Лиддит, — кончайте валять дурака. Если бы мне нужен был в приемном зале безмолвный истукан, я бы поставила здесь одного из панцирников. Они вышколены намного лучше вас и еще с дворцовых времен приучены сохранять каменную неподвижность часами.

В ответ на эту тираду Даргол теперь уже явно пожал плечами и произнес крайне смиренным тоном:

— Не далее как полчаса назад госпожа велела мне заткнуться и не давить ей на уши своими идиотскими идеями.

— Да, велела, — раздраженно кивнула Лиддит, — потому что очень легко сидеть тут, закинув ногу на ногу, и, поплевывая в потолок, давать умные советы. Прекрасно зная, что разбираться с этими советами придется совсем не советчику.

— Ну вот, ногу я опустил и советами вашу светлость больше не мучаю, — подчеркнуто послушным тоном произнес Даргол.

Лиддит стиснула зубы.

— Между прочим, достойный слуга всегда может различить, каково истинное желание господина, а что есть просто нервный срыв, и… с достоинством и смирением помочь господину справиться с проблемой, а не тыкать его мордой в его собственную несдержанность. У меня, в конце концов, нервы тоже не железные.

Даргол несколько мгновений разглядывал нахохлившуюся Лиддит, а затем улыбнулся.

— Прошу простить меня, госпожа, я еще молодой сенешаль — научусь.

— Молодой… — Лиддит смерила взглядом ежик седых волос, аккуратную бородку, отпущенную не для хвастовства, а чтобы

скрыть пару страшных шрамов, серые глаза, слегка уже выцветшие от возраста, и, не выдержав, фыркнула: — Да уж, молодой! — А затем, не сдержавшись, захохотала: — Молодой… ох, Даргол, ни лечь ни встать — молодой!

Спустя мгновение к ее смеху присоединился сочный баритон «молодого сенешаля». Герцогский гвардеец, как раз просунувший голову, чтобы испросить разрешения запустить следующего жаждущего аудиенции, ошарашено вытаращил глаза, глядя на покатывающихся со смеху сенешаля и… вот черт, как называть госпожу, никто так пока и не понял. Принцесса? Возможно, но здесь она распоряжается совсем не как принцесса, а как хозяйка замка и герцогиня. Герцогиня? Но вроде как они с молодым герцогом и не женаты пока что. Во всяком случае официально. А с другой стороны, тот оставил ее на хозяйстве как полноправную супругу. Да и живут они вместе вполне в любви и согласии. Ну, во всяком случае, когда и он, и она каким-то чудом оказываются на пару ночей под одной крышей. В очень сердечном согласии, а о любви и говорить нечего. Сам гвардеец еще у герцогских покоев в карауле не стоял, но приятели рассказывали, что герцогиня у них крикунья. Да и прачки жаловались, что как герцог с… герцогиней в одной опочивальне ночь проведут, так наутро что наволочку на подушке, что ночную рубашку герцогини — на выброс. Потому как рубашка вся изодрана, а подушка изгрызена. Да и перины — хоть заново набивай. Вот так и зовут пока госпожу — просто госпожой. Потому как нрава она крутого и ежели что не по ней — тут же в бараний рог свернет. Вот народ и опасается ошибиться…

— Ладно, — Лиддит вытерла ладонью выступившие слезы, — закончили.

Она подняла глаза на торчащую из-за двери опасливую рожу гвардейца: — Ну, там еще кто есть, Грус?

— Точно так, госпожа, — кивнул гвардеец, — госпожа Тамея.

— Ну так что томишь? — нахмурилась Лиддит. — Зови скорее.

Сестра Тамея вошла в приемный зал легкой скользящей походкой, столь характерной для сестер-помощниц. Лиддит поднялась ей навстречу. Они были сестрами. Во всяком случае по отцу, каковое родство на самом деле единственное и имело смысл. Поскольку обе росли без матерей, с избранными ими отцом опекунами, а посему, в отличие от матерей, отец не только, так сказать, поучаствовал в зарождении жизни, но и приложил руку к тому, какими они стали. Хотя не сказать, чтобы остался так уж доволен результатом.

— Здравствуй, сестра. — Лиддит сделала шаг вперед и, протянув к сестре руки, обхватила ее за плечи и притянула к себе.

Хотя Лиддит была моложе сестры, ростом она превосходила ее почти на голову. — Рада тебя видеть.

— И я тебя, сестра, — улыбнулась Тамея, и ее улыбка показала бы любому опытному наблюдателю, что, несмотря на более миниатюрные размеры, старшая характером ничуть не уступает младшей.

— Садись. — Лиддит указала сестре не на кресло, стоящее у правого угла стола, на которое она предлагала опуститься для разговора наиболее уважаемым посетителям (остальные должны были излагать свой вопрос стоя, ибо Лиддит считала, что подобный подход сильно сокращает «воду» в изложении любого вопроса), а на небольшой диванчик, притулившийся в эркере окна.

— Какая помощь тебе требуется?

Тамея улыбнулась:

— Да в общем-то никакой. Я пришла сообщить, что сестры покончили с исцелением всех, кто получил ранения во время последних рейдов, и теперь я прошу разрешения отправиться выбирать место для нашего будущего монастыря.

Лиддит нахмурилась.

— И куда ты собираешься направиться?

— Сначала в предгорья. Согласно летописям прежний монастырь сестер-помощниц располагался именно там. Так что я надеюсь отыскать его развалины и посмотреть, насколько сложно будет и нам там обосноваться. Ибо сестры всегда строго подходили к выбору места для монастыря, и, я думаю, нам трудно будет отыскать более подходящее место.

Лиддит бросила быстрый взгляд в сторону сенешаля. Тот тоже выглядел озабоченным.

— Сестра, — начала принцесса, — я знаю, что именно для этого ты и отправилась с войском, но… ситуация пока еще слишком напряженная, чтобы мы могли быть уверены в том, что путешествие небольшой группой может быть безопасным. Причем, заметь, даже не большой группой воинов.

Тамея удивленно воззрилась на Лиддит.

— Но разве конные патрули не выловили всех орков?

— Далеко не всех, госпожа Тамея, — пришел на помощь своей госпоже сенешаль. — Наиболее крупные отряды мы, скорее всего, действительно вычистили, но в предгорьях все еще могут затаиться мелкие группы в несколько особей. Тем более что туда мы пока особо не совались.

— Но если это так, почему вы не прочешете предгорья?

— К сожалению, у нас пока нет возможности сделать это, — нахмурился сенешаль. — Мы вынуждены даже сократить

патрулирование дорог и центральной части герцогства, ибо через пару дней армия выступает к Каменному городу.

Тамея окинула сенешаля удивленным взглядом, а затем перевела его на сестру.

— К Каменному городу?

— Да… — кивнула Лиддит и, верно поняв одну из причин удивления Тамеи, пояснила: — Гномы переименовали Крадрекрам в Каменный город, ибо за столько столетий слово «Крадрекрам» стало для них символом неизбывного зла и безысходности.

Тамея понимающе кивнула.

— Но зачем туда идти армии?

— Дело в том, что мы ждем орду.

— Орду?

— Да, западных орков. Из допроса одного из наших последних пленников выяснилось, что западные орки давно уже копят силы на нашем берегу Долгого моря. И потому крупные силы орков расположены всего лишь в месячном переходе от ущелий, проход по которым перекрывает Каменный город. Так что, скорее всего, орда западных уже движется сюда. И… нам почти нечем их остановить.

Тамея удивленно уставилась на сестру.

— Как почти нечем? А армия, а Кр… то есть Каменный город?

Лиддит зло оскалилась.

— На нас движутся почти семьдесят тысяч орков, причем западных, которые не чета местным, а Каменный город… его обороне полторы тысячи лет. Как думаешь, многое ли из того, что там есть, можно использовать?

Тамея медленно кивнула, показывая, что понимает, с чем сестре пришлось столкнуться.

— А самое главное — у нас чрезвычайно мало людей. Не только воинов, но и кожевенников, кузнецов, каменщиков. Была идея перегородить долины в наиболее узких местах каменной стеной, но с тем количеством мастеров по камню, что удалось наскрести, мы не успеем это сделать. Оружие после всех битв требует правки, а кое-что и перековки. И все это время, что армия стояла у замка, кузнецы работали без передышки.

— Еще у нас очень мал запас стрел и арбалетных болтов. И крайне мало железа и сухого дерева для их изготовления. Лишь половина панцирников имеет копья, остальные поломаны, а все резервы запасных уже исчерпаны. И в Арвендейле нет мастеров-копейщиков, способных изготовить новые копья. Из латников только треть имеет более-менее целые щиты. И изготовить новые также не из чего.

— Неужели здесь мало леса? — удивленно спросила Тамея.

— Этот лес надо сушить как минимум несколько месяцев, да и потом часть древесины уйдет в брак, — пояснил Даргол, — а если делать щиты или древки копий и стрел из сырого дерева, то, во-первых, все они будут непрочными, а во-вторых, намного тяжелее. Латнику лучше вообще остаться без щита и полагаться на собственную ловкость и крепость лат, чем навьючить себя тяжеленным и непрочным щитом.

Тамея задумалась.

— И как скоро вы ожидаете орков?

— Трой… э-э… герцог думает, что у нас есть максимум пара недель, но реально рассчитывает не более чем на декаду.

Тамея понимающе кивнула:

— Понятно. Что ж, я с сестрами прибуду к Каменному городу ровно через десять дней.

— Но сестра… — возвысила голос Лиддит, однако ее тут же перебил холодный тон Тамеи:

— Мы ДОЛЖНЫ обследовать предгорье. И это не обсуждается, сестра.

Несколько мгновений они мерялись взглядами, но затем Лиддит отвела глаза.

— Хорошо, но я отправлю с вами сотню всадников из числа наемников. Сенешаль предупреждал, что предгорья опасны. Хотя я не понимаю, отчего такая спешка.

— Она тем более важна, поскольку, как я поняла, у тебя, сестра, нет полной уверенности в том, что нам удастся удержать Арвендейл.

Лиддит настороженно вскинула глаза.

— Дело в том, — продолжила между тем Тамея, — что в летописях сестер сохранились упоминания, что монастырь, построенный на земле Арвендейла, был не простой, а пантеональный

Лиддит удивленно качнула головой.

— И ты думаешь, что через столько веков в его развалинах еще можно будет что-то найти?

Тамея пожала плечами:

— Таково было поручение от матери-настоятельницы. К тому же я и сама считаю, что шансы есть. Если верить летописям и соотнести их сведения с тем, что мы знаем сегодня, то разумно будет считать, что в те времена орочья орда не задержалась в Арвендейле надолго, почти сразу после разгрома войска герцога обрушившись на Эллосиил и, после страшного ритуала призвания Темного пламени, на империю. А потом, после поражения орды, у орков на этой земле было немало других, более важных забот,

чем далекий монастырь в глухих предгорьях. И потому у сестер вполне было время укрыть реликвии. Так что я вполне допускаю, что у меня есть хотя и небольшой, но реальный шанс отыскать хоть что-то из укрытого. И переправить найденное в империю, к моим сестрам, до того как Арвендейл, возможно, вновь затопит мгла.

От этих слов на всех находящихся в зале будто повеяло холодом. Лиддит несколько мгновений помолчала, а затем тихо спросила:

— И что же это за реликвия, которую так жаждут увидеть сестры?

— Согласно летописям их было несколько, — спокойно ответила Тамея. — Монастырь в Арвендейле, герцогстве, в котором объединились три светлых народа, не мог быть обычным монастырем. Именно поэтому его изначально строили как пантеональный. И именно поэтому у меня есть надежда, что сестрам удалось укрыть реликвии. В том числе и… — Она сделала паузу, будто не решаясь выдать несестрам то, что знала. Но если не сказать этим двум, то можно ли тогда рассказать об этом кому бы то ни было? А ей сейчас нужна была вся возможная помощь.

— В том числе и плащаницу Гвенди.

Глаза Лиддит расширились, а сенешаль окаменел. Тамея молча сидела рядом с сестрой, уставив взгляд в пол. Будто специально давая своим собеседникам время осознать и привыкнуть к тому, что она сейчас сказала.

— Значит, — хрипло произнесла Лиддит, — дарохранительница монастыря сестер-помощниц в Эл-Северине пуста?

Тамея молча смежила веки. В зале повисла напряженная тишина. Все трое обдумывали произнесенное. Гвенди считалась покровительницей империи. Согласно легендам она не очень-то любила отдельных людей, но покровительствовала всей человеческой расе в целом. И именно она обучила первого императора людей — легендарного Марелборо — и помогла ему изготовить корону императора, самый могущественный из магических артефактов, имеющихся у людей. По легенде, «избрав одного достойного из многих тысяч желающих». И ее плащаница, согласно легенде, должна была взвиться на древке имперского знамени в час, когда на империю людей обрушатся самые тяжелые испытания, грозящие гибелью не только империи, но и всему человечеству. И вот сегодня выяснилось, что все это время Империя жила без этого святого покровительства.

— Понятно… — тихо произнесла Лиддит, — тогда так.

Никаких наемников. Я дам тебе половину гвардейцев. И вам, сенешаль, поручаю отправиться вместе с моей сестрой.

— Но… — начал сенешаль.

— Никаких «но», — отрезала Лиддит, — все, что поведала нам моя сестра, слишком важно, причем не только для герцогства, но и для всех людей. Если мы не устоим, империи понадобится и это знамя, и вся сила, которая только будет в ее распоряжении. Ибо если мы не устоим, я не думаю, что орки ограничатся одним Арвендейлом и уж тем более они будут настолько глупы, чтобы двинуться дальше, не нарастив силы. Так что вам надлежит приложить все усилия к тому, чтобы отыскать, где сестры-помощницы укрыли реликвии. И, если это удастся, то озаботиться тем, чтобы доставить их в Эллосиил, где ожидать результатов битвы у Каменного города, — Лиддит немного помолчала, а затем произнесла уже несколько другим голосом: — Даргол, ну кому еще я могу это поручить? Большая часть гвардии герцога — это твои наемники. И… я не хочу упускать плащаницу из Арвендейла, но если что-то пойдет не так… она не должна пропасть.

Сенешаль несколько мгновений сверлил Лиддит горящим взглядом, а затем тяжело кивнул.

— Хорошо… герцогиня. Я сделаю все, что вы сказали. Если нам удастся отыскать плащаницу, она не покинет пределов герцогства до тех пор, пока не будет точно известно, что нам здесь не удержаться.

Лиддит перевела взгляд на сестру.

— Надеюсь, ты не против такого варианта?

Та медленно покачала головой:

— Нет… — и назвала сестру так, как за мгновение до этого сенешаль, признавая за ней право отдавать приказы на этой земле, — герцогиня. Но я хочу быть совершенно уверенной, что если… что-то пойдет не так, плащаница, буде мы ее отыщем, не подвергнется излишней опасности.

— Даргол — опытный военачальник и не станет излишне рисковать, — уверила ее Лиддит.

На следующее утро Лиддит поднялась рано. Наскоро умывшись, он накинула короткий кожаный колет, который уже, похоже, прирос к ней за время пребывания в Арвендейле как вторая кожа, и спустилась во двор замка. Он все еще был замусорен битым камнем, но разбитые ворота уже убрали. Правда, запашок стоял еще тот. Хотя все башни, забитые орочьим дерьмом, пленные орки уже давно вычистили, а эльфы рассыпали по каменным полам семена, буквально за одну ночь выбросившие побеги какого-то вьюна, который опутал и пол, и камни

замкового двора, и нижнюю часть стен и, как они говорили, должен был напрочь высосать запах и из воздуха, и из камней, пока еще изрядно повонивало. Во всяком случае во дворе. А вот с наведением порядка в замке было совсем худо. Нет, внешний двор убрали и казармы герцогских гвардейцев тоже, но они пока стояли пустыми. Из-за того же запаха. А вот внутренний двор и донжон все еще несли на себе многочисленные следы запустения. Рабочих рук катастрофически не хватало.

Когда Лиддит спустилась по лестнице, полторы сотни конников уже заполнили двор. Даргол стоял в окружении десятников. Гвардия герцога насчитывала пока всего лишь чуть менее трех сотен человек, основную часть которых составляли бывшие наемники Даргола. Остальные были, так сказать, с бору по сосенке — частью наемники других отрядов, а частью северные варвары, решившие по примеру своих далеких предков — Арсекая Дубовое Весло и Орварда Длинный Меч — присягнуть на мече герцогу Арвендейла. Вернее, среди северных варваров таких желающих было много, как, впрочем, и среди наемников — столько, что сформировать полную тысячу герцогской гвардии не составило бы никакого труда. Но Даргол очень придирчиво подходил к отбору кандидатов. Из северных варваров он брал, например, только тех, кто уже служил в наемниках. Ибо только такие были знакомы хоть с каким-то понятием дисциплины. Так что, несмотря на то, что гвардия герцога Арвендейл внешне пока представляла собой сборище разномастно одетых и вооруженных людей, в бою она могла бы потягаться не только с гвардией любого другого герцогства, но кое в чем даже и с императорской гвардией.

Заметив Лиддит, Даргол рукой остановил докладывающего ему что-то десятника и устремился к ней.

— Все готово, госпожа.

— Вижу, сенешаль, — она улыбнулась, — я и не сомневалась. Сестры еще не вышли?

Даргол отрицательно качнул головой.

— Нет. Молятся.

Но едва он произнес эти слова, как со стороны развалин замковой часовни появились женские фигуры, закутанные в черные накидки. Сестры-помощницы молча проследовали через двор к привязанным у самых ворот лошадям и повозке, в которой должны были отправиться в путь те сестры, кто в силу возраста либо иных других причин не мог ехать верхом. Хотя повозка явно должна была задержать их в пути, поскольку там, куда они направлялись, не было никаких наезженных дорог.

От небольшой группы сестер, шедших последними,

отделилась одинокая фигура, направившаяся прямо к ним. Когда она подошла поближе, Даргол отвесил учтивый поклон.

— Все ли готово, сенешаль?

— Да, сестра, — кивнул Даргол, — если позволите, я отдам гвардейцам команду выдвигаться, чтобы встретить вас у подножия.

— Поступайте как считайте нужным, — ответила Тамея, — я не очень-то смыслю в воинском искусстве, поэтому всецело полагаюсь на вас.

Даргол вновь поклонился и, приняв от оруженосца повод, быстро вскочил в седло и махнул рукой. Двор заполнился лязгом металла и цоканьем подков. Полторы сотни воинов садились на коней, разбирали повод и по команде своего командира выезжали через ворота во внешний двор замка. Тамея проводила их взглядом и повернулась к Лиддит.

— До встречи, сестра.

— До встречи, — серьезно кивнула Лиддит и, повинуясь какому-то странному чувству, шагнула вперед и порывисто обняла Тамею. Они выросли далеко друг от друга, так что она впервые увидела сестру, только когда ей исполнилось двенадцать лет. Да и то мельком, когда отец отчего-то велел доставить Тамею к себе из дальнего монастыря, где она все это время жила. Впрочем, ненадолго. Вскоре Тамея уехала обратно в свой монастырь, а Лиддит выкинула ее из головы, так и не успев привыкнуть к мысли, что у нее есть сестра. Она никогда о ней особенно не думала, потому что сестра из числа сестер-помощниц никак не вписывалась в круг ее обычных занятий и интересов. Лиддит почти совсем забыла о ней, когда взвалила себе на плечи заботу о делах совсем расхворавшегося отца. И только в этом походе она внезапно обнаружила, что сестра — это не фантом, что она рядом и что она несет свое предназначение с не меньшим, а то и с гораздо большим мужеством, чем любой из воинов. А когда Тамея практически спасла их всех в той битве у Зимней сторожи, Лиддит почувствовала, что в ее сердце разгораются какие-то новые чувства. Удивление от того, что рядом есть родной тебе человек, тихая радость и столь же тихая гордость за него и… страх его потерять. Конечно, не такой, как страх потерять Троя, но… немногим меньший.

— Ну что ты, маленькая, — тихо прошептала ей на ухо Тамея, и Лиддит внезапно поняла, что та ласково улыбается. — Не бойся. Я тебя теперь никогда не брошу.

Лиддит оторвалась от сестры и удивленно уставилась на нее. Но та еще раз улыбнулась ей ласково, провела ладонью по щеке, а затем запахнула накидку и, резко повернувшись, двинулась к

своим сестрам, уже оседлавшим лошадей и забравшимся на повозку. И Лиддит внезапно с особой пронзительностью поняла, что да, именно этого она и боялась, неосознанно, не совсем понимая сама, она боялась, что вновь обретенная сестра внезапно так же исчезнет из ее жизни, как и появилась.

— И-и-и-ях! — громко вскрикнул возница и щелкнул кнутом, и повозка в сопровождении верховых сестер, грохоча колесами, выехала со двора замка. Лиддит проводила ее взглядом. Ни одна из двух сестер даже не подозревала, что они расстаются не на десять дней, а на гораздо больший срок. Срок, за который обеим придется испытать немало.

Глава 3

— Осторожнее, господин!

Герцог Эгмонтер резко натянул поводья. Могучий конь вороной масти с белыми гольфами на передних ногах протестующе заржал, но железные удила, впившись ему в губы, заставили его сделать шаг назад, затем еще один… и тут загрохотало. Конь испуганно всхрапнул и попытался взвиться на дыбы, но поводья, направляемые железной рукой, не дали сделать и этого. А властный голос, которому он привык повиноваться, громко и сердито повелел:

— Стоять, Шудр, стоять!

И конь послушно замер, хрипя и дрожа и испуганно поводя лилово-фиолетовым глазом. А мимо, грохоча, катилась очередная осыпь.

Когда камни прекратили катиться по склону, герцог Эгмонтер расслабил каменно напряженные мышцы и, отпустив поводья, отер дрожащей рукой заливающий глаза пот. Вот, темные боги, а если бы он выехал из-под этого проклятого каменного карниза?

Сбоку протянулась рука и перехватила поводья. Герцог скосил глаза. Рядом с конем на тропе стоял джериец, командир его личной стражи, и встревожено смотрел на герцога. Заметив, что тот повернулся к нему, Измиер разомкнул губы, попытавшись изобразить заискивающую улыбку, и вытянул руку куда-то вперед и вверх. Герцога едва не передернуло от вида зияющего провала пасти джерийца, но он все-таки нашел в себе силы и повернулся в сторону, куда указывала его рука. Там впереди, где-то в полулиге, тропа делала крутой изгиб, образуя что-то вроде небольшой площадки. Вернее, по здешним меркам площадка была большой. Вполне достаточной для того, чтобы весь их небольшой отряд мог с некоторым комфортом разместиться на ночлег. По краям этой площадки даже росло несколько деревьев, правда, довольно низкорослых и с перекрученными стволами. Но чего можно было ожидать в этих местах и на такой высоте? Герцог вновь перевел взгляд на Измиера и согласно кивнул. Тот просиял и, еще раз окинув герцога встревоженным взглядом, с некоторой неохотой отпустил поводья, после чего повернулся назад, к отряду, и принялся отчаянно жестикулировать, отдавая распоряжения. А герцог тихонько выпустил воздух сквозь стиснутые зубы. Да уж, на этот раз он испугался по-настоящему…

Когда одну луну назад кавалькада из двух десятков всадников и полутора десятков вьючных лошадей выехала из ворот Парвуса, никто и предположить не мог, каким опасным

окажется путешествие. Впрочем, разве не каждый шаг, который он сделал с тех пор, как принял ЭТО решение, был смертельно опасным?…

Эгмонтер ясно помнил тот вечер, когда он сидел в своем кабинете и смотрел на противоположную стену. Темнело. Лампу он не зажигал. Для этого надо было повернуться и поднять голову. А в подсвечнике все пять свечей почти догорели еще вчера. Имлан, старый дворецкий, был уже совсем стариком, и герцог приказал ему выбрать себе в помощники кого-нибудь помоложе. Но старый дурень испугался, что герцог собирается его заменить, и потому подбирал себе в помощники совсем уж безголовых тупиц, к тому же жутко его боящихся. А уж самого герцога они боялись так вообще до колик в желудке. Так что лишь в те дни, когда Имлан, шаркая своими старческими кривыми ногами с выступающими подагрическими суставами, поднимался по крутой лестнице в его кабинет и, отдышавшись, наводил здесь раз и навсегда установленный двадцать лет назад порядок, можно было надеяться, что все нормально. Но последнее время старик хворал и частенько манкировал этими ежедневными вскарабкиваниями по лестнице. В принципе это было не так уж страшно. Герцог и сам был аккуратист, поэтому его кабинет вполне мог и пару, и тройку дней пребывать в полном порядке и без какой бы то ни было уборки. Но вчера он засиделся, причем именно при свечах. А Имлан опять прихворнул и почти весь день провел в своей каморке, обмотав колени тряпицами, смоченными в целебных травяных настоях. Впрочем, толку от них было мало. Они приносили некоторое облегчение, но только пока тряпицы были намотаны на колени. А применять сильнодействующие мази или лечебные заклятия Имлан опасался, поскольку привык, что герцог может вызвать его в любой момент. О том, что господин не переносит запаха чужих заклятий, как и резких запахов — непременных спутников сильнодействующих мазей, в замке знали, наверное, даже мыши и тараканы.

И потому, когда герцог, не поднимая головы от стола, привычным щелчком пальцев заставил пять фитильков вспыхнуть и заняться дрожащими язычками пламени, те дружно и самоотверженно бросились в атаку на тьму, постепенно заполнявшую кабинет. Но спустя всего лишь пятнадцать минут первый из них разочарованно задрожал и потух. Почти сразу же за ним последовал второй, потом третий… а когда герцог обратил внимание, что с трудом различает буквы на очередном свитке и поднял глаза, над вычурной ковкой подсвечника дрожал только один-единственный язычок пламени. Герцог раздраженно нахмурился, но затем его внимание привлекли тени, пляшущие

на противоположной стене, и он замер, пораженный внезапно пришедшими в голову мыслями. Некоторое время он сидел, тупо пялясь на стену, а затем выпустил из рук свиток и откинулся на спинку кресла. Вот… вот оно… понимание того, отчего все его так скрупулезно разработанные планы непременно идут прахом. Все дело в том, что все это время он пытается усидеть на двух стульях. Принадлежать двум разным сущностям. Он уже давно пользует темные искусства, но при этом продолжает посещать храмы Светлых богов и стоять службы. Правда, не слишком обращая на все это внимание, поскольку уже давно уверился в том, что никаких Светлых богов нет. И самого Творца тоже. Может, и были когда-то, но теперь ушли. То ли для того чтобы, как говорят жрецы и посвященные маги, не ограничивать предоставленную человеку Творцом свободную волю, то ли по каким-то иным, только им известным причинам. Но ушли. А Темные нет. Темные, если верить легендам, были изгнаны из мира. Правда, недалеко. Так что их сила и мощь все еще явственно ощущаются здесь, в этом мире. И потому темные заклятия столь эффективны и обладают такой силой, какая и не снилась всем этим так называемым светлым магам.

Герцог взволнованно вскочил на ноги и прошелся по кабинету. От резкого движения воздуха последний фитилек задрожал и погас. Но герцог привычно щелкнул пальцами, вытянув руку в сторону висящей над его креслом лампы, и та засияла ярким светом горящего очищенного земляного масла… Неужели он нашел, понял, что надо сделать, чтобы обрести силу и власть, коих достоин? Надо отринуть тех, кто является пустым местом. Кто забыл об этом мире, лицемерно прикрываясь бреднями о свободе воли. Ибо о какой свободе воли для своих подданных может думать настоящий властитель, чье предназначение состоит в том, чтобы властвовать над всеми волями и заставлять воли низших в благоговении склоняться перед своей? Он остановился, припомнив рассказы жрецов и учителей о том, что бывает с теми, кто рискнет пойти темным путем, а затем криво усмехнулся. Чепуха! Чушь! Они просто боятся конкурентов. Их сил достало только на то, чтобы овладеть слабенькими заклятиями Света, использующими крохи силы, оставшейся от сгинувших Светлых богов. Эти жалкие черви не могут даже и помыслить о том, чтобы попытаться овладеть мощью, даваемой человеку, ступившему на темный путь. Он, сделавший только пару первых шагов, уже знает и умеет гораздо больше тех, кто с таким высокомерием носит мантию Императорского ковена. Что же ждет того, кто осмелится пройти по этому пути дальше? Кто полностью посвятит себя Тьме? Что

тогда перед ним будут все эти маги, да и сам император?

Герцог хрипло расхохотался. Да, да, все именно так и никак иначе. И эти пляшущие тени, которые он заметил на стене и которые так походили на отблески огня Игхашкхаха, — это знак, посланный ему недовольными им Темными, предложение наконец-то определиться, сделать выбор между благостной пустотой и истинной силой. И… он сделает этот выбор. Темные будут довольны…

В тот вечер он приказал подать в свою личную столовую вина и фруктов и хорошенько отметил принятое решение, а утром вызвал к себе Беневьера и госпожу Нилеру. Спустя два часа они выехали через восточные ворота Парвуса на дорогу, ведущую к Эл-Северину. А в замке герцога началась суматоха, предшествующая началу любого дальнего путешествия достаточно большого количества людей. Особенно если один из этих людей является владетелем этого герцогства…

Ночь прошла спокойно. Лошадей с вечера накормили овсом и напоили из взятых с собой бурдюков. Те почти опустели, но в этом не было никакой особой беды. Уже завтра они должны были пересечь границу снегов, так что с водой проблем не предвиделось. С продуктами было хуже. Если там, куда они направлялись, не удастся пополнить запасы, то на обратную дорогу точно не хватит. Но куда они идут и чего ищут, было неизвестно никому, кроме самого герцога. Впрочем, это никого особо не волновало. Потому что почти треть его людей уже не раз забиралась с герцогом так далеко, что остальные две трети только разевали рты, слушая у костров рассказы о тех путешествиях. И, поскольку эта треть сейчас сидела перед ними, являя живой пример того, что из самых дальних и страшных путешествий, предпринятых герцогом, все-таки можно вернуться, эти две трети безропотно следовали за своим господином. А остальные, та самая треть, тоже… надеялись, что и на этот раз они окажутся в той малой части отряда, которой суждено вернуться, однако благоразумно не делились своими мыслями с остальными двумя третями.

Границы снегов они достигли к вечеру. Вернее, даже не снегов, а ледника. За следующим поворотом тропы или того, что герцог считал таковой, взору шедших первыми (поскольку ехать на лошадях здесь было совершенно невозможно, все спешились, ведя коней в поводу) внезапно открылось довольно большое озеро, почти в пол-лиги длиной и в четверть шириной. Слева воды этого озера низвергались вниз с отвесной стены, а справа по дуге шло открытое пространство шириной локтей в семь, образовавшееся, похоже, оттого, что вода отошла от скальных

зубцов, ограничивающих озеро с этой стороны. Почему это произошло, можно было только гадать. Может быть, вода подмыла кусок скалы со стороны водопада, и он обрушился, снизив уровень слива, а может, просто зимой с той стороны на скалы намерзал лед и уровень воды в озере поднимался как раз на толщину льда… А вот напротив озеро ограничивал язык ледника, опускающийся прямо в воду. И снимающий всякие сомнения по поводу того, откуда в этом озере бралась вода.

Когда герцог добрался до остановившихся разведчиков, те уже наполнили бурдюки студеной ледниковой водой и взобрались на лошадей. Далеко ли, близко ли, но вокруг озера вполне можно было ехать на лошадях. По образовавшемуся от ухода воды галечному пляжу. Герцог окинул взглядом озеро, ледник и довольно улыбнулся. Все верно. Все так, как и было описано в том свитке. Только озеро теперь не примыкало вплотную к скалам. И потому можно будет проехать немного дальше, чем он первоначально рассчитывал. А главное — он почти у цели. До конца пути оставалось еще два дня. Всего два дня…

Герцог развернулся и коротко приказал:

— Ночевку устроим здесь.

Ночь прошла спокойно. С утра наполнили все бурдюки, у лошадей проверили подковы, и, когда солнце достигло зенита, первые лошади ступили на ледник.

Язык ледника, скатывающийся к озеру, они пересекли за полтора дня. Ехать на лошадях смогли только часа два, затем пошли расщелины, торосы, и пришлось спешиться да к тому же пуститься в обход. Две вьючные лошади и трое людей рухнули в ледяные расщелины. Двоих людей вытащили, а один сразу же сломал шею. Лошадей достать не удалось, но одну сумели разгрузить. К исходу второго дня уставшие люди достигли края ледника и спустились с него. Во время спуска еще один человек сломал ногу и его погрузили на одну из лошадей. Правда, герцог отчего-то приказал, чтобы эту лошадь вели с собой разведчики. А на следующее утро вообще велел переформировать караван — в отличие от того, как было раньше, выставив в голову каравана не наиболее опытных, а, наоборот, самых молодых из числа своих слуг. На ветеранов дохнуло опасностью, но никто из них не подал вида. Наоборот, в их сердцах появилась слабая надежда, что господин хочет сохранять их до последней возможности. И это было важнее тех, как на самом деле все понимали, мнимых привязанностей, которые за время этого похода образовались между старыми и молодыми стражниками. Так что, когда утром последнего (как потом выяснилось) дня похода герцог взмахнул

рукой, приказывая трогаться, две части каравана тронулись в путь с совершенно разным настроением. Молодежь — гордо подбоченясь и рисуясь друг перед другом, а ветераны — настороженно нахохлясь и сторожко глядя по сторонам.

Последний участок пути они преодолели часа за четыре. По сравнению с тем, что уже остался за спиной, он был не слишком тяжелым. Более того, в самом конце они выехали на то, что можно даже было бы принять за дорогу или по крайней мере широкую утоптанную тропу. И это означало, что, скорее всего, они могли бы достигнуть этого места с гораздо меньшими трудностями. Если бы двинулись другим маршрутом. Но тут возникал вопрос, почему герцог, зная это, все-таки двинулся другим путем. Впрочем, наверное, у него были для этого основания. К тому же и сама тропа выглядела не слишком-то привычно: сколько люди ни приглядывались, так и не смогли обнаружить на ней ни единого следа от колес или даже копыт… Но это было видно и понятно ветеранам, которые благоразумно помалкивали. А молодежь просто бурно радовалась тому, что долгая и трудная дорога, похоже, скоро закончится, а сейчас можно вновь взобраться в седло и продолжать путь, не напрягая натруженные ноги.

Все произошло, когда тропа еще больше расширилась и, свернув, нырнула в широкую расщелину, сразу за которой скалы расступались, образуя небольшое ущельице, по обеим сторонам которого высились крутые, отвесные каменные склоны. Разведчики из числа молодых стражников, ведя в поводу коня, на котором восседал стражник со сломанной ногой, въехали в расщелину, не шибко оглядываясь по сторонам, а вслед за ними туда же втянулся и весь остальной караван. Измиер настороженно огляделся и, вскинув руку, энергичным жестом указал на одну из скальных стен, приказывая каравану сместиться к ней. Ибо другая была сплошь изрезана расщелинами и провалами, которые, несмотря на ясный день, заполнял густой сумрак. И в это мгновение из сумрачных расселин показались огромные глыбообразные фигуры. Несколько мгновений все ошеломленно пялились на них, а затем кто-то отчаянно закричал:

— Тролли!

Все смешалось. Кое-кто попытался повернуть лошадь, надеясь проскользнуть назад, кто-то, наоборот, выпрыгивал из седла в надежде забиться в какую-нибудь щель, кто-то просто орал, суматошно дергая повод. Старые стражники, так же как и все, поначалу уставившиеся на оживший кошмар любого солдата, быстро спешились и, повинуясь энергичным жестам джерийца, сомкнули вокруг герцога кольцо, быстро выстроив «ежа» и…

оставив за сомкнутым строем почти две трети отряда. Впрочем, все понимали, что против троллей «еж» был не слишком эффективен. Троллю достанет силы швырнуть такой осколок скалы, что в «еже» тут же образуется сквозная брешь. Только строй латников, вооруженных специальными тяжелыми, так называемыми башенными щитами, мог бы некоторое время сопротивляться атаке троллей. А самым лучшим, что было у людей против этих тварей, был удар сомкнутого строя панцирников. Но здесь не было ни латников с их щитами, ни панцирников. И потому оставалось только надеяться на то, что господин знает, что делает. А еще на то, что две трети отряда, безумно мечущиеся сейчас между куцым строем стражников и приближающимися троллями, послужит для тварей достаточным угощением. И они вполне успеют насытиться, прежде чем доберутся до горстки людей, защищающих своего господина.

В этот момент первые твари добрались до того места, где скопилась большая часть обезумевшего людского стада. Некоторые из тех, кто завернул коней, попытавшись сбежать, уже попали в лапы живым глыбам, но о том, что с ними происходило, можно было догадываться только по звукам, доносящимся из-за поворота, — отчаянным крикам людей и испуганному ржанию лошадей, заканчивающимися одновременно с треском ломающихся костей и чмоканьем разрываемой плоти. А теперь все увидели то, как все это происходит. Головная тварь резко выбросила лапы, поймав сразу двоих. Причем один из стражников оказался сразу же раздавлен. Все услышали хруст ломающихся ребер, и в следующее мгновение отчаянно вопящая голова стражника безвольно обвисла. Второй, прихваченный не так плотно, визжа, попытался вырваться из сцапавших его пальцев, больше похожих на черенки галерных весел, изо всех сил дрыгая ногами и цепляясь за огромный камень, но тролль, нахмурясь, резко дернул. Визг стражника перешел в вой, а тролль озадаченно уставился на ногу, оставшуюся у него в руке. Сам же стражник рухнул на тот самый камень, за который цеплялся. Впрочем, его свобода длилась недолго. Его тут же сцапала следующая тварь и, так же как и первая, сдавила, ломая ребра, а затем, урча от удовольствия, откусила голову, и присосалась к обрубку шеи с торчащим из нее позвоночником, жадно всасывая бьющий из нее фонтан крови…

Бойня утихла только через час. К тому моменту снег в круге выстроивших «ежа» стражников, старых ветеранов, видевших не одну битву, был полностью заблеван. Герцог и сам не менее трех раз вынужден был поддаться позыву опорожнить желудок. Уж больно страшным и кровавым было пиршество троллей. Герцог, с

осунувшимся от рвоты лицом, некоторое время изучал уже слегка поднасытившихся тварей. А затем коротко приказал:

— Разомкните строй. Мне надо выйти.

Стражники безропотно разошлись. Ибо всем было понятно, что строй сейчас никак не служит им защитой. Скорее он помогал им более успешно цепляться за жалкие остатки самообладания, не позволяя броситься в панике куда глаза глядят с неминуемым результатом — оказаться в пасти очередной твари.

Герцог сделал несколько шагов вперед и остановился, прикидывая расстояние до ближайшей живой глыбы. Многим было известно, что тролли туговаты на ухо, но вот насколько это точно, никто не знал. Герцог глубоко вдохнул и заскрежетал, надсаживая горло, на том языке, который, как ему представлялось, был родным языком троллей.

Некоторое время ничего не происходило. Твари все так же увлеченно хрустели костями людей и лошадей. И герцог решил, что тугоухость троллей даже несколько преуменьшена, но затем тролль, на которого он ориентировался с самого начала, выплюнул из пасти тщательно обсосанный панцирь и, повернув морду в сторону Эгмонтера, пророкотал:

— Ты говоришь на нашем языке?

Герцог кивнул:

— Да.

Тролль отвернулся и некоторое время молча сидел, обдумывая столь удивительный факт, а затем вновь повернул морду к Эгмонтеру:

— Зачем ты пришел?

— Я должен встретиться с вашими шаманами.

Тролль вновь задумался. Его ответ прозвучал, когда герцог уже начал терять терпение:

— Шаманам нет дела до людей. — Тролль приподнялся на нижние лапы и неторопливо двинулся к герцогу. Тот сглотнул. Сейчас! Если он ошибся и неправильно просчитал реакцию троллей, этот момент будет не только концом его путешествия, но вообще концом герцога Эгмонтера.

— Я принес им известие о древней реликвии вашего рода, которую они давно ищут.

Тролль никак не отреагировал на его слова, продолжая молча приближаться. Герцог почувствовал, как у него холодеют и подгибаются ноги, но упрямо вскинул голову и остался на месте. Он ДОЛЖЕН был рискнуть. Ибо будущее величие требует от своих соискателей рискнуть многим, дабы получить еще больше. Тролль остановился, и чудовищная пасть нависла над головой герцога. На Эгмонтера пахнуло жутким смрадом. А затем пасть

произнесла:

— Хорошо. Я отведу тебя к шаманам…

К шаманам Эгмонтер попал только на следующий день. Вечером им разрешили разбить лагерь. К удивлению герцога, тролли сожрали не всех даже из той части отряда, что была им самим предназначена на заклание. Несколько человек сумели забиться между камнями, и тролли их не учуяли. Ну еще бы. В том месте до сих пор стоял густой смрад. Так что спустя некоторое время после того как люди запалили костры, к ярко освещенному пространству, трясясь от страха, выползли еще с дюжину спасшихся.

Утром в лагере появился давешний тролль. Он походя сцапал стражника, оказавшегося в пределах досягаемости его лапы, со вчерашней сноровкой откусил ему голову и, сплюнув шлем, старательно высосал кровь, а потом, урча от удовольствия, неторопливо сожрал его. После чего старательно слизнул с морды заляпавшую ее кровь и повернулся к герцогу:

— Идем. Шаманы ждут.

Шаманов оказалось семеро. И добираться до них пришлось почти два часа. Они встретили его среди хаоса каменных скал, чем-то напоминавшего какой-то уродливый лес, состоящий из деревьев, на которых не было ни одной ветви. Только толстые, голые, причудливо изогнутые стволы.

— Что ты хотел сказать нам, человек?

Герцог сделал шаг вперед и, вытащив из-за пазухи сверток, осторожно положил его на землю. Шаманы молча смотрели на него. Герцог неторопливо перерезал бечевку, а затем осторожно развернул шкуру гхарка, тщательно следя за тем, чтобы даже случайно не коснуться того, что находилось внутри.

Когда он закончил, все семеро шаманов издали протяжный стон. Эгмонтер замер. Несколько мгновений ничего не происходило. Шаманы зачарованно пялились на содержимое свертка. Потом крайний из них повернулся:

— Откуда ты его взял?

Герцог облизнул внезапно пересохшие губы.

— Мне принес его один вор. Э-э… я известен среди людей как человек, который платит хорошие деньги за всякие диковинки, древние свитки, старинные амулеты. И поэтому мне часто несут то, что не надеются продать кому-нибудь другому.

— Ты знаешь, ЧТО это?

— Да, — торопливо кивнул герцог, — именно поэтому я не посмел прикоснуться к нему. И сразу стал собираться в путь, дабы вернуть вашему народу давно утраченную реликвию.

— Где вор?

— Мертв, — твердо произнес герцог. Тем более что это было сущей правдой. Неправдой было то, что сам герцог не прикасался к этому предмету. И он знал, что шаманы троллей способны точно установить, что как минимум один человек, прикасавшийся к их реликвии, еще не ушел в царство мертвых. Древние слуги темных богов были способны на многое… но Эгмонтер надеялся, что ему удастся обмануть шаманов, отведя угрозу от себя и направив ее на другого человека. Он очень постарался для этого.

— А тот, у кого вор украл?

— Он… жив.

Шаман наклонился над шкурой и, поведя носом, несколько раз шумно втянул воздух.

— Ты сказал правду. Среди тех, кто касался ЕГО, есть один живой.

Шаман выпрямился.

— Кто он?

Эгмонтер сглотнул… удалось.

— Его имя — герцог Арвендейл!

Шаман согласно кивнул.

— Чего же ты хочешь?

— Я хочу… поговорить с вашим вождем, самым главным из народа троллей.

— Зачем?

— Это я скажу только ему.

Шаманы переглянулись. Некоторое время никто не произносил ни слова, но герцог дал бы руку на отсечение, что все это время шаманы напряженно совещались. И, возможно, не только между собой. Наконец тот шаман, что все это время разговаривал с ним, вновь повернулся к герцогу:

— Хорошо. Завтра.

Когда он вернулся, оказалось, что его отряд уменьшился еще на четверых. Тролли просто подходили поближе и хватали первого попавшегося человека, после чего устраивали трапезу прямо на месте…

Следующим утром его вновь привели на то же место. Шаманы ждали его. Тот, кто разговаривал с ним вчера, разинул пасть и пророкотал:

— Ты сказал правду, человек. Тот, кого ты назвал, действительно есть среди людей. И к нему тянется след от НЕГО. Поэтому мы дозволим тебе встретиться с тем, с кем ты хотел.

Герцог согласно кивнул и украдкой перевел дух. Свиток не обманул. Ему действительно удалось перекинуть свой след на того, кого он ненавидел больше всего на свете. Того, который сумел походя разрушить его самые тщательно разработанные

планы. Того, кто осмелился претендовать на достоинство, на самом деле доступное людям только по праву рождения… Но сейчас было не до этого.

— Я готов, — твердо произнес герцог, — далеко ли идти?

— Нет, — ответил шаман и, развернувшись всем телом, указал куда-то внутрь мешанины скал: — Туда. В пещеру.

Пещеру он обнаружил довольно быстро. Правда, всю дорогу его преследовала мысль, как же сами тролли пробираются к ней. Ибо он сам едва смог протиснуться среди мешанины каменных пальцев.

Остановившись, он некоторое время всматривался в густой сумрак, скрывавший то, что находилось в глубине пещеры, а затем тяжело вздохнул и шагнул вперед.

Когда глаза немного привыкли, оказалось, что в пещере не так уж и темно. Эгмонтер сделал несколько шагов и остановился у огромной глыбы, покрытой мхом, озираясь по сторонам и пытаясь отыскать хоть что-то, что натолкнуло бы его на идею, куда идти. Он все еще озирался, когда глыба вздрогнула, отчего с нее посыпались мелкие камешки, и пророкотала:

— Гхыто гррывело гхыбя гхуда, гхеловекх?

Герцог Эгмонтер замер, не решаясь даже вытереть холодный пот, который прошиб его, едва зазвучали эти слова. Похоже, даже чудовищный язык троллей давался этой древней глыбе с трудом. Во всяком случае, он не столько понял, сколько догадался, о чем его спросили.

— Йи-а… хотел бы поговорить с вашим… с вашей… с главным шаманом.

— Гха — хсамыйх гхлахныйх.

Герцог Эгмонтер еще раз украдкой окинул взглядом пещеру. Если ЭТО, конечно, можно было назвать пещерой. Расщелина, заполненная всяким скальным мусором величиной от булыжников в пару его кулаков до глыб, которые высотой превосходили стену Парвуса, вот что это было. Никакого намека на ложе или место, где эта древняя замшелая глыба принимала пищу. Если она, конечно, еще хоть что-то ела. И когда-нибудь спала… Глыба молча ждала ответа. Впрочем, ей-то что, для нее, наверное, вообще не существует такого понятия, как минута, а может, даже и час.

— Я… хотел бы пройти Посвящение.

Произнести это было нелегко. Несмотря на все прежние решения и поступки. Но он смог. Произнес. И теперь путь назад был отрезан.

Глыба некоторое время сидела молча, так что Эгмонтер даже начал опасаться, что она уснула… или окончательно окаменела.

Но затем чудовищная пасть снова разверзлась, и оттуда прозвучало:

— Гхалц.

— Что? — не понял герцог.

— Гхай гхне гхвой гхалц.

Герцог мгновение недоуменно пялился на глыбу, а затем до него внезапно дошло.

— Палец? Мой палец?!

— Гха.

— Но… зачем?

— Гхесть.

Герцога передернуло. ЭТО хочет сожрать его палец!

— Но… я не понимаю, я же принес вам великую реликвию вашего народа и… рассказал о том, кто все это время хранил ее у себя. Так что вы теперь можете исполнить свой древний закон и…

— Гхалц.

Герцог недоуменно покосился через плечо на провал, через который он проник в… ладно, будем считать это пещерой.

— Гхалц гхли гхади.

Уходить? После всего, что он перенес? После того как скормил этим тварям половину своего отряда? Ну уж нет! Герцог решительным жестом выхватил кинжал и огляделся в поисках подходящего обломка, способного послужить разделочной доской. Но тут из глотки глыбы вновь раздались слова.

— Гхне гхетм.

Герцог недоуменно воззрился на… Темные боги, ЭТО никак не было возможно обозначить привычным словом «собеседник».

— Но чем?

— Гхоложих гсюдах.

— Сюда?

— Гхв гхменях. Гсамх гхадгхрыху.

Герцог содрогнулся. ЭТО собирается лично отгрызть у него его собственный палец. Он медленно убрал кинжал, затем спохватился и вытащил его снова. Отхватил им полосу от своего и так уже изодранного плаща. Опять убрал кинжал. Обмотал отрезанным куском руку, оставив снаружи только мизинец. Все это время прекрасно понимая, что делает все это лишь для того, чтобы максимально отдалить тот момент, когда ему все-таки придется вложить свой палец в эту уродливую пасть… Но всему рано или поздно приходит конец. И вот все, что он мог придумать, дабы отдалить тот страшный миг, было исполнено, и герцог замер, глядя на темный провал пасти, как кролик на удава.

— Гхалц!

Герцог вздрогнул и, глубоко вдохнув, вытянул руку вперед.

Чудовищная пасть пришла в движение, и в следующее мгновение герцог закричал…

Глава 4

— Вот они!

Старшина Фодр зло оскалился и, приподнявшись, показал кулак разведчику, прошептавшему эти слова. Орки — это тебе не тугоухие тролли. Они — твари чуткие. А засада, она засада, только если тебя не обнаружили. Во всяком случае до времени. А уж эту засаду пошло прошляпить совсем не хотелось бы. Уж больно место удачное. Дорога идет вдоль топкого ручья, текущего по дну оврага, и до того склона, на верху которого они засели, простирается луг. Так что для стрелков открывается едва не три сотни шагов открытого пространства. Стреляй — не хочу. Вполне можно положить отряд раза в три, а то и в четыре больше, чем тот, что засел в засаде. К тому же выше по течению ручья устроена запруда. Не то чтобы очень, но метра на три воду поднимает. Это сопляк-герцог хитро придумал, ничего не скажешь. Правда, образовавшееся озерцо пока еще не все водой заполнилось, да еще из-за этого и берега ручья тоже подсохли и стали более или менее проходимыми. А если бы не пара ключей, что выбивались из-под земли как раз на этом участке, ручей бы и вовсе пересох. Но, может, это и к лучшему. Больше шансов за то, что орки двинутся этой дорогой, а не свернут где-нибудь еще. Впрочем, похоже, теперь об этом можно не беспокоиться…

Всадники на варгах выскочили из-за поворота почти сразу же после того, как Фодр вновь приник к земле. Востороглазый паренек из Калнингхайма, которого Фодру порекомендовал сам мастер Титус, сумел-таки углядеть их разъезд сквозь густую листву задолго до того мига, как они вошли в зону обстрела. Так что, пожалуй, даже выволочка была не к месту. Кажется, его звали Парбой… но сейчас пока было не до похвал. Передовой варг внезапно остановился, упершись в землю всеми четырьмя лапами, взметнув клубы пыли, и, вытянув морду к земле, принялся принюхиваться. Фодр зло ощерился. Унюхал-таки. Несмотря на то что он, старшина Фодр, самолично посыпал пыль истолченными в мельчайшую крошку сушеными цветками икиля. Считалось, что он отбивает любой запах. Неужто придется начать стрелять с такого расстояния? Ох, не хотелось бы…

Но, похоже, варг унюхал не человеческий запах, а именно этот самый сушеный икиль. Потому что, втянув носом воздух, он внезапно сморщился и… гулко чихнул. Остальные варги тут же отозвались на это злобным ворчанием, а орки утробно зарычали. Орк, сидевший на первом варге, злобно рявкнул и пнул своего варга тяжелой когтистой лапой. Тот зарычал, но послушно

тронулся вперед. Фодр тихо перевел дух: вроде пронесло, но тут же вновь напрягся. До той линии, которую он определил как начало атаки, первому варгу осталось сделать всего шесть прыжков. Пять. Четыре. Три. Два.

— За Арвендейл! — взревел старшина Фодр, вскакивая на ноги и натягивая лук.

— За Арвендейл!! — проревели ему в ответ почти два десятка глоток. И спущенные тетивы запели свою смертоносную песню…

Орочья орда накатывалась на Арвендейл с неумолимостью морского прилива. Вернее, это была даже не орда, а так называемая Гурьба. Множество мелких орд, объединенных в одну. И их численность была больше, чем первоначально известные цифры. Семьдесят тысяч было только в орде западных орков. А все остальные, которых западные сумели объединить в Гурьбу, дали еще почти шестьдесят тысяч воинов. И западные без стеснения использовали их как пушечное мясо, заставляя своими телами проламывать Гурьбе дорогу сквозь завалы и заслоны, которыми Трой пытался хоть немного замедлить продвижение орков.

Первая серьезная схватка произошла на берегу безымянной реки. Она была не слишком широка, но довольно глубока и имела слишком топкие берега, чтобы ее можно было преодолеть с ходу. Вести о том, что Крадрекрам и Эллосиил очищены от скверны и вновь готовы принять в свои объятия изгнанников из народов гномов и эльфов, разносились все шире и шире. И оттого ручеек тех, кто желал бы вновь поселиться в древних твердынях своих народов, хоть и был достаточно тонким, но не иссякал. Поэтому, когда в усиление пяти сотен разведчиков к ущельям, стражем которых высился древний Крадрекрам, ныне именуемый Каменным городом, подошли дополнительные силы, среди них было уже почти восемь сотен эльфов. Да и число самих гномов в Каменном городе приближалось к этой цифре.

Поэтому Трой, до той поры больше практиковавший засеки, засады и дальние обстрелы с выгодных позиций, решился устроить оркам настоящую головомойку. На том берегу реки, со стороны которого подходила орочья Гурьба, несколько мастеров под руководством двух оставшихся в живых умельцев из Зимней сторожи закопали с сотню сосудов с земляным маслом, проложив от них аж восемь огнепроводных трубок-запалов. А на этом берегу в двадцати шагах от реки был вырыт не шибко глубокий ров и насыпан вал, на котором установили сплетенные из ивняка высокие корзины, засыпанные землей. На серьезные укрепления времени не хватило, но даже эти не давали никакому, даже самому сильному варгу преодолеть их одним прыжком и

заставляли перед самым валом изрядно замедлить разгон. Сразу за корзинами с землей установили корзины пониже, туго забитые стрелами, расход коих планировался весьма большой. А у этих корзин расположилось почти четыре тысячи стрелков — эльфов и людей. Трой рассчитывал, что сможет удержать орков на этой позиции дня на два, а втайне надеялся, что и поболее. Но вышло по-иному.

Сторожевые посты заметили орков за два часа до полудня. Трой тут же приказал сыграть тревогу и сворачивать лагерь. Хотя старшина Фодр, уже не раз показавший себя в рейдах и засадах, ворчал себе под нос, мол, на кой оно надо, все равно ведь собираемся стоять здесь два дня и более и чего людей надрывать перед боем. На что Трой возразил, что оно, конечно, позиция выгодная и надежда задержать орков есть, но кто его знает, как повернется. Лучше, ежели что, быть готовыми к отходу. Тем более что стоять насмерть здесь никто и не собирался. Да и вообще, если даже все и получится как задумано, то все одно опять же поспать вряд ли удастся. Надо будет все время быть настороже, не полезут ли орки под покровом тьмы и не переправят ли где лигах в двух выше либо ниже по течению сильный отряд, чтобы ударить с тылу. Фодр, конечно, еще поворчал, но в душе вынужден был признать правоту молодого герцога.

Первые всадники на варгах ринулись к речке, еще когда не все из стрелков заняли позицию. То есть сразу же, как увидели врага. Оно и понятно. Варг — верховое животное не шибко удобное, двигается он скачками, так что всадника во время движения мотает на нем почем зря. Другой вопрос, что в ближнем бою это неудобство сторицей окупается тем, что варг и сам по себе грозный противник. Зато стрелять с варга почти невозможно. Так что единственным оружием дальнего боя, что имелось у всадников, были метательные топоры. Да и те никогда не были шибко эффективными. Разве что по плотной толпе. Так что всадникам надо было либо отойти, что было совсем не в норове орков, но иногда случалось, либо, быстро переправившись через не особенно широкую речку, броском преодолеть расстояние до примитивных укреплений людей и сцепиться с ними врукопашную. А там уж, под прикрытием этой завязавшейся свалки, реку преодолеют основные силы, и тогда людишкам уже некуда будет деваться. Все как и рассчитывал Трой.

Первыми ударили эльфы. Их стрелы засвистели, еще когда варгам, до того как влететь в реку, оставалось больше сотни прыжков. И воздух тут же наполнился визгом умирающих варгов и воем орков. Еще через полсотни шагов в дело вступили стрелки людей, пусть и не столь искусные, как эльфы, зато гораздо более

многочисленные. И орки не выдержали. Когда до реки осталось всего полтора десятка шагов, они поворотили варгов и бросились наутек, сопровождаемые восторженными криками людей и ликующим пением эльфов. Трой удовлетворенно кивнул. Пока все шло так, как он и рассчитывал.

Следующая атака началась через четыре часа. И на этот раз силы орков были в разы многочисленнее. Число всадников на варгах увеличилось как минимум в три раза. А за ними с ревом неслись пешие орки.

На этот раз эльфы пустили первые стрелы на три десятка шагов раньше, чем в прошлый раз. И вместе с ними ударили две сотни гномьих арбалетов, которые люди привезли с собой. Во время первой атаки их даже не стали заряжать и устанавливать, потому что, во-первых, слишком быстро началась атака и, во-вторых, потому что Трой не хотел сразу открывать все свои карты. Хотя, если бы всадники первой волны не ринулись сразу в атаку, а немного подкопили силы, вполне возможно, до арбалетов дело дошло бы и в первой волне.

Залп был страшен. Люди не рискнули состязаться с эльфами в искусстве стрельбы, поэтому арбалетчики по большей части целили в более крупных варгов. Первые несколько рядов всадников буквально скосило. Варги, пробитые навылет тяжелым арбалетным болтом, кубарем катились по земле, давя и опрокидывая тех из своих всадников, кто еще не поймал эльфийской стрелы и успел выскочить из седла. И лавина мчащихся варгов невольно замедлилась, давая людям и эльфам лишние мгновения на то, чтобы выпустить еще несколько драгоценных стрел, Это ли было причиной, либо что-то другое, но, когда первые всадники выбрались на противоположный берег, от лавы варгов осталась едва ли одна треть. А ведь предстояло еще преодолеть почти два десятка шагов, а затем перебраться через ров и взобраться на вал. И все это под плотным ливнем стрел, когда стрелкам уже почти не требуется целиться и брать упреждение. Руки просто рывком выхватывают стрелу из уже изрядно опустевшей корзины и, привычным движением наложив ее на тетиву, резко натягивают и почти сразу же отпускают тонкую жилу тетивы. А над всем валом стоит один слитный переливающийся хлопок-клекот. Это тетивы бьют по кожаным защитным наручам стрелков.

До земляных корзин добралось всего чуть больше десятка варгов, половина из которых была без всадников. И лишь двое сумели дотянуться до стрелков. Эльф умер на месте, просто перекушенный мощными челюстями, а человек сумел вогнать в глотку варгу свой спущенный лук, но получил касательный удар

по шлему от его всадника и опрокинулся на спину, потеряв сознание. Но это были единственные потери.

Однако, пока стрелки разбирались с всадниками, орущая толпа орков добралась до реки. И это было гораздо опаснее. Поскольку орков в этой волне было едва ли не в два раза больше, чем всадников. А руки стрелков уже начали дрожать от напряжения. Но выхода не было. И ливень стрел обрушился на следующую волну казавшегося нескончаемым прилива. Некоторое время казалось, что еще немного, и орков уже будет не остановить, все больше и больше их выбиралось на берег и успевало сделать сначала один, затем два, а потом уже и с десяток шагов, прежде чем рухнуть со стрелой в шее, ключице или глазнице. Но затем Трой встрепенулся и, развернувшись к Фодру, заорал:

— Старшина, быстро в обоз — пусть зарядят все арбалеты!

Фодр удивленно воззрился на него. После первого залпа арбалеты заряжать не стали, возницы и погонщики из числа тех, кто доставил сюда ивовые корзины или прибыл с припасами для стрелков, торопливо унесли их обратно в обоз, чтобы, согласно приказу Троя, уложить на возы, дабы лагерь был готов немедленно сняться с места. И вот такой поворот.

— Быстрей, старшина! — рявкнул Трой. И Фодр почувствовал, что ноги сами понесли его в сторону обоза. А мчавшийся рядом Трой пояснил:

— Похоже, эти — из мелких орд. Они почти без доспехов, а те, что есть, — кожа, причем старая. Гномьи болты прошьют их навылет.

— А стрелять кто будет? — ворчливо огрызнулся Фодр. — И так орки почти до рва добрались, а если две сотни стрелков из боя выключить, то никакие арбалеты не спасут — эти свинорылые тут же на валу окажутся.

Трой отмахнулся:

— На таком расстоянии и обозники не промажут.

Они едва успели. Первые орки уже карабкались на вал, когда набранные со всего обоза две сотни человек, которым наскоро объяснили, как обращаться с арбалетом, пригибаясь, дабы не загораживать сектор обстрела держащимся на последнем издыхании стрелкам, добрались до наполненных землей корзин.

— Приготовиться! — выкрикнул Трой. И тут же разрядил арбалет в орочью рожу, появившуюся в просвете между корзинами.

— Залп! — заорал он, торопливо заряжая арбалет. Над полем боя пронесся гулкий, вибрирующий звук. Две сотни стальных луков, спущенные одновременно, сработали, будто гигантский

клавесин. Вот только в отличие от клавесина результатом этого действия был отнюдь не только звук. Большую часть орков, уже густо заполнивших пространство между берегом и рвом, буквально опрокинуло. Стрелки из обозников были, конечно, аховые. Поэтому едва ли треть из них попала по тем, по кому целилась. Но орков было так густо, что даже те, кто промахнулся, все-таки в кого-то попали. А тяжелый болт гномьего арбалета на таком расстоянии не способны остановить никакие доспехи. Поэтому даже попадание в плечо означало не просто ранение, а то, что плечо вместе с лапой орку просто отрывало напрочь и частенько пришпиливало к груди или животу другого орка. Потому что остановить болт тяжелого гномьего арбалета телом всего лишь ОДНОГО орка на таком расстоянии было невозможно. И этого орки уже не выдержали. Сначала один, потом еще несколько повернулись и бросились обратно к реке. А поскольку у стрелков были более важные цели, все еще упрямо лезущие вперед, эти орки сумели добраться до реки и с шумом и плеском броситься в воду. И это оказалось примером для всех остальных. Вся ревущая орда, еще мгновение назад с налитыми кровью глазами лезшая вперед, почти одновременно развернулась и рванула обратно, не обращая никакого внимания на стрелы, летящие им в спины…

Когда последний бегущий орк выбрался за пределы дальности эффективного огня даже эльфов, Трой опустил арбалет и перевел взгляд на поле боя. Оно… шевелилось. И выло. Сотни раненых орков, с трудом передвигая лапы, пытались ползти в сторону реки или, на том берегу, наоборот, подальше от нее. Некоторые из них — те, в кого вонзилось несколько стрел, но ни одна не задела какого-нибудь жизненно важного органа, — чем-то напоминали какие-то странные кусты либо ежей, у которых осталось всего несколько колючек. Другие представляли собой просто обрубки.

Трой вскинул руки и скрестил их над головой, скомандовав прекращение стрельбы. Добивать всех этих не было смысла. Большинство и так сдохнет, а кто нет — вряд ли станут в строй ранее, чем через полгода-год. А вот обузой для остальной Гурьбы послужить вполне могут. Ведь раненых надо уложить на повозки, которые до того везли что-то важное, что совсем бы не помешало Гурьбе в этом походе. Выделить им возниц, санитаров, а откуда их взять, как не из числа воинов? Да и шаманы должны истратить на них какую-то часть маны, а если нет, то опять же отправить не один десяток орков собирать целебные травы или пустить на них уже собранные запасы, уменьшая их. Так что как ни бери — один раненый орк отвлекал от боя как минимум одного целого и

здорового.

— Да уж, — пробормотал Фодр, — бойня. Тысяч десять положили. А то и все двенадцать.

Трой перевел взгляд на вал. Большинство стрелков сидело на земле, тяжело дыша и привалившись спиной к корзинам с землей. Некоторые, кто покрепче, пошатываясь, брели к обозу. Луки тоже не выдержали страшного напряжения. У одних лопнула тетива, у некоторых ость расщепилась на волокна, а из тех, что пока выглядели прилично, большинство просто повело.

— Да-а… — покачал головой Трой, — следующей волны мы не выдержим. — Он хмыкнул: — А я-то размечтался — два дня, два дня.

Старшина Фодр только открыл было рот, чтобы ответить, но тут послышался чей-то испуганный крик:

— Орки! Опять!!!

Трой выругался.

Те из стрелков, что сидели на земле, растерянно повскакивали, но времени на то, чтобы добраться до обоза и поменять негодные луки, уже не осталось. Но кто же знал? Между первой и второй волной прошло несколько часов!

Трой какое-то время смотрел на катящуюся на них лаву, а затем спокойно приказал старшине:

— Всех, кто не успел поменять луки, — на коней и уводи. Пусть по пути возьмут из возов основу и тетиву и натягивают ее уже в седле, на ходу. Я с остальными их немного задержу.

Фодр насупился.

— Ты вот что, парень, коль ты у нас герцог, так на тебе оборона всего Арвендейла. Так что я думаю…

Трой скрипнул зубами. Ну что за дурацкая привычка у его подданных — по всякому поводу иметь свое мнение и высказывать его, да еще в самый неподходящий момент!

— Старшина, к темным богам то, что думаешь! Я ЗНАЮ, что делать, чтобы спасти людей. Так что бегом, делай, что тебе приказано!

Фодр еще больше помрачнел, но, к счастью, не стал вступать в дальнейшие пререкания, а резво развернулся и, тяжело топая, понесся в сторону обоза. А Трой, повернувшись к валу, нашел глазами мастеров, занимавшихся закладкой сосудов с земляным маслом, и энергично махнул рукой, привлекая их внимание.

— Будьте готовы. Когда махну, тут же поджигайте запалы.

В этот раз всадников на варгах было чуть больше, чем в первой волне, зато пеших орков едва ли не в три раза больше, чем во второй. А встречала их едва ли треть от того числа стрелков, что стояли на валу во время первой и второй атаки.

Трой несколько мгновений боролся с искушением рассечь огнем земляного масла волну всадников на варгах ровно наполовину, но тогда существовала серьезная опасность, что, когда они покончат с теми, то окажется по эту сторону стены огня, времени, чтобы оторваться от остальных, у них не останется. Тем более Трой понимал: большинство стрелков вообще будет еле держаться на ногах. Поэтому, едва только число всадников, бросившихся в реку или уже выбравшихся из воды на этот берег, приблизилось к пяти сотням, он вскинул руку и резко взмахнул. Некоторое время, пока огонь бежал по запальным трубкам, орки продолжали все так же валом переть вперед, но вот где-то внизу, под их ногами, послышался какой-то непонятный гул, а в следующее мгновение фонтаны огня с ревом выплеснулись из-под земли и обрушились на мчащихся вперед орков огненной волной.

С учетом того, что из полутора тысяч стрелков, оставшихся прикрывать отступление, восемь сотен составляли эльфы (их луки оказались куда выносливее, чем у людей, и почти не потеряли в дальности и точности боя, что, впрочем, никого не удивило), орков, оказавшихся отрезанными стеной огня от остальных, перестреляли через полторы минуты. После чего Трой вскинул руку и, сделав круговое движение над головой, бросился в сторону, где его уже ждал оседланный Ярый…

Когда плотная кавалькада всадников, перейдя на шаг, начала взбираться по крутому холму, отстоявшему на две лиги от той реки, где остался их оборонительный вал, Трой обернулся и привстал в стременах. Место, где должны были находиться их оборонительные сооружения, было сплошь затянуто дымом. Трой криво усмехнулся. Да уж, ивняк, из которого были сплетены корзины, был еще довольно свежим и потому горел плохо. Но это было вторично. А главным было то, что Гурьба переправилась через реку. Выиграть два так необходимых дня не удалось…

До ближайшего от места боя южного ущелья Трой добрался к исходу вторых суток. Армия уже была там. Почти тридцать пять тысяч воинов, половина из которых — императорские гвардейцы, наемники и северные варвары, а остальные — ополчение городов Арвендейла. И более чем по восемь сотен гномов и эльфов. Мало… чудовищно мало. Даже с учетом того, что за это время им удалось сократить Гурьбу на пятнадцать-двадцать тысяч воинов и, как он надеялся, перебить большую часть всадников на варгах.

Поднявшись по ущелью две с половиной лиги, отряд Троя доехал до двух скал, издревле носивших название Южные врата. Они действительно по какому-то природному капризу были очень похожи на столбы ворот. А может, совсем и не природному. Они

же находились во владениях гномов.

За полсотни шагов до Южных врат Трой остановился и, заслоняя глаза ладонью, вгляделся в гору, возвышающуюся впереди. В недрах этой горы раскинулся Каменный город. А где-то вон там, где вырастала из склона угрюмая скала, древние гномы вырубили площадку, на которой расположили свою самую большую метательную машину. К сожалению, она была совершенно непригодна для использования. Ибо эта машина была слишком велика, и потому древние мастера Крадрекрама, в отличие от всех остальных машин, для этой даже не предусмотрели возможности откатить ее в специально вырубленную в скале камеру, в которую вел наклонный ход изнутри города. По этому ходу к метательным машинам прибывали по тревоге расчеты и доставлялись каменные ядра и метательные копья, которые изготавливались в мастерских, расположенных в недрах гномьего города. Эти ядра и сейчас лежали в камерах аккуратными горками. А вот от копий не осталось ничего, кроме тяжелых кованых наконечников. Да и те были все изъедены ржавчиной. Но Трой надеялся, что зато время, что они сдерживали продвижение Гурьбы, Гмалину удалось привести в рабочее состояние хотя бы часть машин. Потому что иначе у них не было вообще никаких шансов выстоять.

Едва Трой проехал скалы, из-за которых ущелье и назвали вратами, перед ним открылся лагерь армии. Северное ущелье было более узким и длинным, а потому считалось более приспособленным к обороне. К тому же наблюдательные посты гномов держали под контролем подходы к обоим ущельем, но если к южному только лиг на пять, то к северному, дорога к которому шла вокруг горы, на целых двадцать. А наиболее удобный для обороны участок северного ущелья располагался в его верхней четверти. Так что если бы существенные силы орков двинулись к северному ущелью, войска людей успели бы занять позиции задолго до того, как к ним подошли бы орки. Поэтому лагерь армии решили разбить здесь, в южном.

Встречать возвращающийся отряд высыпало много людей. Еще вчера Трой отправил гонца с отчетом о не слишком удачной битве у реки, и все знали, что орки на подходе. Но за прошедшие сутки могло случиться все что угодно. Поэтому большинство тех, кто встречал отряд, тревожно вглядывались в суровые лица людей и эльфов…

Лиддит ждала Троя в штабной палатке. Она была одна, но Трой, когда подъезжал к палатке, видел, что к ней спешат граф Шоггир, Эрик Два Топора и остальные командиры. Поэтому они позволили себе только короткие объятия и несколько торопливых

поцелуев…

В целом доклады были утешительные. Гмалину с помощью мастеров из числа людей удалось восстановить и укомплектовать расчетами четыре пятых всех метательных машин, прикрывающих южное ущелье, и еще больше тех, что прикрывали северное. Сектора обстрела бойниц, прорубленных в скалах, также были по большей части расчищены. Обороняющимся даже удалось возвести небольшую, где-то в полтора человеческих роста, стену, перекрывающую ущелье. Скорее даже не стену, а насыпь, только сделанную не из земли или песка, а из камней. Ибо мастеров-каменотесов не хватало и построить что-то более прочное не было ни сил, ни времени. Зато эту насыпь покрыли тростниковым настилом, для того чтобы, если насыпь начнет осыпаться, у бойцов, стоящих наверху, было больше шансов остаться на ногах. В полусотне шагов за насыпью мастера возвели помосты, на которых во время сражения должны были размещаться стрелки, а чуть дальше было установлено несколько полевых метательных машин. В принципе Трой одобрил подобную расстановку. Помосты были установлены на столбах, и потому подходу к линии обороны новых подкреплений ничего не мешало.

В общем, вроде как они подготовились к обороне так хорошо, как только могли. И в то же время все понимали, что на самом деле шансов у них довольно мало. И дело было не столько в подавляющем численном превосходстве орков, сколько в том, что они ничего не знали о планах самой сильной части орочьей Гурьбы — шаманов…

Вечером, когда они лежали на смятых простынях (это было не слишком честно по отношению к остальным воинам, оставившим своих любимых дома, но они не смогли устоять перед возможностью последний раз окунуться в омут чувств), Лиддит, отдышавшись, прижалась к нему всем телом и прошептала в ухо:

— Трой, любимый, неужели завтра настанет наш последний день?

Трой повернулся и, обняв любимую за плечи своими сильными руками, отрицательно мотнул головой:

— Нет, моя любовь… точно нет.

— Почему ты так уверен?

Трой пожал плечами:

— Боги ведут меня в этой жизни к чему-то очень сложному и… великому. Я даже не знаю, для чего я им понадобился, но уж точно не для того, чтобы сложить голову, так ничего в жизни и не достигнув.

Лиддит фыркнула:

— Не достигнув?… Да о тебе УЖЕ сложены такие легенды,

что затмевают деяния Илдриса Сильного или Смелли Второго.

— Легенды… — Трой усмехнулся. — Это чепуха. Я же на самом деле еще ничего не достиг. У меня нет ни дела, ни рода. Ни того, что уже создано, ни тех, кому это можно передать. Я же по-прежнему герцог даже без собственного замка. И мне по-прежнему даже негде преклонить главу…

— Ну, — хитро усмехнулась Лиддит, — насчет этого можешь не сомневаться. Теперь есть. Ведь любая женщина, выйдя замуж, прежде всего начинает обустраивать свое гнездышко.

— Лиддит, — удивленно воззрился на нее Трой, — ты что же, посмела отвлечь мастеров от… — Он мотнул головой. — Вот уж нет, ни за что не поверю.

Лиддит тихонько рассмеялась:

— Да нет, просто растения, выросшие из семян, что рассыпали мастера Алвура, наконец-то разделались с запахом. Да заодно, как выяснилось, они еще и полностью очистили верхний слой камня. Так что перед самым отъездом я… согласилась на предложение графа Шоггира позволить воинам из числа тех, кто не был отряжен в помощь мастерам, помочь нашей совсем уж немногочисленной челяди извлечь мебель из подвалов замка и расставить ее по комнатам. Поэтому тебя, мой милый, по возвращении ждет небольшой сюрприз.

Трой усмехнулся и лишь сильнее сжал в объятиях любимую женщину. Лиддит счастливо притихла и закрыла глаза, но затем внезапно дернулась и, вывернувшись из его объятий, села на ложе и развернулась к нему.

— О темные боги, я едва не забыла. Есть еще кое-что, о чем ты должен непременно узнать…

И она рассказала ему о последнем разговоре с сестрой.

На следующее утро их разбудил знакомый рев.

Трой открыл глаза, несколько мгновений прислушивался, а затем не выдержал и расхохотался.

— Ну наконец-то слышу признаки жизни, — сварливо отозвались снаружи. — Давайте, голубки, просыпайтесь, а то ваша охрана считает, что, пока вы спите, даже пернуть как следует нельзя. Тут же грозится башку расшибить.

Гмалин ввалился к ним в палатку одновременно с парой слуг, тащивших подносы с завтраком. Гном окинул подносы соколиным взором и одобрительно кивнул:

— Неплохо, вполне хватит перекусить перед завтраком.

Трой покосился на гору провизии, явно отправленную с кухни именно с расчетом на Гмалина и, вздохнув, недоуменно покачал головой:

— Даже не представляю, как вы там выживали в своих

каменных чертогах, с таким-то аппетитом…

Когда на подносах остались только обглоданные косточки, Гмалин откинулся на спинку раскладного стульчика и, довольно хлопнув себя по брюху, милостиво разрешил:

— Ну ладно, теперь можешь выдвигать.

— Что? — усмехаясь, спросил Трой.

— Твое предложение.

— Какое?

— Кончай дурака валять, — рассердился Гмалин, — неужто ты думаешь, я не понял, что ты еще тогда, когда заставил меня допустить в каменный город людей, не замыслил поставить к скальным бойницам и эльфов?

Трой попытался изобразить удивленный вид, но надолго его не хватило. Он запрокинул голову и захохотал. Гном сокрушенно покачал головой:

— Ну как можно сотворить что-нибудь путное с таким несерьезным владетелем?

Лиддит набрала воздуха в легкие, собираясь ответить в столь же шутливом тоне, но тут над лагерем, над всем ущельем пронесся хриплый рев сигнального рога, установленного еще древними мастерами на сторожевом посту, устроенном гномами рядом с вершиной горы. Ни в одном городе гномов такого не было. Там сигнал всегда передавался внутрь горы, оповещая только гномов. И только в Крадрекраме сигнальный рог имел два раструба — первый, так же как и везде, где жили гномы, уходил внутрь горы, а второй — наружу. Дабы стража из числа людей, в древности стороживших Южные врата вместе с гномами, тоже была предупреждена. Гмалин насупился, поднялся со своего стульчика и, вытянув руку, ухватил свою секиру, которую, войдя в палатку, поставил в оружейную пирамиду при входе. После чего повернулся к Трою, улыбнулся и произнес:

— Ну вот они и пришли.

Глава 5

— Но… неужели, уважаемый господин капитан, нет никакой возможности снизойти к горю бедной девушки?

Слова, которые были произнесены, могли бы показаться криком отчаяния, если бы не тон, каким все это было сказано. А сказано это было томно, с придыханием. Причем в тот момент, когда они произносились, сама произносившая их уютно устроилась на коленях этого самого офицера, к которому обращалась. А ее ручка, затянутая в тонкую сеточку изящной перчатки, шаловливо проникла в разрез нижней рубашки офицера, и теперь нежные пальчики гладили курчавую поросль на могучей груди офицера.

— Ну почему же, — прорычал капитан, — долг каждого мужчины состоит в том, чтобы служить женщине. И я клянусь… — В чем он собирался поклясться, его подружке узнать так и не удалось. Потому что в коридоре послышался дробный грохот каблуков и чей-то запыхавшийся голос звонко закричал:.

— Капитан Изриел, капитан Изриел! Вас срочно требуют во дворец.

Офицер замер, будто надеясь, что, если ничем не выдавать своего присутствия, этот так некстати зазвучавший голос куда-то исчезнет, но потом, осознав тщетность надежды, зло взрычал и проорал:

— Заткнись! Слышу! Уже иду!

После чего нежно подхватил сидевшую у него на коленях точеную женскую фигурку обеими руками за талию и, мягко приподняв, пересадил на кровать рядом с собой.

— Прости, милая, служба…

Девушка надула губки:

— Ну вот. Опять. Вечно вы, мужчины, куда-то торопитесь. — И она несколько картинно упала на спину, подняв руки к голове и взъерошив волосы, отчего ее грудь, уже слегка вывалившаяся из наполовину рас шнурованного платья, приподнялась и стала выглядеть еще соблазнительнее. Капитан, уже натянувший камзол, на мгновение замер, не в силах оторвать взгляд от открывшейся глазу картины, рефлекторно сглотнул, после чего сердито отвернулся и принялся ожесточенно застегивать пуговицы камзола. Девушка вновь села на кровати и, протянув руку, робко прикоснулась к его рукаву.

— Может ли бедная девушка надеяться, что бравый капитан на своей службе будет хоть иногда вспоминать о ней?

— Ну конечно, моя дорогая, — пробормотал капитан, надевая

перевязь, — непременно. Более того, как только покончу с делами, я немедленно тебя навещу.

После чего капитан надел шляпу, расправил перевязь и, коротко кивнув, вышел из комнаты.

Едва за ним закрылась дверь, как с девушки слетела вся томность. Она встала с кровати и, ловко затянув шнуровку, подошла к зеркалу. Стерев слегка размазавшуюся сажу, которой были подведены глаза, девушка покосилась на смятую постель и раздраженно сморщилась.

Дверь за ее спиной бесшумно отворилась, и на пороге комнаты возникла мужская фигура. Девушка, не оборачиваясь, негромко бросила:

— Войди и закрой дверь.

Мужчина повиновался. Войдя в комнату, он огляделся и, не найдя никакого стула, осторожно присел на край кровати.

— Что ты узнал?

— Нечто весьма обнадеживающее, — ответил Беневьер. — Он игрок.

Женщина хищно улыбнулась:

— Отлично. Я сразу почувствовала, что он наиболее перспективен. И что он предпочитает?

— О его предпочтениях особо неизвестно. Те, кто играл с ним, говорят, что он делает ставки и в кости, и в карты, и на игровых барабанах. Хотя больше любит жринг. Карты все-таки более респектабельны и как-то больше соответствуют статусу гвардейского офицера.

Женщина кивнула и вновь произнесла:

— Отлично.

Тот, кто видел ее сейчас, ни за что не принял бы ее за юную девушку. Перед зеркалом стояла смертельно опасная хищница, планирующая неотвратимую атаку на свою жертву. И, похоже, мужчина, который сейчас находился в ее комнате, прекрасно это осознавал, в отличие от того офицера, который покинул комнату некоторое время назад. Это чувствовалось во всей его позе, в том, как осторожно он сидел на кровати, во взгляде, которым он смотрел на женщину.

— Что ты сделал, чтобы его вызвали на службу?

— Ничего особенного, госпожа Нилера…

Беневьер позволил себе улыбнуться.

— В гарнизоне дворца сейчас недостаток офицеров. Большая часть гарнизона вместе с принцессой Лиддит в Арвендейле. Так что если сразу трое офицеров начинают мучиться поносом, коменданту дворца приходится вызывать на службу любого, до кого способен дотянуться.

— Да? — усмехнулась Нилера. — И отчего же у них… заболел живот?

— Ну… это называется черемиса. — Беневьер, почувствовав одобрение, тоже расплылся в улыбке. — Обычно она используется лекарями для того, чтобы облегчить страдания тех, кто мучается запором. А когда ее выпивает тот, кто совершенно здоров, то… ему не поможет даже то, что черемиса растворена в добром эле. Хотя эль, как известно, есть лучшее лекарство от всех болезней.

— А почему трое?

Беневьер пожал плечами.

— Если бы их было меньше, комендант мог бы вы звать кого-нибудь из них, а не нашего капитана.

Нилера благосклонна кивнула.

— Хорошо, Беневьер, я довольна. — Она подошла к окну, задернутому тонкой занавеской, и выглянула на улицу. — Что ж, я думаю, ты знаешь, чем тебе надо заняться теперь.

Беневьер вскочил и отвесил легкий поклон.

— Конечно, госпожа Нилера. Я собираюсь подыскать господину капитану достойную компанию для партии в жринг.

Когда за Беневьером закрылась дверь, та, что нынче носила имя Нилера, все так же стояла у окна. Ее взгляд был устремлен туда, где за стенами Высокого города вздымались ввысь башни императорского дворца. И если бы кто-нибудь смог в этот момент бросить взгляд на ее лицо, он бы в ужасе содрогнулся. Ибо оно было лучшей иллюстрацией к одному из грехов, которые в этом мире считались смертными, — ненависти.

Следующим вечером, сменившись со службы, капитан Изриел решил не навещать хорошеньких женщин. То есть не то чтобы он принял окончательное решение, он как бы склонялся к этому… Просто гвардейские офицеры всегда пользовались популярностью среди хорошеньких мещаночек, а также дворянок из небогатых семей, прибывших покорять столицу с одной служанкой и не слишком раздутым кошельком и внезапно обнаруживших, что их здесь никто особо не ждет. А блистательные кавалеры, которыми в их мечтах столица была буквально переполнена, на самом деле встречаются в Эл-Северине гораздо реже, чем им представлялось дома. Да и те, что встречаются, предпочитают не падать к ногам провинциальной красавицы, заодно бросив туда же, а именно ей под ноги, весь мир и… свой кошелек, а, наоборот, стараются уложить в постель кого-нибудь попокладистей, а тем, кто слишком много о себе возомнил, просто… дать еще немного времени. Беспроигрышная тактика. Не пройдет и полугода, как та, что в ответ на невинный флирт мерила тебя возмущенным

взглядом, сама начнет бегать за тобой, изо всех сил призывно хлопая ресницами и как сумасшедшая смеясь над шуткой, устаревшей еще в прошлом сезоне. А уж теперь, когда большая часть гарнизона пребывала вне столицы, внимание истомленных отсутствием достаточного количества кавалеров женщин стало просто навязчивым. Так что сегодня капитан Изриел решил не идти в таверну, где его ждало всего лишь еще одно любовное приключение, столь грубо оборванное вчера в самый интересный момент вызовом коменданта, а развеяться несколько иным способом. Лучшим местом для которого была другая таверна.

Войдя внутрь, капитан окинул взглядом зал и тут же заметил несколько новых лиц, как минимум четверо из которых были вполне перспективны. Одним из них был молодой мужчина, чья несколько вычурная одежда, хоть и слегка устаревшего фасона, выдавала в нем обеспеченного дворянчика из провинции, наконец-то, впервые за много лет, покинувшего собственное владение и решившего немного развеяться в столице. Капитан усмехнулся. По-видимому, владение было небольшое и давало вполне стабильный, хотя и невысокий доход, но, как и все подобные владения, требовало постоянно хозяйского пригляда. И дворянчик практически всю свою предыдущую жизнь провел за тем, что крутил хвосты коровам. Перспектива, когда-то ожидавшая и самого Изриела, если бы он не сподобился поступить в гвардию. Вторым претендентом был тучный краснорожий мужчина, в котором одежда и повадки выдавали купца. Третьим был мужчина, скорее всего, из недворянского сословия, но, судя по одежде, вполне обеспеченный. Некоторое время назад среди части живущих в столице обеспеченных молодых мужчин и женщин (как правило, получивших состояние в наследство или разбогатевших каким-то иным быстрым и довольно часто не всегда законным путем) стало модно вести жизнь, очень сильно напоминавшую жизнь дворян. Правда, без их обременения — непременной службы и забот владения. Впрочем, если службу несли все дворяне, заботами владения почти всегда были обременены только старшие дети, так что младших отпрысков, как правило, весьма многочисленных дворянских родов это не касалось. И, при некоторой практике, эти мещане смотрелись в пестрой толпе молодых дворян вполне естественно. Хотя наметанный глаз всегда мог выделить не тех, кто действительно был дворянином, а тех, кто изо всех сил старался не стать им, а казаться. И третий был явно из таких. Причем, судя по тому, что до сих пор Изриель его не встречал, мода на это кажущееся дворянство добралась и до провинции. Ибо все известные подобные хлыщи столицы, как правило, крутились в

тех тавернах, где и сам капитан Изриель был завсегдатаем, и уже намозолили ему глаз. А этот явно был новенький. Ну а последним был, похоже, отпрыск довольно богатого и влиятельного рода. Правда, явно не наследник. Уж больно старательно он изображал презрение и скуку. Про этого последнего стоило сначала разузнать побольше. Ибо иногда у таких сукиных сынов есть довольно энергичные отцы, дядья или старшие братья, которые могут попортить изрядно крови даже гвардейскому капитану.

Но для партии в жринг необходимо только три партнера, так что у него был выбор и без того, чтобы связываться с этим избалованным сынком богатого семейства.

Партия образовалась быстро. И даже без его участия. Покончив с заказанной бутылкой, мещанчик, притворяющийся дворянином, достал из кармана колоду карт и окинул зал заинтересованным взглядом. К удивлению капитана, наиболее живо отреагировал не дворянчик из провинции и не отпрыск, а купец. Он быстро подвинулся к мещанчику и, наклонившись к нему, стал что-то объяснять, возбужденно размахивая руками. Мещанчик согласно кивнул и бросил робкий взгляд в сторону капитана. Тот ответил взглядом вполне благосклонным. Так что спустя десять минут они уже сидели за одним столом.

— По медяку за взятку? — стараясь казаться небрежным, спросил мещанчик. Изриел пожал плечами, а купец, глаза которого алчно зажглись, согласно кивнул:

— По медяку так по медяку.

Первые несколько раздач капитан проиграл. Карта не шла. Все время то не хватало чаши для полной руки, то, наоборот, в раскладе вылезала лишняя корона. Он даже стал опасаться, что от тех пяти золотых, что были у него при себе, вскоре ничего не останется, и принялся прикидывать, как бы потихоньку закруглить игру, не роняя при этом гвардейского достоинства. Но затем масть поменялась и все пошло как надо. Так что к концу вечера в кармане капитана звякало на десяток золотых больше, чем было вначале.

Когда они прощались, купец сокрушенно качал головой.

— Да уж, господа, не везет так не везет. Ну… я в столице буду еще какое-то время, так что прошу возможности отыграться.

Капитан благосклонно кивнул и вышел из таверны.

Следующий день у него был свободным. Поэтому с утра он отправил с денщиком один золотой цветочнице, а еще три — ювелиру, велев подобрать какую-нибудь безделушку. Капитан Изриел, несмотря на свое пристрастие к игре, был мужчиной бережливым и в случае выигрыша позволял себе тратить не более половины оного. Остальное отправляя в этакий страховой фонд, в

котором у него скопилось уже около полусотни золотых. Он играл, а в игре случаются и проигрыши. А сколько блестящих карьер были загублены некстати случившимися проигрышами — уму непостижимо!

Посещение юной особы прошло вполне в том духе, как он и ожидал. Госпожа Нилера в постели оказалась не слишком умелой, но очень страстной и деятельно-послушной. Сочетание, которое он любил более других. К тому же букет и маленькая брошка привели ее в такой восторг, что она просто лезла из кожи вот, чтобы с лихвой отблагодарить кавалера.

Окончание вечера тоже оказалось вполне приличным. Они сошлись прежним составом. И даже то, что к концу вечера купец, в отчаянной попытке отыграться, предложил перейти на ставки по серебряному за взятку, только увеличило выигрыш капитана. На этот раз он ушел с пятнадцатью золотыми.

А вот следующий день не задался с самого утра. Во-первых, несколько офицеров вновь мучились желудком. И потому комендант снова поменял график, поставив Изриелу еще одно внеочередное дежурство, уже второе за луну. Затем эта сучка вновь затянула старую песню по поводу того, как бы ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на императорский дворец. Причем дело почти дошло до истерики. Эта дура даже начала кричать, что готова передать ему золото для подкупа какого-нибудь важного лица. И что она согласна сделать это даже не во время какого-нибудь приема или бала, а в любой день, и даже ночью. А если тех ста монет, что у нее есть, недостаточно, она попросит у брата еще. Упоминание о брате, причем находящемся где-то недалеко, так что его можно о чем-то попросить, слегка остудило пыл капитана, уже решившего прекратить истерику самым действенным способом — оплеухой. И еще сильнее испортило настроение. Но самое страшное произошло вечером… Беневьер поднялся по узкой лестнице и затормозил у знакомой двери. Мальчишка с приказом немедленно прибыть прибежал полчаса назад. И теперь Беневьер недоумевал, что могло стать причиной столь срочного вызова. Дела пока развивались по плану. Во всяком случае та их часть, за которую отвечал лично он… Остановившись у двери, Беневьер некоторое время прислушивался, а потом поднял руку и робко постучал.

— Беневьер?

— Да, госпожа.

— Заходи.

Госпожа Нилера сидела у окна с бокалом в руке и сверлила взглядом башни императорского дворца. Если бы взгляд мог обрести хоть какую-то материальность, то у императорского

дворца, скорее всего, уже не осталось бы башен.

Когда Беневьер вошел, она отвела взгляд от столь привлекавшей ее панорамы и спросила:

— Как идут дела?

— Все по плану.

— Отлично, — кивнула она и, поднимаясь на ноги, приказала: — Собирайся. Господин в городе. Он требует нас к себе.

Беневьер удивленно воззрился на Нилеру. Уже давно, несколько лет назад, он наладил в Эл-Северине неплохую сеть оповещения, так что о том, что в городские ворота въехало некое значимое лицо, ему должны были доложить никак не позже, чем через час после случившегося. Ну максимум через полтора, с учетом того, что его потребуется искать. Неужели господин прибыл инкогнито? Но зачем?

До городского дома герцога они с госпожой Нилерой добрались на наемном экипаже. И вошли внутрь через боковую калитку. Всю дорогу Беневьер мучился вопросом, что происходит. Он не любил неизвестности. В той деликатной области, в которой он подвизался как профессионал, недостаток знаний может быть смертельно опасным. И потому Беневьер считал, что для того чтобы знать, где, что и почему происходит, не следует жалеть ни времени, ни денег. Знания, они дороже любых денег. И в этом преподаватели Университета совершенно правы. Хотя, естественно, они-то имеют в виду совершенно другое…

До того как они поднялись по лестнице на второй этаж, на котором был расположен кабинет герцога, у Беневьера еще оставалась некая тайная надежда, что Нилера ошиблась и господин только прибывает в город, но, увидев у дверей могучую фигуру джерийца, он понял, что эта надежда напрасна.

Измиер отворил дверь и жестом показал, что господин ждет. После чего вошел в кабинет вслед за ними и замер у двери неподвижной фигурой. В кабинете было темно. То есть, конечно, не совсем. Кое-какой свет там все-таки был. Но на окнах были не задернуты только третьи, самые плотные шторы. Да и то не задернуты до конца, а лишь на половину окна. Верхние портьеры были спущены более чем наполовину, а легкая кисея была собранна в плотные складки, как будто для того, чтобы максимально затруднить дневному свету доступ внутрь кабинета.

Господин сидел не на своем обычном месте, за большим столом, а в углу, хотя и в своем любимом кресле с высокой спинкой.

— Господин. — Госпожа Нилера присела в безупречном реверансе.

— Господин. — Беневьер на долю секунды позже отвесил глубочайший из возможных поклонов.

— Рад вас видеть, господа.

Беневьер вздрогнул. В голосе герцога было нечто… страшное. Некий гул и рокотание, явно находящиеся за пределами чувствительности человеческого уха, но явственно ощущаемые чем-то более глубинным.

— Как наши дела?

Нилера вновь сделала реверанс (похоже, и она заметила изменения, произошедшие с господином) и заговорила. А Беневьер стоял рядом с ней, неотрывно глядя на своего герцога и абсолютно не в силах унять страх, отчего-то волнами накатывающийся на него.

— Хорошо, — сказал герцог, когда Нилера умолкла, — ты отлично поработала, моя дорогая. Должен тебе сказать, что мое последнее путешествие принесло мне все то, на что я рассчитывал. Поэтому я готов исполнить и мою часть нашей сделки. Так что твоя месть близка. Очень близка. А потом вы станете слугами самого могущественного из людей, среди всех ныне живущих на свете.

— Я уже его слуга, мой господин, — вновь склонилась в реверансе Нилера.

— Это пока не совсем так, — с каким-то мертвенным спокойствием произнес герцог Эгмонтер, — а точнее, это еще не всем ясно. Но скоро это изменится… — Он прикрыл глаза и некоторое время сидел так, будто отдыхая, а затем вновь раскрыл их и сделал Нилере благосклонный жест рукой: — Хорошо. Иди.

Едва она тронулась к двери, два черных провала, в которые теперь превратились глаза герцога, повернулись в сторону Беневьера:

— Ты уверен, что после проигрыша он придет именно к ней?

— Да, господин.

Беневьер на мгновение заколебался, но затем решился ответить чуть подробнее: — Ему просто некуда будет еще идти. После ТАКОГО проигрыша он нигде не сможет найти необходимую сумму.

Герцог медленно кивнул, а затем вновь задал вопрос:

— Он ничего не заподозрит?

Беневьер заставил себя искривить губы в привычной усмешке. Если не понимаешь, что происходит, старайся вести себя как можно более обычно и естественно.

— Нет, господин. Все слишком нелепо и абсурдно, чтобы можно было заподозрить ловушку. На нелепое злятся, а не рассматривают его под лупой. Причем злятся свысока, еще более

утверждаясь во мнении, что, окажись они сами в подобной ситуации, они бы уж точно придумали, как ею распорядиться гораздо лучше.

— Хорошо. Я доволен. Можешь идти.

Беневьер склонился в глубоком поклоне, а затем невидимой тенью выскользнул за дверь. Осторожно прикрыв створку, он привалился к стене и обессиленно вытер пот, которому только сейчас позволил выступить на лице. Он не знал, что произошло с герцогом в его последнем путешествии, но это явно было нечто ужасное. И Беневьер твердо решил, что никогда и пытаться не станет узнать это. Более того, он будет бежать от этого знания так быстро и далеко, как только сможет…

Отпустив Беневьера, герцог Эгмонтер подошел к окну и, морщась от потоков света, опустил тяжелую штору. Он уже давно с трудом терпел даже неяркий свет, который проникал в комнаты через окна. А свет солнечного дня просто сводил его с ума. Именно этим и было вызвано то, что для поездки в Эл-Северин он воспользовался каретой, а не приехал верхом, как делал всегда раньше, Впрочем, так вышло даже к лучшему. Во всяком случае, пока в столице почти никто не знал, что герцог Эгмонтер прибыл в город. В принципе в подобной скрытности особой нужды не было. Он не собирался ни делать визиты, ни устраивать приемы. А если бы пришло какое-нибудь приглашение, то его, с учетом того, что он планировал в ближайшее время, вполне можно было проигнорировать. Или, в крайнем случае, сказаться больным. Но существовал небольшой шанс, что визит попытается нанести кто-то, кого невозможно просто не пустить на порог. И это создало бы некие непредвиденные трудности. Так что то, что пока в свете не было известно о его прибытии в столицу, его радовало. Вернее… успокаивало. Потому что он сильно сомневался, что теперь хоть что-то в мире может его порадовать…

Обратный путь для Эгмонтера стал настоящей пыткой. До Парвуса добрались только они с джерийцем. И Эгмонтер сильно порадовался своему решению оставить того в живых. Поскольку сомневался, что смог бы добраться до столицы своего герцогства самостоятельно. Впрочем, Измиер был совершенно уверен, что его спасло только заступничество господина, поскольку даже не представлял, что творилось там, где его господин пребывал все время, пока они не тронулись в обратный путь. И потому его преданность стала просто животной. Эгмонтеру временами казалось, что если бы в тот момент, когда у них почти кончились продукты, джерийцу не удалось подстрелить косулю, он бы согласился питаться собственным калом, только чтобы его обожаемому господину хватило пищи еще на пару-тройку дней. А

может, он так и делал. Помнится, несколько дней от него жутко воняло…

Та глыба, которая сожрала его палец, просто откусив его от руки Эгмонтера, согласилась провести герцога через Посвящение. Эгмонтер так и не понял, что такое означал этот палец. Некую сакральную жертву или испытание его решимости. А может, этой твари просто захотелось полакомиться давно забытой свежатинкой? Во всяком случае, когда он, тихонько подвывая от боли, замотал место, где не так давно торчал его палец, отрезанной от плаща тряпицей, замшелая глыба, с которой он вел столь интеллектуальную беседу, милостиво пророкотала:

— Гхдих, кхебя гхстретятх.

Эгмонтер вывалился из пещеры и, слегка отдышавшись, тронулся в обратный путь среди уродливого каменного леса.

Все семеро шаманов были на месте. Но на этот раз с ним заговорил другой:

— Ты хочешь пройти посвящение Ыхлагу, человек?

— Да.

— Если бы я знал, что ты хочешь попросить, то сам бы тебя сожрал.

Эгмонтер замер. Неужели… все? Та замшелая глыба в пещере сказала, что его встретят, но даже не намекнул, для чего. Сожрать?… Но все обошлось.

Тот шаман, что обратился к нему, развернулся и, глухо бросив:

— Иди за мной, — двинулся куда-то вверх по склону. В сторону, противоположную той, с которой герцог пришел. Еще дальше от лагеря людей.

Они поднимались где-то две лиги, прежде чем вышли на небольшую площадку в скалах, на противоположной стороне которой зиял черный провал. Шаман не останавливаясь двинулся вперед, прямо в этот провал. У Эгмонтера екнуло под ложечкой. Если ему предстоит лишиться еще одного пальца, да еще подобным же образом, то это уже далеко за пределами того, на что он рассчитывал.

На его счастье, в этой пещере никого не было. Зато здесь был широкий камень. Похоже, алтарь. Он был покрыт толстым слоем каких-то подсохших потеков. И только спустя некоторое время до Эгмонтера дошло, что это кровь, которая, наверное, орошала этот камень даже не века — многие тысячелетия. Над алтарем свод пещеры слегка опускался, и с него свисало что-то вроде гигантской кристаллической друзы, которая отчего-то слегка светилась. Как будто уголья в головне. И оттого на всей пещере лежал тусклый, дымный отблеск. Шаман остановился и

повернулся к нему:

— Здесь ты пройдешь Посвящение. Но сначала ты должен научиться ритуалу.

— Я готов, — хрипло ответил герцог.

— Нет, человек, — мотнул башкой шаман, — не готов и еще не скоро будешь.

Он наклонился и вытащил откуда-то из-за алтаря сверток из шкур. Развязав его, он выложил на алтарь каменный молот не слишком больших для тролля размеров. Скорее даже молоток, а уж для тролля так просто молоточек. Обсидановый нож странного оттенка. И несколько каменных горшочков, наполненных чем-то, пахнущим не слишком приятно. А также что-то вроде кисточки, представляющее из себя узловатую ветку, обмотанную какой-то заскорузлой шкурой, по-видимому, уже изгвазданной содержимым этих горшочков.

— Наши боги — самые древние, — тихо заговорил шаман. — Они властвовали над этой землей, когда еще не было ни людей, ни гномов, ни эльфов. И даже троллей и орков было не слишком много. Зато эта земля была полна чудовищ, которым тролли и орки служили пищей.

Шаман замолчал, глядя на человека. Герцог Эгмонтер украдкой облизал губы. С самого утра у него во рту не было ни маковой росинки. И ни глотка воды. Но он боялся прервать шамана. Поэтому со всем возможным старанием изобразил на лице крайнее внимание.

— Поэтому, чтобы выжить, нам нужна была сила. Любая, до которой мы могли дотянуться. А ее могли дать только боги. Но у нас было не так уж много того, что мы могли предложить богам. Нас и самих было немного. И становилось все меньше. Поэтому древние отцы нашего народа, выбирая, к кому обратиться, предпочли тех, кто готов был не брезговать ничем из того, что мы могли дать. И даже предпочитал именно то, чего у нас было в избытке.

Эгмонтер молча смотрел на шамана. Он забыл о голоде и жажде, о ноющих ногах и надсадно болящей руке. Ибо сейчас он начал понимать, что же такое темные боги и как они стали властелинами тех, кого остальные считали расами, изначально преданными Тьме.

— Боги едят наши жертвы, — пояснил шаман, — все равно, что мы понимаем под этим — молитву или само жертвоприношение. Но мы… не умели молиться. Мы и говорить-то тогда не слишком умели. Да и теперь делаем это хуже вас. Мы не умеем издавать красивые звуки. Мы не слишком искусны в обращении с камнем, деревом или металлом и потому не умеем

строить величественные дома для поклонения богам, в которых вы, люди, собираетесь целыми толпами и иногда даже приходите в религиозный экстаз. Понимаешь?

Герцог медленно кивнул. Шаман вздохнул:

— Нас было мало, мы были дики, ненамного лучше зверей. Зато в нашей жизни было много боли и смерти. И мы дали богам то, чего у нас было в избытке. И… они откликнулись на наши жертвы.

Эгмонтер стоял, ошеломленный услышанным. Вот как… Да эти надутые уроды из Императорского ковена просто лицемеры, когда, патетически потрясая руками, клеймят последователей темных богов…

— Наши боги честны, — продолжал между тем шаман. — В ответ на то, что мы даем им, они дают нам силу. Не спрашивая, как Светлые боги, откуда эта жертва и как мы ее добыли. Все просто и честно. Жертва — сила. Лучшая жертва — больше силы. И чем больше силы было в самой жертве и чем сильнее были ее боль и страх в тот момент, когда мы посвящаем ее нашему богу, — тем больше он нам дает силы. Поэтому тебе предстоит научиться извлекать из каждой жертвы всю боль и весь страх, который она может тебе дать. Только тогда я скажу, что ты готов пройти Посвящение.

Эгмонтер несколько мгновений молчал, осознавая, ЧТО ему предстоит, а затем спросил:

— А где я возьму жертвы?

И, еще не закончив вопроса, с ужасом понял, что уже знает ответ. Шаман кивнул.

— Ну да. Ты же, человек, слишком слаб, чтобы суметь извлечь достаточно боли из любого тролля. Поэтому учиться на троллях для тебя бесполезно. Но ты предусмотрителен. У тебя осталось еще достаточно спутников. Ты сможешь научиться…

Глава 6

Гурьба разбила лагерь в полулиге от входа в южное ущелье. Вернее, лагерей было несколько. Самый большой располагался почти в полутора лигах от входа, причем он был раза в полтора-два больше, чем остальные шесть, вместе взятых. Но Троя и остальных командиров армии людей больше всего интересовал как раз самый маленький. Он находился чуть ближе ко входу, чем большой, и был будто окружен остальными лагерями.

Военный совет собрали в палатке Лиддит. Но за час до этого все командиры выехали из ущелья и, остановив коней, несколько минут напряженно всматривались в раскинувшееся перед ними огромное стойбище. Несколько минут, потому что в орочьих лагерях тут же послышались крики и воинственный рев, и спустя каких-то пару минут из-за натянутых кожаных пологов, заменявших большинству орков в походе более привычные людям палатки, вырвалась толпа всадников на варгах и устремилась в сторону людей. Однако на сей раз преследовать людей до последнего никто не стал, и едва куцая кавалькада проскакала четверть пути по ущелью до Южных врат, как орки развернули своих варгов и отправились восвояси.

— Кто как считает, как скоро они нападут? — открыла военный совет принцесса. Молодой герцог отсутствовал на военных советах так часто, что все как-то уже привыкли, что советы ведет Лиддит. И сам Трой тоже нисколько не возражал против этого.

— Граф Шоггир?

— Я думаю, принцесса, не раньше, чем будут готовы шаманы. Я не знаю, что они собираются нам преподнести, но у нас есть некоторое преимущество.

Все уставились на графа с напряженным вниманием.

— Я думаю, что мы можем почти не опасаться ничего, связанного с Силой Земли.

— Почему? — выразила общее недоумение принцесса.

— Причиной этому Кра… то есть Каменный город. Поскольку гномы вновь овладели его алтарями, враждебные ему заклинания этой школы теперь требуют слишком много сил и маны. Они не становятся полностью невозможными, но… слишком дорогими. Во всех отношениях. Так же маловероятна и Вода. Мы слишком далеко от моря, а на подземные источники опять же оказывают влияние алтари Каменного города. А вот Воздух и Огонь — вполне вероятны.

Лиддит согласно кивнула, но все-таки уточнила:

— Откуда такая информация?

— Ею со мной поделился уважаемый глинид Гмалин.

И граф отвесил гному изящный полупоклон. Когда все отвели взгляд от гнома, Трой наклонился к его плечу и прошептал.

— А мне чего не рассказал?

— А ты, в отличие от некоторых, не спрашивал, — сварливо отозвался гном.

— А я знал, о чем спрашивать? — возмутился Трой.

Гмалин минуту подумал и, вздохнув, неожиданно извинился:

— Прости, все время забываю, что наш герцог еще, по существу, сопляк.

Трой насупился, но возразить на это было нечего. Не просто сопляк, но еще и сопляк совершенно не обученный. Лиддит вон даже младше его, а как управляется… Темные боги, вот что значит род. Нет, если у него будут сыновья, он найдет им самых лучших учителей. Да и сам костьми ляжет, обучая сыновей всему, что к тому моменту будет знать и уметь. Это только вначале, пока человек молод и глуп, кажется, что когда он учится сражаться, скакать на коне, взбираться на отвесные скалы или разбираться в торговых сделках, то делает это, исключительно чтобы реализоваться самому. Нет, это, конечно, тоже. Но чем дальше, тем больше становится понятным, что он делает это, чтобы иметь возможность научить тех, кто… продолжит его в веках. Со всей уверенностью сказать им: «Я это умею. Это надо делать так», И с гораздо большей, чем когда-либо ранее, гордостью в сердце увидеть, как его ребенок начинает все увереннее сжимать в руках тяжелый отцовский меч, как все более бесстрашно дает коню шенкеля перед барьером. Потому что мечты о светлом и безоблачном счастье для своих детей во все времена остаются только мечтами. И каждое новое поколение получает свою войну. Ту или иную. Но всегда свою. И самое главное, что могут дать родители своим детям, это научить их выживать в войнах. И побеждать в них…

— Орки дики и необузданны. Может быть, стоит попробовать выманить их из лагеря и навязать битву, пока они еще не готовы?

Старшина Фодр мотнул головой:

— Да нет, не получится. Во-первых, сейчас-то они не поперли на нас буром, а просто отогнали и вернулись в лагерь. А во-вторых, даже если кто и попрет, так это остатки мелких орд. А западные вышколены намного лучше. Тех на слабо не взять.

Лиддит задумчиво постучала пальцами по столу.

— Ну что ж, давайте подытожим. Орки превосходят нас численностью в лучшем случае в три, а то и в три с половиной раза. Укрепления у нас довольно хлипкие. Искусственные осыпи

создавать почти бесполезно. Шаманы их засекут и нейтрализуют практически мгновенно. Наша магическая защита против шаманов не продержится и часа. Я все правильно поняла?

Все угрюмо молчали.

— Хорошо, — продолжила принцесса, — давайте рассмотрим то, что мы можем считать своим преимуществом.

Все переглянулись, затем Трой тихо произнес:

— Стрелки.

Все согласно закивали.

— Стрелки и мои метательные машины, — добавил Гмалин.

Лиддит посмотрела на гнома:

— Так. Согласна. У нас почти две сотни метательных машин и более восьми тысяч стрелков. Причем почти тысяча из них — эльфы. Все метательные машины, кроме самых примитивных, которые все еще собирают в лагере, и, как я поняла, не менее половины стрелков будут надежно укрыты.

Гном согласно кивнул.

— Но сектор их обстрела включает в себя ТОЛЬКО ущелье. Так что подниматься к Южным вратам орки будут совершенно беспрепятственно. И лишь пройдя их, окажутся под обстрелом.

— Зато сразу очень плотным, — добавил граф Шоггир.

— То есть, — задумчиво произнесла Лиддит, — насколько я понимаю, самой лучшей тактикой для нас будет изо всех сил держать линию обороны, позволяя стрелкам и метательным машинам бить орков сверху.

Все молчали. А что тут было говорить? Лиддит сказала то, что все и так осознавали. Просто, может, так точно и до конца не доформулировали.

— Что ж, — констатировала принцесса, — я считаю, что шанс есть… Она помолчала, обводя присутствующих серьезным взглядом. — Если мы придумаем, как нейтрализовать шаманов…

Совет закончилось почти ничем. Все командиры еще раз доложили о том, к чему готовы. Кто-то сказал, что было бы очень неплохо устроить в ущелье такую же ловушку, что и в битве у реки, но, когда вызвали мастеров из Зимней сторожи, выяснилось, что земляного масла осталось всего пара кувшинов. Эрик Два Топора припомнил, что у них используют против ледяных великанов специальную смесь из белого порошка, скапливающегося в местах, где много старого навоза, угля и серы. Она хорошо горит и плохо тушится даже водой. Мастер Титус доложил о последних поставках, то есть еще о почти сорока тысячах стрел для луков, восьми тысяч основ для них же и одиннадцати тысячах арбалетных болтов. Это была работа кузнецов и оружейных мастеров всех городов Арвендейла, так что

в ближайшее время поставок больше не предвидится. Впрочем, на это уже и не было времени… На этом все и закончилось. Ответа на главный вопрос так никто и не смог найти.

После совета Трой подошел к Гмалину. Тот стоял задумавшись, что для него было необычно, и яростно чесал бороду. Но когда Трой приблизился к нему, он внезапно выпалил:

— Слушай, герцог, а знаешь что, дай-ка ты мне тех двух мастеров из Зимней сторожи.

— Зачем? — удивился Трой.

— Ну не все же вам, людишкам, по моему городу лазать, наши секреты выведывать, надо ж и мне чем-нибудь разжиться, — огрызнулся гном.

— Бери, — пожал плечами Трой, а затем спросил о том, ради чего и подошел: — Когда обратно-то?

— Да сейчас, — Гмалин вздохнул, — эльфов вот твоих соберу и остальных, которые у бойниц стоять будут, и двинусь. Алвура встречать.

— Алвура? — Трой недоуменно уставился на гнома, а затем на его лице нарисовалось понимание: — А-а, так вы уже обо всем сговорились.

— А что, ждать, пока кое-кому надоест лично мечом размахивать и он вспомнит, чем должен заниматься настоящий герцог?

Трой смутился.

— Да я… это…

— Ладно, проехали, — хмыкнул гном, — в конце концов, для этого и существуют побратимы.

Трой улыбнулся и согласно кивнул. Из их десятка здесь находились только они четверо. Арил, идш и Глав в сопровождении Края, Бон Патрокла и еще двух десятков местных бойцов из числа Тысячи охотников сейчас во весь опор мчались в империю, чтобы оповестить императора о том, что произошло в Арвендейле. Это посольство уехало еще до того, как стало известно о Гурьбе. Они везли подарки, отобранные гномом и идшем из числа сокровищ, найденных в подвалах замка. А кроме того, у Арила было поручение к Тавору Эрграю, а идш собирался добраться до сородичей и переговорить с ними насчет дальнейшего сотрудничества. Вероятнее всего, они уже должны были проехать Эллосиил. А крестьянин сейчас находился в Каменном городе. Гмалин направил его в расчет одной из метательных машин, на которую требовались особенно сильные заряжающие.

До самого вечера в лагере людей стучали топоры и слышался визг точильных камней. Плотники наращивали помосты, ладили

метательные машины, которые должны были метать камни и уже не копья, а просто заточенные колья. Они были неказисты, изготовлены из еще не досушенного дерева и вряд ли выдержали бы больше полусотни выстрелов. Но и это были лишние соломинки, которые могли еще больше нагрузить спину верблюда. Весь вопрос состоял в том, хватит ли их для того, чтобы окончательно ее переломить…

Орки начали выходить из лагерей через два часа после рассвета. Рев сигнального рога гномов поднял лагерь, и десятки тысяч бойцов, не успев продрать глаза, торопливо натягивали доспехи и бежали к заранее определенным им боевым постам.

Спустя полчаса выяснилось, что немедленного нападения не будет. Поэтому Трой выслал вниз по ущелью, за Южные врата, полусотню всадников с приказом наблюдать, но не выезжать из ущелья, дабы не провоцировать орков, а остальных распустил. В принципе гномий пост должен был бы предупредить их заранее, но, если орки действительно собирались напасть сегодня, шаманы могли попытаться отправить какой-то отряд, отведя глаза гномьим наблюдателям, у орков в этом случае появлялся шанс налететь на лагерь людей внезапно. А отвести глаза полусотне людей одновременно было практически невозможно. Так что даже в случае, если б у орочьих шаманов все и получилось, их отряд добрался бы только до полусотни, а уж там гномы заметили бы, что что-то не так. Вряд ли, конечно, подобный отряд нанес бы такой уж большой ущерб, поскольку он никак не мог быть слишком многочисленным, но прорваться к стрелкам и метательным машинам и несколько уменьшить их число мог бы вполне. А шансы на победу людей, гномов и эльфов и так были не слишком велики, чтобы позволить себе разбрасываться даже малейшими.

Воины разошлись к своим кострам, и вскоре в котлах закипела наваристая похлебка. Трой знал, что многие опытные бойцы предпочитали не есть перед боем, считая, что в таком случае при ранении в живот больше шансов выжить, но сегодня утром все было наоборот. На короткую схватку никто не рассчитывал. И на шанс выжить в случае поражения тоже. А вот сил на долгую битву у голодного воина могло не хватить. Поэтому нынешним утром в котлы летели все припасы, которые только нашлись в неведомых глубинах дорожных мешков.

Трой ехал через лагерь к палатке Лиддит, когда его окликнули:

— Владетель Арвендейла, мы приглашаем тебя разделить с нами последнюю трапезу.

Трой натянул поводья и обернулся.

Эрик Два Топора стоял и серьезно смотрел на него. Он был только в кожаных штанах и мягких сапогах с подошвой из акульей кожи, в которых воины ходят лишь по палубе драккара. А выше пояса он был обнажен. На его обеих щеках были нанесены три разреза, достаточно глубокие, чтобы в них выступила кровь. И этой кровью на скулах, шее и лбу был нанесен причудливый узор. Причем, судя по тому, что кое-где на узоре тоже выступила кровь, он был нанесен лезвием клинка. Сейчас кровь уже запеклась, и потому узор частью поблек и осыпался. Трой окинул взглядом ту часть лагеря, где помещались северные варвары. Практически все они были одеты точно так же и имели подобные узоры на лице и шее. И большинство из них сейчас тоже оторвались от своих занятий и смотрели на него. Трой вспомнил, как Эрик как-то рассказывал ему, что, когда доблестного воина кладут на погребальный костер, его побратимы украшают его лицо и шею узором прощания, который наносят собственной кровью. И понял, что суровые северные воины не надеются пережить эту битву. Трой улыбнулся и, перекинув ногу через луку седла, соскользнул вниз.

— Конечно, друг Эрик…

Лиддит нашла его через полчаса. Трой как раз выскабливал ложкой оловянную миску, которую ему, как почетному гостю, преподнес Эрик (остальные черпали из котла, снятого с крюка и поставленного прямо на угли), когда услышал тихий оклик:

— Трой…

Он поднял глаза. Лиддит протиснулась к нему между северных варваров, тесно обступивших костер, у которого он сидел, и опустилась рядом с ним на колени.

— Что случилось? — спросил он ее, нежно проведя ладонью по ее щеке.

— Я совсем забыла… замоталась. Тамеи и Даргола до сих пор нет.

Трой напрягся. Негромкий гул голосов, сопровождавший трапезу у костра, внезапно стих, и десятки встревоженных глаз уставились на них. Их вождя что-то взволновало, и воины были готовы по его слову немедленно броситься туда, куда он укажет.

Трой медленно расслабился.

— Ладно, этой проблемой займемся позже. Когда переживем эту битву… — «Вернее, если переживем», — поправился он про себя. И в этот момент вновь зазвучал рог гномов. Гурьба пошла…

Первыми, как они и ожидали, в атаку бросились остатки мелких орд. Дикий рев и бой боевых бубнов и барабанов морским прибоем накатывал вверх по ущелью, пока первые орки, достигнув Южных врат, не выплеснулись в ту часть ущелья, в

которой располагался лагерь людей. Трой, стоящий на помосте, удивленно вскинул брови и повернулся к Лиддит:

— Почему они не отправили вперед всадников на варгах?

Лиддит озадаченно пожала плечами:

— Не знаю…

— Натянуть тетиву! — послышался зычный голос ближнего сотника. А со стороны стоящих чуть дальше стройных шеренг эльфов послышался звонкий торжественный звук. Эльфы затягивали свою боевую песнь. Их было немного, всего пара сотен, ибо остальные сейчас занимали места у бойниц, прорубленных в скальных галереях Каменного города. Но уводить ВСЕХ эльфов Лиддит посчитала неверным. Люди должны были не только знать, но и ВИДЕТЬ, что они не одни. Что и другие Светлые расы здесь, с ними.

— Банг! — разнесся над полем боя гулкий звук сорвавшихся со спусковых крюков тетив метательных машин, и над головами людей взметнулись десятки камней и заточенных кольев. И сразу же вслед за ними над ущельем поплыл тонкий вибрирующий гул спущенных тетив.

Первый залп стрелков и метательных машин пришелся отнюдь не на первые ряды. Ревущая толпа орков, накатывающаяся на строй латников, выстроивших стену щитов на краю насыпи, на первый взгляд почти не понесла урона. Но сверху, с помостов, было видно, что лавина орков сразу за первыми пятью-шестью шеренгами изрядно поредела. И последующие шеренги (весьма условные, потому что орки, по своему обыкновению, перли плотной беспорядочной толпой), спотыкаясь о трупы и раненых, вынуждены были слегка замедлить бег, еще больше увеличивая разрыв между теми, кто должен был нанести первый удар, и остальной массой. А почти сразу же вслед за этим залпом небо потемнело от тысяч стрел, ринувшихся вниз, на головы орков, из тысяч скрытых в теле горы бойниц Каменного города. На этот раз залп был еще более страшен. Ибо стрелявшие сверху могли различить практически каждую цель и потому били более избирательно. Но тут первые орки добежали до насыпи и полезли наверх.

— Бей! — взлетел над шеренгами слитный рев латников, и тяжелые копья обрушились на остервенело лезущих вверх по насыпи врагов.

Несколько мгновений казалось, что яростная атака орков заставит бойцов отступить. И кое-где линия щитов даже слегка подалась назад. Вслед за упавшими воинами. Сначала на шаг. Потом еще на полшага. Ибо каждый убитый боец на мгновение создавал брешь в стене щитов, а прежде чем следующий успевал

занять его место, орки отвоевывали себе кусочек насыпи. Но потом от первых шеренг орков ничего не осталось. А те, кто набегал сзади, оказались изрядно прорежены залпами стрелков и метательных машин. И потому линия щитов медленно качнулась обратно. Но все понимали, что это только начало…

Первый удар шаманы нанесли на втором часу боя. Трой уже дважды бросал в дикую, остервенелую атаку северных варваров, чтобы хоть немного отбросить орков, оттеснивших остатки латников, уже густо разбавленные наемниками, а кое-где и бойцами ополчения, почти вплотную к помостам стрелков. Первый раз это удалось, и они оттеснили орков почти к самому обрезу насыпи. А во второй смогли лишь остановить откат. Так что он только успел выбраться из мясорубки и, тяжело дыша, принялся разыскивать глазами стройную фигурку Лиддит, облаченную в заметные издалека Доспехи Зари, когда над помостом стрелков полыхнула яркая вспышка пламени…

— Лиддит! — заорал Трой, яростно крутя головой и холодея от мысли, что первый удар орочьих шаманов пришелся по столь заметной цели, но спустя минуту стало ясно, что целью, слава богам, была не она. Орочьи шаманы не сумели либо просто посчитали излишним подавлять свою древнюю ненависть и потому нанесли первый удар по эльфам. Из двух сотен стоявших на помосте чудовищный всполох погубил сразу два десятка эльфов. А сам помост загорелся. Большинство стрелков, увидев эту чудовищную картину, на несколько мгновений замешкались, но в этот момент над полем битвы разнесся громкий голос Лиддит:

— Не прекращать стрельбу! Иначе они нас сомнут!

И над головами сражающихся снова поплыл многоголосый переливчатый гул спускаемых тетив.

Второй удар шаманы нанесли по скальной стене ущелья. Там полыхнуло так, что у тех, кто в этот момент посмотрел бы в ту сторону, на некоторое время отключилось бы зрение. Слава богам, таковых среди людей практически не было. Так что этот поражающий фактор не оказал на людей никакого воздействия. Зато целая лавина каменных обломков, обрушившаяся вслед за этим все на тот же многострадальный помост, убила сразу почти две сотни людей и эльфов, пробила и обрушила помост в нескольких десятках мест, заставив его зашататься и покоситься.

Лиддит в отчаянии зарычала:

— Помосту конец. Нам придется убирать с него стрелков!

А Трой замер при мысли, которая только что пришла ему в голову. Лиддит с надеждой уставилась на него.

— Точно: быстро убирай стрелков и отводи их в тыл.

Трой повернулся и бросился к тому месту, где последний раз видел Эрика Два Топора. Тот был жив, только ранен в руку и без одного топора, застрявшего, как он сказал, в одной особо крепкой башке какого-то орка. Он как раз бинтовал рану.

— Эрик, бери своих и рубите столбы помоста. Пусть он рухнет вперед… ну вроде стены. Если мы заставим их карабкаться через помост, пусть хотя бы некоторое время, то для наших стрелков в этот момент они будут совсем неплохими мишенями. Даже с учетом того, что стрелки будут стоять на уровне земли.

Эрик, сначала слушавший приказ своего господина с некоторой озадаченностью, просиял и, вскочив на ноги, гортанно закричал что-то остальным.

Третий удар шаманов вновь пришелся на скальную стену ущелья. Только уже противоположную. Но на этот раз потери были гораздо меньшими, поскольку Лиддит, правильно просчитав, куда на этот раз ударят шаманы, в первую очередь сняла стрелков с оконечностей помоста.

Некоторое время рубка шла практически на равных. Но затем помост, уже давно сотрясаемый мощными ударами топоров северных варваров, громко заскрипел, потом послышался еще более громкий треск, и в следующее мгновение вся циклопическая конструкция, еще не так давно державшая на себе почти три тысячи стрелков и около полусотни метательных машин, с грохотом рухнула на землю, подняв в воздух тучи мелких камешков. Несколько шеренг орков оказались неожиданно для себя отделены от остальной орды внезапно возникшим подобием частокола. С ними расправились за несколько минут. А затем шеренги латников и наемников откатились шагов на двадцать от рухнувшего помоста, на ходу перестраиваясь и вновь восстанавливая стену щитов такой, какой она была перед самым началом битвы.

Орки тут же принялись карабкаться через обломки помоста, но это оказалось не слишком простым делом, и оттянувшиеся назад стрелки почти десять минут удерживали их по ту сторону помоста, пропуская на эту сторону только одиночных тварей. Пока, наконец, и до орков не дошло, что с той скоростью, с какой они могут перебираться через помост, их просто перестреляют. Поэтому вскоре они прекратили ошалело лезть напролом, и со стороны помоста послышался стук орочьих топоров.

В сражении установилась небольшая передышка, нарушаемая только всполохами огня. Шаманы перенесли свои усилия на стрелков у бойниц Каменного города. Впрочем, судя по нескончаемому ливню стрел, падающих на головы орков, на этот раз их усилия оказались гораздо менее успешными, чем против

стрелков на помосте…

Трой стянул с головы шлем и вытер лоб. Лиддит, тяжело дыша, присела рядом.

— Меня очень беспокоит, куда они дели всадников на варгах. По моим подсчетам, их у них осталось еще не менее десяти тысяч.

Трой кивнул:

— По моим тоже…

И в этот момент внезапно рядом с ними в землю вонзилась длинная эльфийская боевая стрела, явно пущенная откуда-то сверху.

Лиддит от неожиданности отшатнулась, а Трой качнулся вперед и, ухватив за древко, выдернул ее из земли.

— Здесь записка!

Он торопливо обломил наконечник и сдернул записку с древка, после чего развернул ее и глухо зарычал:

— О темные боги, вот тебе и всадники.

— Что?! — напряженно спросила Лиддит.

— Они отправили всадников на варгах северным ущельем. Наверное, собираются ударить с тыла и зажать нас здесь. Гмалин пишет, что к началу ущелья те, как видно, пробирались лесами, потому что наблюдатели заметили их, только когда первые всадники уже втянулись в ущелье.

В этот момент сразу несколько секций рухнувшего помоста заскрипели и обрушились на землю, а в образовавшиеся проходы повалили орки. И одновременно с этим прямо над центром восстановленного строя латников вновь полыхнул огненный всполох, буквально испепеливших полтора десятка воинов, а в следующее мгновение в образовавшуюся брешь влетели орки…

Трой вскочил.

— Лиддит, я с панцирниками попытаюсь перехватить их на Каменной Лестнице.

Так назывался почти прямой участок южного ущелья длиной примерно в полторы лиги, выложенный широкими каменными плитами по всей ширине дороги. Их длина была чуть ли не в три раза меньше ширины, поэтому создавалось впечатление, что едешь по ступенькам гигантской лестницы. На самом деле она вела к воротам Крадрекрама, но за пару сотен шагов до них раздваивалась и тянулась еще на пол-лиги в сторону Южных врат. Да, там был шанс если не остановить их, то хотя бы задержать. Потому что оставшиеся после всех этих боев девять сотен панцирников никак не могли остановить почти десять тысяч орков и их варгов.

Лиддит молча кивнула, а потом стянула с головы шлем и, прижавшись к Трою, впилась в него своими губами. Трой замер.

Он почувствовал, что она прощается с ним. А Лиддит все так же молча отстранилась и, вновь нахлобучив шлем, резко отвернулась и бросилась в сторону прогибающейся линии обороны…

Они едва успели. Когда Трой и граф Шоггир, натянув поводья, притормозили своих коней, звонко цокавших копытами по плитам Каменной Лестницы, с противоположной стороны уже несся им навстречу торжествующий рев орков и вой варгов. Граф оглянулся. Его панцирники вереницей выскакивали из-за поворота. Граф вскинул левую руку, а затем отпустил поводья и резко бросил обе руки в стороны.

— В линию!

Огромные железные башни панцирников начали торопливо разворачиваться на указанной позиции, а граф повернулся к Трою:

— Извините, герцог, но я имею прекрасное представление о том, как вы обращаетесь с тяжелым копьем, и поэтому прошу вас покинуть линию.

Трой набычился. Но граф не дал ему заговорить:

— Трой, не стоит торопиться умирать. Прости, но ты действительно не слишком силен в конном строю. Я все равно не успею развернуть всех своих парней. Дождись, пока подтянутся отставшие, и ударь второй волной. В этом будет больше толку. Тем более что вам, скорее всего, придется сразу ударить в мечи. У отставших почти не осталось копий.

Трой сглотнул и, шмякнув графа по оплечнику латной перчаткой, дал Ярому шенкеля и выехал из строя. Окинув взглядом строй, он прикинул, что сформировать линию успели только около пяти сотен панцирников. Остальные еще подтягивались. Он оглянулся. Орки уже вылетели из-за поворота и теперь мчались на грозную шеренгу закованных в сталь воинов. Панцирники выглядели не столь нарядно и величественно, как в тот миг, когда Трой увидел их атаку в первый раз. На многих копьях уже не было пестрых значков, плюмажи большей части шлемов были смяты и изорваны. И почти ни на ком не осталось красивых форменных плащей. Но это было неважно. Они все равно выглядели грозно и несокрушимо… Вот только их была всего лишь горстка против накатывающейся на них сейчас необозримой лавины.

— Шагом вперед.

Панцирники двинулись вперед, постепенно ускоряясь.

Копья склонить. Упереть в крюки. Тускло блестевшие острия упали вниз.

Выровняться. Рысью вперед. Кони увеличили скорость.

— Атака!!

И в следующее мгновение панцирники вломились в строй орков…

Глава 7

Капитан Изриел пружинистым шагом поднялся по ступеням Яшмовой лестницы и, завернув за угол, двинулся по длинной анфиладе. Его каблуки громко стучали по мозаичным полам, а от всей его мощной, крепкой фигуры, затянутой в мундир, поверх которого тускло поблескивала парадная кираса, покрытая восемнадцатикаратным золотом, веяло непоколебимой уверенностью и силой. Но если бы кто-нибудь бросил хотя бы мимолетный взгляд на его лицо, то был бы удивлен тем, как его выражение контрастирует с той самой аурой силы и уверенности в себе, которую, казалось, излучала фигура капитана. На лице капитана явственно были нарисованы недоумение, досада и… страх. Недоумение оттого, как он, сын и наследник древнего рода баронов Изриелов, блестящий гвардейский офицер, предмет воздыхания многих и многих придворных красоток, оказался в столь глупом и опасном положении. Досада оттого, что все-таки оказался. И страх… страх при мысли о том, к чему все это может привести.

Капитан миновал последнюю комнату анфилады и, свернув налево, вышел на площадку лестницы, ведущей в сад. Согласно карте маршрута проверки он должен был бы сейчас повернуть направо и, пройдя через Зеркальный зал, достигнуть лестницы, что вела на внутреннюю стену, отделявшую Малый двор от левого крыла большого дворца. Малый двор был самой древней постройкой во всем императорском дворце. Говорили, что он был построен еще до Марелборо, хотя точно никто не знал. В разные времена там были расположены часовня, библиотека, личная кухня императора Грасьяса II, но только нынешний император отчего-то устроил там свои личные покои. В том числе и спальню. Внутрь личных покоев капитану хода не было, зато караул, патрулирующий поверху стены, и парный пост у дверей были полностью в зоне его ответственности. Но капитан свернул налево…

— Что это значит, гвардеец?

Часовой, находившийся у задней калитки внутреннего сада, едва не свалился с тумбы, на которой он так удобно устроился, однако, суматошно всплеснув руками, он сумел-таки удержать равновесие и вскочить на ноги. Вот темные боги, капитан же должен был появиться еще только через полчаса! Ему же еще надо было проверить посты на внутренней стене и у личных покоев императора. Или он вышел из караулки раньше второго боя колокола? Странно… Капитан Изриел не был известен как

ревностный служака, скорее среди гвардейцев он слыл сибаритом, отдающим службе ровно столько времени, сколько минимально возможно. А все остальное время капитан тратил на развлечения. Но таких в оставшемся во дворце гарнизоне, по правде говоря, было большинство. Все, кто жаждал славы или испытаний, отправились с принцессой Лиддит. А остальных вполне устраивала спокойная и даже немного беспечная служба при дворе императора… С другой стороны, ходить на службу с капитаном было спокойно, поскольку все знали, чего от него можно ожидать. И караулы он всегда проверял хоть и по уставу, но строго формально. И к постам приближался всегда по вымощенной каменными плитами дорожке, громко грохоча каблуками, а не тихонько, как, скажем, сержант Рамтог, частенько стягивающий башмаки и чулки и подбирающийся к часовым босиком, дабы застать их за чем-нибудь незаконным. Но сегодня Рамтог остался в казарме, разводящим караула был сержант Илдис, ротный каптернармус, не любивший обременять себя излишними служебными обязанностями (ну или теми, которые он сам считал излишними), а дежурным по караулам — капитан Изриел. Так что часовой считал, что он вполне может себе позволить присесть тут в уголке и слегка подремать. Тем более что та вдовушка прошлой ночью была прямо-таки ненасытна. Видно, давно мужика у нее не было. Поспать ему так почти и не удалось. И вот такой конфуз…

— И как это понимать?

Часовой стоял перед дежурным по караулам, недоуменно хлопая глазами и испуганно косясь на парадную алебарду, которую он, как казалось, так удачно пристроил у колонны. А теперь она оказалась за спиной у капитана.

— Ну что молчим?

— Э-э… капитан, я… — Солдат осекся, не зная, что говорить. Да и что тут скажешь? Все и так ясно.

Капитан Изриел презрительно скривил губы.

— Сержанта Илдиса сюда, быстро.

Солдат испуганно дернулся было к алебарде, но затем резво развернулся и, придерживая рукой бряцавший палаш, бросился по дорожке к лестнице. Ему предстояло пробежать через весь внутренний сад, затем подняться по лестнице на второй этаж, преодолеть длинную анфиладу, спуститься во внутренний двор, пересечь его и войти в караулку. А потом преодолеть этот маршрут в обратном направлении в сопровождении сержанта Илдиса, обремененного объемистым животом и скорой одышкой. Так что времени для того, чтобы исполнить задуманное, было предостаточно. Как капитан и рассчитывал, когда сегодня утром

исправлял расстановку караульного наряда под неодобрительным взглядом сержанта Рамтога, так и не сумевшего убедить капитана в том, что негоже ставить этого гвардейца на одиночный пост. Точно начнет нарушать службу…

Калитка поддалась сразу. Только левое ухо едва не оглохло от звона амулета дежурного, выполненного в виде серьги-клипсы. На этот амулет выводились сигналы всех охранных заклятий, установленных во дворце. В том числе и того, что срабатывало при открытии этой калитки. Если его, конечно, не отключали. Но этого капитан Изриел сделать не мог. Снимать охранные заклятия во дворце имел право только дежурный дворцовый маг. А если бы это попытался сделать кто-то другой, то сработал бы уже амулет дежурного мага. Ну а видеть здесь и сейчас мага совсем не входило в планы капитана Изриела…

Капитан распахнул калитку и выглянул наружу. Там было темно.

— Ну где вы там? — раздраженно произнес он.

И тут же из темноты появилось два силуэта. Тонкий женский и более массивный мужской. И почти сразу раздался жаркий женский шепот:

— О-о, капитан, вы настоящий офицер. Я и не сомневалась, что вы сдержите свое слово.

— Оставьте, — раздраженно ответил Изреил, — где деньги?

— Вот они, капитан, — послышался приглушенный мужской голос, после чего что-то звякнуло. — Вот они, но моя сестра еще не во дворце.

Капитан досадливо поморщился и сделал шаг назад.

Тонкая женская фигурка торопливо проскользнула внутрь и восторженно ахнула.

— О Светлые боги, неужели я… Я — в императорском дворце!

Капитан криво усмехнулся. О боги, и он еще был увлечен этой мещаночкой! Впрочем, фигурка у нее ничего, да и в постели… Закончить мысль он так и не успел. Потому что тонкий стилет, направленный умелой рукой, змеиным языком проник в щель вычурного парадного доспеха, проколол кусок вызолоченной кожи и, прошив его насквозь, вошел в печень. От чудовищной боли капитан выгнулся и разинул рот, пытаясь закричать, но из перекошенного рта вырвался только негромкий хрип, заглушённый к тому же рукой в тонкой перчатке, накрывшей разинутый рот Изриела. А затем тело вздрогнуло еще раз, когда все та же умелая рука провернула в ране стилет, и медленно, поддерживаемое все той же рукой, опустилось на темную мостовую с наружной стороны ограды внутреннего сада. Мужская фигура, склонившаяся над телом, бесшумно

выпрямилась, но лишь для того, чтобы тут же вновь склониться в глубоком поклоне:

— Путь свободен, господин.

Из темноты выдвинулась еще одна фигура, и властный голос произнес:

— Я доволен тобой, Беневьер.

Спустя мгновение из темноты возникли еще несколько фигур, которые стремительно проскользнули в распахнутую калитку. Мимо женской фигуры, которая уже стояла подбоченясь, ничем не напоминая ту смазливую мещаночку, которая была в таком восторге от того, что оказалась в императорском дворце, пусть даже ночью, тайно и на самых задворках внутреннего сада. Тот, кого назвали господином, тоже шагнул в проем калитки и, окинув взглядом стоящую рядом женщину, усмехнулся и негромко произнес:

— Ну что ж, дорогая, по-моему, самое время навестить твоего бывшего любовника.

— О-о-о, господин, вы даже не представляете, как я мечтаю заглянуть ему в глаза.

В приглушенном голосе женщины чувствовалась такая клокочущая ненависть, что герцог Эгмонтёр едва не отшатнулся, но его губы растянулись в легкой улыбке. Что ж, это хорошо. Если эта сучка не сможет сдержать свою ненависть, то, скорее всего, именно она первой подставится под удар того, который не только считался, но и действительно был сильнейшим магом империи людей. А это лишний шанс для него самого…

На дорожке, ведущей от лестницы к калитке, послышался дробный грохот каблуков. Герцог нахмурился. Если их обнаружат сейчас, то все его планы могут пойти прахом. Сражаться со всей дворцовой охраной ему совсем не улыбалось.

— Не волнуйтесь, господин, — раздался над ухом голос Беневьера, — их всего трое. Мы их легко нейтрализуем. Только не могли бы вы пока укрыться вот в этих кустах?

Герцог повернул голову, окинул взглядом Беневьера, уже натянувшего на себя шлем, кирасу и плащ покойного капитана, одобрительно кивнул и сделал шаг в сторону, уходя в глубокую тень кустарника. Беневьер расправил плащ и, повернувшись спиной к приближающемуся сержанту Илдису и двум караульным (еще одного сержант Илдис предусмотрительно захватил с собой, предполагая, что дежурный по караулам вряд ли захочет оставлять на посту часового, которого он застал за грубейшим нарушением устава), принялся медленно похлопывать перчаткой, зажатой в одной руке, по ладони другой.

Сержант Илдис заметил фигуру капитана сразу же за

последним поворотом дорожки, выложенной каменной плиткой. Капитан был явно сердит, поскольку стоял к ним спиной и раздраженно шлепал перчаткой по ладони. Оценив это, сержант, который после лестницы перешел на быстрый шаг, подтянул пояс с палашом, съехавший с его объемистого живота, и припустил бегом, тяжело переваливаясь на коротких толстеньких ножках. Пусть капитан видит, как сержант торопится исполнить его повеление, авось немного умерит пыл. Уж сержант Илдис знает, как потрафить этим гордецам — гвардейским офицерам, чай, не первый год служит, всего повидал и не таких орлов видывал… Закончить свою мысль сержант не успел. Ибо едва только они пересекли полосу кустов, кроны которых были причудливо пострижены то в виде гигантских цветов — роз, лилий и рододендронов, то в виде зверей или птиц, и в сознании сержанта мелькнула мысль, что кроны ближайших какие-то неправильные, как именно от этих неправильных кустов к ним метнулись три стремительные тени и… наступила тьма.

— Все спокойно, господин.

Эгмонтер согласно кивнул и огляделся.

— Туда.

Выросший рядом гигант джериец, только что оттащивший тело сержанта за шпалеру кустов, согласно кивнул и, пригнувшись, махнул рукой. Спустя мгновение тени исчезли.

— Беневьер, — герцог одобрительно улыбнулся, — ты хорошо придумал. Иди за ними. Там пост у дверей. Мы должны снять его бесшумно…

Императору сегодня не спалось. Опять мучили боли. Он понимал, что жить ему осталось недолго, самое большее несколько лет. Но, возможно, это и к лучшему. Потому что император собирался сам определить как время и место своей кончины, так и то, кто будет его преемником. Как сильный, даже, скажем так, очень сильный маг, он ощущал, что на империю надвигается что-то страшное. Время еще было. Но его оставалось немного. И поэтому, как истинный владетель, он не мог допустить, чтобы в это предстоящее тяжкое испытание Империя людей вошла во главе с правителем, день ото дня теряющим силы и волю к борьбе. О, если бы он знал все то, что знает сейчас, в тот момент, когда вступил в борьбу за корону… Он бы бежал от нее, как темная тварь от отблеска Святого Света. Но он взвалил на себя это бремя и теперь обязан с достоинством нести его до самого последнего дня. Который был уже не за горами. Ибо император твердо решил закончить свои дни несколько раньше, чем позволили бы ему телесные силы. Потому что корону должен

получить достойнейший — полный сил и имеющий волю справиться с той пока еще неясной опасностью, которая должна была вскоре обрушиться на империю. И император считал, что наконец-то нашел этого достойнейшего. Того, кто сумел пройти самые суровые испытания, которые обрушили на него судьба и боги. Так что теперь осталось дождаться, когда он вернется из своего триумфального похода. И… вручить ему корону империи. Он не сомневался, что его решение вызовет среди пэров империи большое смятение. Но самые мудрые — Лагар, Илмер, Агилура, Шоггир и некоторые другие… они поймут. Поймут и станут опорой новому императору. А остальные ничего не смогут сделать. Получить корону империи, освободившуюся в результате ритуала Ухода, может только тот, кому она предназначается. Никому другому не овладеть ее силой.

Но сегодня беспокойство охватило императора с новой силой. Он пытался утешить себя тем, что это все боли. А совсем скоро он избавит себя от любых страданий. Но что-то мучило его этим вечером. Что-то, что не давало уснуть.

Вконец измучившись, император встал и, закутавшись в плед, двинулся к выходу из спальни.

Выйдя в холл, он почувствовал, как от входных дверей явственно веет холодом. Император замер. Он намеревался дойти до небольшой личной столовой, где на горячей жаровне стоял кувшин с грогом, но сейчас, похоже, его внимание требовалось в другом месте. Это ощущение холода появлялось у императора всякий раз, когда поблизости использовалась магия, пусть не направленная прямо на него, но каким-то образом задействованная для того, чтобы нанести ему вред. Впрочем, возможно, всего лишь приоткрылась дверь и это ощущение — просто реакция на сквозняк. Но приоткрытая дверь также требовала внимания. Ибо если бы произошло что-то, требующее, чтобы императора срочно проинформировали, то в его покои уже ворвался бы дежурный офицер с докладом. А до сего момента входные двери в личные покои императора должны быть плотно закрыты и запечатаны охранным заклятием. Парный пост снаружи должен строго следить за этим.

Император находился еще в шести шагах от дверей, когда они распахнулись и внутрь ворвались стремительные тени. Атаку немного задержала огненная ловушка. Первые две мгновенно вспыхнули и рассыпались черным жирным пеплом, но решимость остальных это ничуть не снизило. Ибо следующие просто перепрыгнули мозаичный рисунок, включавший ловушку, и устремились к императору. Тот вскинул руку, одним движением и зажигая светильники, и устанавливая полог, хотя и не

сумевший полностью остановить столь массивных нападавших, но сильно замедливший их движение, и, развернувшись, бросился в спальню, кляня себя за бестолковость. Ну надо же было додуматься — так далеко отойти от короны! Впрочем, пока все складывалось не так уж плохо. Нападавшие завязли в пологе как мухи в варенье, а когда он наденет корону, то даже в десять раз большее число не будет представлять для него никакой опасности. Император даже успел сделать три шага, но тут огромный джериец, взревев, отчаянным рывком сумел слегка ослабить путы полога и в падении дотянулся до края пледа, вцепившись в него пальцами. Император дернулся, затем сбросил плед с плеч, пытаясь освободиться, но пальцы джерийца вместе с пледом захватили и материю ночной рубашки императора. А спустя мгновение рука джерийца сомкнулась уже на его запястье… Когда император очнулся, он обнаружил, что его глаза смотрят на расписной плафон, расположенный в центре потолка его собственной спальни. Император попытался пошевелить рукой или ногой, но это не удалось. Постепенно возвращались остальные ощущения… Император почувствовал, что он наг и лежит на голом каменном полу. Тонкий джерийский ковер был снят и небрежно отброшен в угол. Император повернул голову. Дверь, ведущая из спальни в большой холл, так и осталась раскрытой, и снаружи, из-за входной двери, слышались возбужденные крики, а в саму наружную дверь мерно били чем-то тяжелым. Справа послышалось цоканье каблучков, слишком легкое и частое, чтобы принадлежать мужчине, а в следующее мгновение император почувствовал, как небольшая женская ручка хватает его за волосы и рывком разворачивает к себе.

— Ну что ж, привет, любовничек!

Император несколько мгновений пытался сфокусировать взгляд, а затем лицо его вытянулось, а губы прошептали:

— Эпилента!

— Да! — Женщина так рванула волосы, что император не выдержал и застонал. — Да, это я. Та, у которой ты отобрал все, что принадлежало ей по праву рождения. И теперь я собираюсь… — Договорить она, однако, не успела, потому что сбоку послышался еще один голос, также показавшийся императору знакомым.

— Нилера, у нас мало времени!

— Подожди, Эгмонтер. Ты обещал мне, что я смогу позабавиться с ним.

— Да, но если я не успею закончить ритуал, прежде чем его гвардейцы ворвутся внутрь, мы все попадем в лапы Лагара. Ты готова рискнуть этим ради нескольких минут удовольствия?

Эпиле… вернее, Нилера несколько мгновений боролась с искушением, но затем смачно плюнула императору в лицо и швырнула его голову на пол.

— О темные боги, что бы я хотела сделать с тобой! Ну да ладно, удовлетворюсь тем, как ты будешь корчиться в руках моего господина.

Император напрягся, попытавшись приподняться, и обнаружил, что не может оторвать от пола ни рук, ни ног. И, что более важно, не способен воспользоваться ни единым заклинанием. Он скосил глаза. Его ладони, лодыжки и тело в районе паха оказались вымазаны чем-то черным, выглядевшим, будто растопленная смола. Но это явно была не смола. Это было что-то такое, что, кроме всего прочего, снимает боль. Потому что все эти части его тела были пришпилены к полу какими-то очень острыми предметами, напоминавшими осколки камня. Черного, блестящего камня, похожего на застывшие языки Темного пламени.

— Не волнуйся, Нилера, — вновь послышался голос герцога Эгмонтера, — ты сможешь в полной мере насладиться местью. Для правильного течения ритуала нужно, чтобы в его теле не осталось ни одной целой кости. Так что вот, возьми и приступай. Только не трогай череп и позвоночник. Ты можешь убить его, а когда мы перейдем к заключительной части, он должен быть еще жив.

— А-а-а! — радостно возопил женский голос, и в следующее мгновение на пальцы императора обрушился тяжелый удар, пронзивший все его тело острой болью. И сразу же вслед за этим еще один, потом еще, а затем он вообще потерял сознание…

Когда император очнулся, дверь в его спальню была уже закрыта и завалена мебелью. Даже его кровать, с которой был сбит балдахин, была привалена к двери. В горле саднило, как будто где-то рядом что-то горело. И… боль, боль, боль. О Светлые боги, он еще никогда не испытывал такой боли! Впрочем, спустя несколько секунд он таки сумел с ней справиться. Вернее даже, не справиться, а немного свыкнуться. Вряд ли кто-нибудь еще смог бы сделать это, но император уже несколько десятилетий жил рядом с этой тяжкой соседкой, даже не рядом, а вместе. И он привык ней. Хотя та, прежняя, не шла ни в какое сравнение с этой, но, в сущности, они были одинаковыми. Просто новая была немного сильнее прежней. Или много…

Он попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, что там происходит, но голова безвольно свалилась набок. И он понял, что у него перерезано горло и голова держится только на позвоночном столбе. Впрочем, даже на нем она не держалась. Ибо

все позвонки были умело раздроблены. Похоже, в его теле действительно не осталось ни единой целой косточки.

Слава богам, голова опрокинулась именно в ту сторону, поэтому он увидел, как герцог Эгмонтер старательно дорисовывает вокруг его фигуры третий, замыкающий круг. Само его тело было заключено в охранительную пентаграмму. Понятно… ритуал вызова демона. Но, темные боги, КОГО собирается вызвать Эгмонтер, если в качестве жертвы избрал самого императора?!

— Все готово, — пробормотал Эгмонтер, выпрямляясь.

— Вовремя, — прошипела Нилера. Потому что как раз в этот момент на дверь спальни обрушился очередной тяжкий удар. Наружные двери рухнули полчаса назад. За пару минут до этого Эгмонтер приказал отволочь к почти разбитым ручным тараном дверям ковер, облил его какой-то дрянью и поджег. Так что когда те двери рухнули, все, кто оборонял их, успели отойти в спальню, закрыть двери и завалить их всем, что успели к ним стащить. Но внутренние двери были послабее наружных, поэтому, как только огонь утих и штурмующим гвардейцам удалось разобрать завал и перетащить в холл ручной таран, двери тут же затрещали.

— Так. — Эгмонтер окинул взглядом всех, кто находился в спальне. Из дюжины, что вместе с ним прошла через калитку, их осталось всего шестеро. — Ты, — он указал на своего джерийца, — и Беневьер остаетесь у дверей. Умрите, но не дайте ворваться сюда ни единому человеку, пока я не закончу ритуал. Остальные сюда. Встаньте внутри круга. На острие каждого луча.

— Но… — с сомнением начала Нилера-Эпилента. — Разве мы не должны держаться за пределами пентаграммы и охранительных кругов?

— При обычном ритуале — да, — усмехнулся Эгмонтер, — но я не собираюсь просто вызвать демона. Даже очень сильного. Я хочу забрать себе всю его силу. Поэтому я буду тоже стоять здесь, внутри круга, вот на этом луче. А вы займете остальные. Не бойтесь, — мягко улыбнулся он, — вся сила демона устремится на меня. А вы просто поможете мне удержать сеть, в которую я ее поймаю. Это не требует от вас никаких усилий или каких-то особенных действий. Вы просто должны оставаться на месте до тех пор, пока я не скажу, что все закончилось. — В этот момент на дверь обрушился особо сильный удар, пробивший ее насквозь, так что окованная бронзой головка ручного тарана выскочила наружу. И герцог нетерпеливо выкрикнул:

— Ну быстрей же, Нилера!

Как только все заняли указанные места, герцог взмахнул руками и… закашлялся. Вернее, так всем показалось в первый

момент. Потому что спустя пару мгновений стало понятно, что он читает заклинания на каком-то странном языке, явно чуждом человеческой гортани. И с каждым новым произнесенным словом каменные осколки, которыми тело императора было пришпилено к каменному полу, начали окутываться языками странного, дрожащего Темного пламени. Кто-то сдавленно застонал и дернулся в сторону. Но было уже поздно. Ноги всех, кто стоял на лучах пентаграммы, будто приросли к ним. Пламя росло, росло, а стоны четверых, стоящих на раскинутых в сторону лучах пентаграммы становились все громче и громче, постепенно, но неуклонно переходя даже не в крик, а в животный вой. Нилера-Эпилента просто уже визжала в полный голос, но остальные также недалеко от нее ушли. Хотя они и были воинами, но странное марево, исходившее от пяти факелов, в которые теперь превратились осколки камня, входило им в плоть, заставляя ее расплываться на части, будто нагревшийся студень, и отставать от костей. Глаза стекали по расползающейся коже лица, как белок из расколовшегося яйца. Волосы с треском сворачивались, как будто на костре, а сами кости трещали и перекручивались, заставляя тела, в которых уже почти не осталось ничего человеческого, принимать причудливые позы. Джериец и Беневьер, совершенно забывшие о том, что им следует делать, в ужасе вжались в стену по обеим сторонам от рассыпающейся двери… Наконец Эгмонтер произнес последнее слово, и по глазам ворвавшихся в спальню гвардейцев ударила Тьма.

Часть II
Ужас над империей

Глава 1

— Ну как?

Трой повернулся перед зеркалом, смотревшимся здесь, в мастерской, несколько необычно, затем согнул руки и несколько раз присел.

— Ну че молчишь-то? — вновь нетерпеливо подал голос Гмалин.

— Да непривычно как-то, — пробормотал Трой, — легко больно. А ты уверен, что эта кираса удержит орочий ятаган?

— Орочий ятаган, говоришь… — хищно ухмыльнулся гном и, коротко взмахнув чудовищных размеров гномьим кузнечным молотом, который держал в руках, со всей дури засветил своему суверену по грудной пластине лат. Троя унесло к дальней стене.

— Ты что, с ума сошел?! — зарычал Трой, вскакивая и направляясь к гному с явным намерением показать ему, как он относится к подобным шуточкам. Но Гмалин стоял спокойно, невозмутимо опираясь на рукоять молота и только усмехаясь во всю рожу.

— Ну и как, ничего не болит?

— Сейчас узнаешь, — все еще кипя от возмущения, огрызнулся Трой.

— А теперь скажи мне, что было бы с тобой, если бы во время той схватки на Каменной Лестнице ты был в ЭТИХ доспехах?

Трой остановился и замер, потом повел плечами и руками и, опустив голову, попытался разглядеть, как грудная пластина новеньких лат перенесла удар гномьим молотом, затем глубоко вздохнул, проверяя, как этот же удар перенесла его собственная грудная клетка, и ошеломленно произнес:

— Эх ты…

— То-то, — улыбаясь уже во всю свою ехидную пасть, заявил гном, — я знаю что делаю…

Бойня на Каменной Лестнице дорого обошлась людям. Сумасшедшей атакой граф сумел остановить и даже слегка потеснить первую волну всадников на варгах, но пяти сотен панцирников на такую толпу орков все-таки было слишком мало. Поэтому их удар вскоре завяз в орочьей массе и схватка переросла в общую мясорубку. Закованные в латы кони, к тому же обученные для ближнего боя, были варгам не особенно по зубам. Да и латы панцирников также давали им некоторое преимущество перед одетыми преимущественно в легкую кожаную броню орочьими всадниками (редкий варг способен нести всадника в тяжелой металлической броне), но тех было

слишком много…

Трой с отставшими подоспел, когда от первых пяти сотен панцирников осталось едва ли больше половины. Они еще медленно двигались вперед, рубя с седел длинными кавалеристскими мечами, но их строй уже настолько истаял, что его не хватало на то, чтобы перекрыть всю ширину Каменной Лестницы. И потому орки смогли прорваться с обоих флангов и теперь наседали на горстку панцирников со всех сторон.

Трой ждал до последнего, ибо теперь в этой безнадежной схватке был важен каждый меч. О победе уже речи не шло. Вопрос был только в том, сколько времени они могут дать истекающей кровью армии до того момента, когда орда всадников на варгах ударит ей в тыл. Поэтому от них требовалось не просто задорого продать свою жизнь, нужно было сделать так, чтобы, когда все уже вроде как станет ясно, у орков не возникло мысли разделить силы и, оставив часть добивать жалкие остатки панцирников, с остальными рвануть вниз по ущелью. Нет, они должны были испугаться и разъяриться настолько, чтобы давить всей массой до последнего, даже если в живых останется жалкий десяток израненных бойцов. И вот эта задача требовала гораздо большего, чем просто с честью погибнуть…

Из четырех сотен отставших копья, как и предполагал граф Шоггир, действительно оказались едва лишь у десятой части. И Трой сосредоточил все четыре с небольшим десятка панцирников с копьями по краям своего строя, сам заняв место с правого фланга. Хотя копье он брать не стал, но, что бы там ни говорил граф, Синее пламя на плечах в сочетании с Серебряным листом в руке вряд ли делало его такой уж обузой для копейной линии. Тем более такой куцей… Основная же масса его четырех сотен должна была нарастить фланги за спиной копейщиков и, главное, ударить по тем орочьим сотням, что сейчас наседали на панцирников графа с тыла.

Их удар был достаточно силен для того, чтобы опрокинуть орков на флангах, так что на некоторое время удалось вновь перекрыть Каменную Лестницу на всю ширину. Но и Трой, и граф, да и все остальные понимали, что это ненадолго.

Спустя несколько минут Трой пробился к графу, умело работавшему своим фамильным эспадоном в первых рядах, и, привстав в стременах, попытался увидеть край орочьей массы. Бесполезно…

В этот момент на панцирника, что рубился слева от него, обрушился тяжелый удар, разваливший ему правый наплечник. Воин зарычал и начал заваливаться назад, рассыпая строй, и Трой поспешно дал шенкеля Ярому, торопясь вновь восстановить

линию. Могучий орк, только что завалivший панцирника, радостно взревел, вздымая ятаган, но Трой не дал ему ударить. Свесившись с седла в длинном выпаде, он вогнал Серебряный лист под козырек массивного шишака, увенчанного плюмажем из женских волос. Древний эльфийский клинок развалил массивную орочью лобную кость, будто та была из бумаги. Орк судорожно дернул лапами и завалился набок. Трой выдернул меч и обратным ходом полоснул под наплечником еще одну тварь, чей визг тут же заставил шарахнуться в стороны его сотоварищей. Трой уже давно заметил, что удары Серебряного листа не просто с легкостью рассекали орочьи кости, но и, судя по тому, что все орки, которых касался этот легендарный меч, начинали дико визжать, доставлял им дикую боль. Даже если сама рана была, на первый взгляд, вроде как не слишком болезненной. Как будто меч испытывал к оркам не меньшую ненависть, чем выковавшие его руки. А может, так оно и было…

Следующие несколько ударов Троя проделали в атакующей толпе орков изрядную брешь, заполнить которую им было тем более трудно, что не все орки и их верховые варги, до которых дотянулся Серебряный лист, были убиты. Несколько тварей, визжа и завывая, катались по земле, подкатываясь под лапы варгов и заставляя их, злобно ворча, отпрыгивать в стороны. И это, похоже, не осталось незамеченным командирами орков. Потому что перед Троем нарисовался могучий орк в шлеме, увенчанном богатым плюмажем из женских волос разного оттенка, в отличие от большинства воинов, одетый в грубо, но богато украшенную кирасу из орочьего сплава. Варг был ему под стать. А еще вокруг него плотно держались с десяток орков в одинаковых темных накидках. Трой зло ощерился и дал шенкеля Ярому, посылая его навстречу вновь появившемуся врагу. Вождь орков заметил его порыв и, вскинув ятаган, злобно и радостно зарычал, будто вызывая его на бой. А в следующее мгновение Серебряный лист скрестился с его ятаганом…

Похоже, ятаган у этого орка тоже был не прост, потому что на этот раз Серебряный лист не вырубил из орочьего сплава солидный кусок, а лишь вздрогнул от удара. Как, впрочем, и орочий ятаган. Видимо, и тот и другой клинок встретил равного противника. И значит, исход схватки должно было решить искусство бойцов. Некоторое время Трой и орк обменивались размашистыми ударами, во время которых их скакуны также пытались достать друг друга. Варг оцарапал лапой бок Ярого, разодрав в клочья толстую кожаную попону (в отличие от коней панцирников, на Яром была гораздо более легкая защита, принятая у наемников), а взамен конь Троя полоснул тому по

морде лезвием, приваренным к налобнику. Затем орк утробно взревел и, привстав, обрушил на Троя чудовищный по силе удар, направленный сверху вниз. Трой попытался принять его на щит, но тот разлетелся вдребезги. Орки отозвались диким восторженным ревом, и это, похоже, окончательно убедило орочьего вождя в его несомненной победе. Он торжествующе взревел и вновь воздел ятаган… но именно в этот момент Трой длинным выпадом вогнал Серебряный лист в его открывшуюся подмышку, после чего, не задерживаясь, послал Ярого вперед, хлестким ударом снеся скукожившемуся от дикой боли вождю оскаленную башку. Наверное, это стало последней каплей, потому что орки внезапно развернулись и, колотя лапами по бокам варгов, бросились назад.

— Стой! — разнесся над долиной сиплый голос графа, и панцирники натянули поводья, останавливая коней. Это отступление вполне могло быть ловушкой, тем более что, судя по почти одинаковым кожаным доспехам, всадники, похоже, в подавляющем большинстве были из западных орков. А как уже стало понятно, западные намного превосходили своих местных сородичей и выучкой, и организованностью.

Трой вновь приподнялся в стременах, на этот раз оглядываясь. Похоже, он не зря слегка затянул со своей атакой. Его удар оказался успешным. Из почти пяти сотен орков, успевших просочиться в тыл графу, в живых осталось десятка три, да и те были не жильцы. Вот только из девяти сотен панцирников, которые вместе с ним и графом добрались до Каменной Лестницы, осталось не больше шести, в большинстве своем раненые.

— Ну час мы как минимум выиграли… — прохрипел граф, задирая забрало и ослабляя ремень шлема.

Трой вновь покосился на орочью орду, оттянувшуюся всего на пол-лиги и клубящуюся выше по ущелью. Похоже, их отступление не было военной хитростью. Они действительно откатились назад, стремясь разорвать дистанцию и слегка очухаться. Видимо, западные до сих пор ни разу не сталкивались с имперскими панцирниками… Впрочем, то, что они сами не бросились преследовать откатывающихся орков, тоже было неплохо. Бойцы первых линий были донельзя измучены и измочалены, так что эти несколько минут передышки для них оказались воистину драгоценны, поскольку два оставшихся в живых сотника тут же принялись переформировывать строй.

— Эх, сейчас бы копий хотя бы для двух первых шеренг, — с тоской произнес Шоггир, — мы бы могли вообще их опрокинуть…

— Вряд ли, — сумрачно отозвался Трой и, вновь привстав в

стременах, всмотрелся куда-то вдаль. — Граф, а мы можем попытаться загнать их к воротам Крадрекрама?

Шоггир озадаченно уставился на Троя:

— К воротам… зачем?

— Гмалин как-то обмолвился, что Крадрекрам был хорошо приспособлен к атакам извне — всякие заранее подготовленные осыпи, массы воды, подрубленные скальные выступы…

— Вы думаете, герцог… — начал было граф, но Трой зло прервал его:

— А что нам еще остается? Только надеяться на то, что стража, выставленная у ворот, знает, как всем этим воспользоваться. Я думаю, Гмалин не мог не предусмотреть чего-то эдакого на тот случай, если орки все-таки прорвутся через ущелье и попытаются сразу же покончить с гномами. У шаманов вполне должно хватить маны, чтобы проломить ворота.

Граф понимающе кивнул и с суровым лицом опустил забрало…

Им почти удалось. Они смогли оттеснить орду к последнему повороту, за ним открывалась чаша, окруженная скалами, в которую выходили ворота Крадрекрама. Вот только к тому моменту в живых осталось всего чуть больше сотни панцирников, большая часть которых уже была без лошадей. Продвинуться дальше они не смогли. Орки прижали их к скале и принялись методично забрасывать метательными топорами, время от времени налетая верхом и пытаясь расколоть строй, но затем откатываясь назад и вновь принимаясь за метательные топоры. Трой рубился в первых рядах. Синее пламя было удивительным доспехом. Троя пока ни разу не ранили, хотя грудная пластина лат была уже слегка промята, шлем перекошен, а наплечники выгнулись от десятков обрушившихся на них ударов. Впрочем, до первой раны явно было недалеко. Ибо кольчужная сетка, прикрывавшая сочленения, была разрублена уже в добром десятке мест…

Ярый был ранен уже три раза, и Трой отправил его назад, к скале, куда отогнали и остальных лошадей. В конном строю больше не было никакого толку… Граф Шоггйр пропустил шесть ударов, но вроде как все еще был жив, оттащенный верными бойцами в тыл их куцего строя. Впрочем, было совершенно понятно, что ненадолго. Им всем оставалось недолго…

Трой лениво отмахнулся от брошенного метательного топора. В него не швырялись, уже поняв, что его латам метательные топоры ничего сделать не могут, так что и этот, скорее всего, был брошен наобум из задних рядов.

— Готово, герцог, — послышалось сзади.

— Отлично… — устало отозвался Трой. Невыносимо хотелось присесть, хоть на корточки, но он не мог себе этого позволить. Латы воинов-панцирников куда тяжелее; чем у него, и измучены они больше, чем он. Так что он не мог показать даже намека на слабость.

Как только они попрут вновь — гоните на них оставшихся лошадей. Иначе мы точно не выдержим еще одну атаку.

Воин, шатаясь и тяжело опираясь на меч, выслушал приказ, кивнул, стер со лба кровь, сочащуюся из-под куска плаща, обмотанного вокруг головы и, тяжело ступая, исчез в задних рядах. Честно говоря, у Троя были сомнения, что они выдержат еще одну атаку даже с помощью этой придумки. Несколько десятков лошадей, даже закованных в конские латы, вряд ли могли так уж существенно снизить наступательный порыв орков, ну да на безрыбье… Он поднял голову и посмотрел на небо сквозь щель забрала. Да уж, расхвастался:

«Боги ведут меня в этой жизни к чему-то очень сложному и… великому. Я даже не знаю, для чего я им понадобился, но уж точно не для того, чтобы сложить голову, так ничего в жизни и не достигнув». Все, парень, кончилось твое время! Впрочем, если судить по тому, сколь многие из тех, кто шел по жизни рядом с ним, уже сложили голову, он и так зажился на этом свете. Пора и честь знать.

И в этот момент орки ринулись в последнюю атаку…

— А сколько ты таких доспехов можешь сделать?

— Ишь ты, — хмыкнул гном, — какой шустрый… Таких, ваша светлость, пожалуй что больше ни одного. Мелкой чешуи почти не осталось… А вот навроде ваших панцирных — еще штук пять-семь. Мне, Алвуру, Дарголу, ну еще кому-нибудь. А если только шлемы, щиты и кирасы с наплечниками — так сотни три-четыре. А щитов вообще немерено. Мамаша раш была ну дюже крупной, вот только чешуя у нее больно большая. Три четверти кроме как на щиты — больше никуда не годятся.

— Графу Шоггиру еще надо.

— Да уж понятно, — вздохнул гном, — ладно, посмотрим, что там можно выкроить…

Задумка с конями не прошла. Возможно, потому что на этот раз орки ударили пешими. Панцирники — элита императорской армии. Недаром подавляющее большинство их составляют дворяне — младшие отпрыски знатных родов, сыновья и братья мелкопоместных владетелей и другие. Поэтому, хотя им более привычна конная схватка, и в пешем строю панцирники — грозные противники. Но только не в этот раз… Их опрокинули почти сразу. Да и неудивительно — практически каждый воин в

линии к этому моменту был уже ранен, и большинство не по одному разу. Доспехи всех были иссечены и проломлены, а многие даже потеряли часть лат — кто наплечник, кто наголенники, а кто даже и грудную пластину кирасы. Щиты даже в первой шеренге имелись не у всех. Да и из тех, что имелись, большая часть уже практически пришла в негодность и вряд ли была способна удержать более одного-двух ударов. Так что орки вломились в строй сразу же. Воины первой шеренги успели нанести лишь по одному-два удара, и только некоторые из них достигли цели. Трой успел сделать больше. За мгновение до того как строй рухнул, он, шестым чувством осознав, что им не удержаться и потому держать линию не имеет никакого смысла, прыгнул вперед и первым же ударом развалил башку першего на него орка, вооруженного огромным спадоном. Качнувшись вправо, он дотянулся еще до двух, принял на левый налокотник удар орочьего ятагана, вышиб дух из его хозяина и… в этот момент его сбили с ног. Чем таким ему засветили по шлему, Трой не заметил, но перед глазами все поплыло. Он наобум махнул Серебряным листом и, судя по воплю, по кому-то попал, но затем его опрокинули на спину. Трой еще несколько мгновений тупо тыкал во все стороны мечом и радаганским ножом, пытаясь напоследок дотянуться хотя бы до еще одного орка, но на него обрушился целый град ударов. А затем наступила тьма…

— Ну что, герцог, теперь вам не стыдно предстать перед императором. А то как-то совсем пообтрепался, — довольно заключил Гмалин, отставляя в сторону молот. — Ну а из этого мы еще что-нибудь полезное сотворим, — закончил он, пнув груду искореженных лат, брошенных в углу мастерской.

Трой посуровел. Синее пламя спасло ему жизнь, и потому латы совершенно не заслуживали того, чтобы их пинали ногами. Впрочем, гном претендует на звание спасителя никак не меньше, чем они…

Трой очнулся оттого, что кто-то торопливо выковыривал его из доспехов. Он лихорадочно дернул пальцами, но ни Серебряного листа, ни радаганского ножа не нащупал.

— О-о… значит, живой, — раздался над ухом знакомый голос. Трой распахнул глаза. Над его лицом нависала знакомая бородатая рожа.

— Тише ты, не дергайся, пока я тебя не ощупаю. А ну как какие кости поломаны, — ворчливо проговорил Гмалин.

— Ты… как здесь оказался?

— Каком… — огрызнулся гном. — Лежи, говорю. А то попрошу Алвура пришпилить тебя к этому камню, чтоб не

шевелился.

Трой перевел взгляд за спину Гмалина. За спиной гнома, шагах в трех, стоял Алвур и с легкой улыбкой смотрел на деловито копошащегося гнома. Похоже, он уже понял, что Трой жив и относительно цел.

— Вы… почему бросили галереи?

— Вроде все цело, — пробормотал гном, выпрямляясь. — Потому что потому, — огрызнулся он, вновь возвращаясь к своему обычному сварливому тону. — Потому что делать там больше нечего. А ежели бы некоторые подождали еще с полчаса, то и сами бы здоровее были, и других бы напрягать не пришлось.

Трой недоуменно воззрился на него, а затем перевел столь же недоуменный взгляд на Алвура. Тот пояснил:

— Гмалин сжег шаманов. После чего орки побежали.

— Сжег… как?

— Молча, — довольно рявкнул гном, выпрямляясь, а затем милостиво добавил: — Ну еще эти ваши мастера из Зимней сторожи чуть пособили… — после чего не удержался и захохотал: — Они-то думали, что мы их просто камнем шибанули, а это была глиняная бомба с горючей смесью… ну и кое-что еще для усиления эффекта. Так что когда бомба об их купольный полог стукнулась, то вместо того чтобы безопасно скатиться, как полыхнет! Ой, здорово горело!..

Трой ошалело потер ладонью лицо.

— Так это мы что, разгромили их, что ли?…

Алвур кивнул, а гном заржал еще пуще:

— Да уж, герцог-то у нас временами бывает туповат… хотя и здоров, эвон сколько накрошил-то.

Трой со скрипом сел и огляделся. Да уж, ничего себе… рубка была знатная. Правда, из последней волны он достал не шибко много, зато до того действительно накрошил… Трой повернулся и посмотрел себе за спину…

— Сколько выжило? — глухо спросил он. Гном помрачнел.

— Ну… не всех еще откопали, вон сколько орочьих трупаков навалено. — Он крякнул, вздохнул и угрюмо закончил: — Семеро…

— Граф?

— Живой, — повеселел гном. — Эти семеро как раз над его телом рубились, когда мы подоспели. Орки и не видели ничего вокруг — буром перли, пока мы им в тыл не ударили.

Трой некоторое время молчал, а затем, кряхтя, поднялся на ноги. За спиной Алвура молча стоял Крестьянин, а чуть дальше виднелся куцый, но грозный гномий хирд, справа хмурились из-за щитов арвендейльцы, а чуть дальше, за левым флангом хирда,

толпились эльфы. Похоже, Гмалин и Алвур вывели из Каменного города вообще всех, кто находился там перед началом битвы.

— Всех положили?

— Почти, — отозвался гном. — Десятка полтора если утекли… — Он вздохнул. — Не зря полегли бойцы. Страшно подумать, что могли бы натворить в Арвендейле десять тысяч орков на варгах. Даже после того как мы разгромили остальных…

— Хорошо, — сумрачно отозвался Трой и поднял глаза к небу. Вот, темные боги, жив… а ведь он уже не надеялся… В этот момент из-за поворота послышался громкий конский топот. Гмалин вытянул шею.

— О-ё… ну, ты это, теперь уж сам отдувайся. — Гном поспешно отскочил в сторону. Трой тупо проводил его взглядом, но спустя мгновение столь странные маневры Гмалина получили свое объяснение. Из-за поворота вынеслась взмыленная Алэрос, и Лиддит прямо с ходу, даже не натянув поводий, сиганула с седла ему на шею.

У Троя перехватило дыхание то ли оттого, как она приложилась своими латами о его многострадальную грудную клетку, после усилий Гмалина не прикрытую даже исковерканной броней, то ли… потому что она здесь, рядом, и тоже жива. А Лиддит обхватила его за шею и, тяжело дыша, уткнулась лицом в его смятый и искореженный нагрудник.

— Жи-ив, — тихо прошептала она.

А Трой поднял руки и нежно погладил ее по волосам, совершенно растерявшись и не зная, что говорить. Он судорожно сглотнул, облизал пересохшие губы и… внезапно по чувствовал, что перед глазами все поплыло, как будто он вновь научился плакать…

У Каменного города армия простояла две недели. Сразу после битвы, оказав помощь тем, кто в ней срочно нуждался, она отошла назад от своего прежнего лагеря и поднялась по ущелью до Каменной Лестницы. Ибо лагерь стал совершенно непригодным для размещения. Прежде чем Гмалин сжег шаманов, орки оттеснили армию людей, эльфов и гномов почти на лигу вверх по ущелью, так что теперь весь лагерь оказался затоптан и завален трупами.

Добравшись до подножия Каменной Лестницы, люди вповалку рухнули на камни и забылись тяжелым, мертвым сном. Во всем войске практически не осталось человека, кто не был бы ранен хотя бы один раз. Даже принцесса получила метательным топором в правую часть кирасы и булавой по левой части забрала. Броню Зари эти удары, конечно, не пробили, но на лице Лиддит

теперь красовался синяк во всю скулу, а когда она устраивалась под мышкой у Троя, то слегка шипела и берегла правые ребра. Впрочем, и сам Трой чувствовал себя так, будто по нему проскакало целое стадо троллей.

Ночную стражу вызвались нести эльфы из числа тех, кто бил по оркам через бойницы Каменного города. Они, конечно, тоже устали, но среди них хотя бы почти не было раненых. Да и вообще, среди стрелков у бойниц потерь было совсем немного — погибло всего около сотни людей, эльфов и гномов…

На следующий день Трой приказал доложить о потерях. К полудню, собрав доклады, он бросил свиток с цифрами на стол в только что установленной штабной палатке и мрачно задумался. От армии остались рожки да ножки. Из тридцати пяти тысяч людей, эльфов и гномов в живых осталось чуть более двенадцати тысяч. Причем больше всего потерь пришлось на наиболее боеспособные части. Хотя сейчас так говорить уже не стоило. За время битв все части армии практически сравнялись в воинском искусстве. И, скажем, арвендейльцы теперь держали линию ничуть не хуже латников… Панцирники и латники были уничтожены практически полностью. Из нескольких гвардейских полков, ушедших с Лиддит на помощь Трою, возвращаться к императору было, почитай, некому. Немного успокаивала мысль о том, что они здесь не только отвоевали Арвендейл, но и предотвратили готовившийся западными орками удар по самой империи… Из наемников в живых осталась едва ли треть. Из северных варваров — чуть больше четырех сотен… Впрочем, чего еще было ожидать? Все в жизни имеет свою цену. Арвендейл слишком долго оставался в лапах Тьмы, чтобы можно было вызволить его из них, не заплатив чудовищно кровавую цену. И если кампания по освобождению самого герцогства оказалась гораздо более скромной на потери, то теперь Тьма вернула свое. Не то чтобы с лихвой, поскольку, по всем расчетам, их должны были смять и уничтожить полностью, но все ж таки тяжкой мерой. И, главное, еще нужно было придумать, где взять людей, чтобы прочесать леса и предгорья до самого побережья, а возможно, и заложить там передовую крепость. Ибо, едва утихнут зимние шторма, западные могут опять начать перебрасывать войска на этот берег Долгого моря. И, значит, через несколько лет все начнется по новой…

Впрочем, все это были заботы все-таки не завтрашнего дня. А пока требовалось позаботиться о раненых, похоронить погибших, собрать металл, сжечь орочьи и варжьи трупы. Кроме того, Гмалин вызвался к исходу зимы перекрыть оба ущелья крепкой стеной с воротами, и Трою надо было выделить мастеров ему в

помощь, а Алвур обещал помочь с лекарями. Поскольку Тамея с сестрами-помощницами так и не появилась. Да и кормить двенадцать тысяч измученных людей тоже было чем-то надо…

На третий день, когда большинство уже немного оклемались, Трой собрал с бору по сосенке четыре полусотни из числа наиболее легко раненных, дополнил их эльфами, три отправил патрулем по следам сбежавшей орочьей Гурьбы, а четвертую на розыски Тамеи. Меньше было нельзя. Из числа орков-всадников, вырвавшихся из мышеловки у ворот Каменного города, большая часть (если не все) покинула Арвендейл тем же северным ущельем, которым они пытались прорваться в тыл армии. Об этом доложили наблюдатели гномов, видевшие, как мелкие группы орков по две, три, пять тварей скакали вниз по ущелью. Но все ж таки исключать того, что какая-то часть орков из числа отколовшихся ранее все еще рыскала по окрестностям, справедливо полагая, что после столь тяжкой битвы силы у людей на то, чтобы организовать более-менее плотное патрулирование, появятся еще не скоро, было нельзя. Да и в этом случае они сначала вышлют патрули вдогонку откатывающейся в сторону побережья орочьей Гурьбы. И, сказать по правде, если бы не Тамея, Трой так бы и поступил…

Следующие несколько дней прошли в заботах. Гмалин доставил обещанную десятину, и Трой расплатился с оставшимися наемниками. Он заплатил щедро, едва ли не вдвое от договора. И к тому же отмерил золота для передачи семьям тех из наемников, кто успел обзавестись семьей. Таковых в среде наемников было не слишком много. Так что золото наверняка осталось…

А еще через несколько дней Гмалин лично объявился в лагере. Он разыскал Троя в кузне. Людей не хватало, поэтому каждый работал там, где мог оказать наибольшую помощь. Вот и Трой, взяв по старой памяти кузнечный молот, уже несколько дней не вылезал из кузни, уминая молотом собранные на поле битвы и пришедшие в негодность оружие и доспехи в более-менее пригодные для перевозки брикеты лома. А что еще он мог делать? С патрулями он отрядил Фодра, с поставками и хозяйством Лиддит управлялась даже лучше его самого, а вот кузнецов не хватало катастрофически.

Гмалин заглянул в кузню, пару минут полюбовался на сноровисто работающего молотом герцога и владетеля земли, а потом, хмыкнув, пророкотал:

— Ваша светлость, а не могу ли я несколько отвлечь вас от сего, видимо, крайне увлекательного для вас занятия?

— А-а?… — Трой оторвался от наковальни и повернулся на

голос, донесшийся до его слегка оглохших от грохота молотов ушей. — А-а, Гмалин… — улыбнулся он, вытер потное лицо и, отложив в сторону молот, подошел к стоящей в углу наскоро устроенной полевой кузни бадье, шустро ополоснулся, накинул на плечи куртку из дубленой кожи с нашитыми на нее железными бляхами и присел рядом с гномом. Его старая куртка была для него теперь и одеждой, и доспехом. Поскольку доспех Синее пламя пришел в полную негодность, а от других Трой уже давно избавился. Ибо зачем они ему были нужны, если у него имелось Синее пламя…

— Я это, ваша светлость, — начал Гмалин, — хочу пригласить вас с официальным, так сказать, визитом.

— С чем? — не понял Трой.

— Ох уж этот наш герцог, — вздохнул гном. — Заскочи завтра ко мне, говорю!

— Чего случилось-то? — насторожился Трой.

— Да ничего, — сварливо отозвался гном. — Просто пока ты по горам и весям в этом своем кожаном кожушке скачешь — вполне можешь словить метательный топор. И чего тогда нам, горемычным, без герцога делать?

Трой махнул рукой.

— Не словлю… да и все равно с Синим пламенем еще работать и работать.

— Да уж знаю, — огрызнулся гном. — Ох уж мне эти люди… Дашь человеку хорошую вещь, надеясь, что он будет к ней относиться как положено, — так нет, обязательно испортят… — Но затем сменил гнев на милость. — Да ладно. Не о нем речь. Я Синее пламя пока трогать не буду. Потому как самому охота им заняться, а пока нельзя — надобно вновь как следует в мастерство войти. Но вот кое-что другое я тебе подготовил. Еще до того как про орков услышали, начал, а сейчас вот до ума довел. Потому что пока тебя насильно в латы не запихнешь — так и будешь нагишом шастать да свою дурную башку под орочьи ятаганы подставлять.

Трой досадливо сморщился. Ему сейчас было не до примерок всяких там новых лат. На худой конец можно было подобрать что-нибудь из собранного. Ну там подварить, заплату нашлепнуть… Но ведь от гнома ж не отвяжешься.

— Это надолго?

— Завтра увидишь, — огрызнулся гном, поднимаясь на ноги. — Так что завтра с утра жду, ваша светлость. И не опаздывай…

Глава 2

— Ну еще пару дней — и мы в Эл-Северине, — мечтательно произнес Арил и, подняв кружку, наполненную элем, сдул белую пену.

Глав согласно кивнул и, оттянув крыло пулярки, небрежно маханул ножичком, отделяя его от ароматной прокопченной тушки.

Места здесь были обоим куда как знакомые. В свое время оба полтора года оттрубили в наемной сотне графа Агилуры, по чьему домену они нынче ехали, так что все местные городки, деревеньки и придорожные трактиры им были давно известны. Вот в этом они когда-то останавливались на ночлег, еще будучи в патруле. Правда, в то время им заправлял другой хозяин, как выяснилось из добродушного разговора с нынешним, его дядька. Более того, если бы у них было время на то, чтобы отъехать на пяток лиг в сторону от тракта, то можно было бы вполне остановиться в трактире у бывшего сослуживца. Сержант Глум был старым служакой и достойным бойцом. К тому же и возраст у него был среди наемников весьма редко встречающийся. Так что его решение остепениться и «развязать перевязь» было встречено в среде наемников с пониманием. И многие специально делали крюк, чтобы остановиться у старого сослуживца и потратить свою «пару монет» именно у него. Поскольку трактир старины Глума располагался в достаточно заметном отдалении от проезжих путей. Потому-то прежний хозяин и отдал его столь дешево, что у старины Глума хватило на него его скудных сбережений. Но, хотя Арил особо и не гнал, все же так далеко отклоняться от основного маршрута он посчитал не совсем честным. Все ж таки не по своему делу ехали, а по поручению светлого герцога Арвендейла. Вот на обратном пути — другое дело…

— Первым делом пойду в купальню дядюшки Жрила, — сделав глоток, продолжил Арил все тем же мечтательным тоном. — Я уже забыл, когда последний раз мылся с комфортом.

— А то ты раньше часто мылся с комфортом, — хмыкнул Глав, обсасывая кость.

— Неважно. Сейчас-то я могу себе это позволить. Чай, не голь подзаборная — личный посланник его светлости герцога Арвендейла… Ох, ребятки, и славная же у старины Жрила купальня!

Арвендейлцы, сидевшие не только за этим столом, вместе с побратимами своего герцога, но и за двумя соседними, тоже мечтательно переглянулись. В этом путешествии им открылось

столь много нового, необычного и даже чудесного, что у них только разгорелся аппетит. Лишь Край и Бон Патрокл, для которых это было уже второе путешествие в империю, старались сохранять бывалый и независимый вид. Хотя они, конечно, тоже не были в той купальне, о которой вспоминал Арил, но разве ветеранов можно чем-нибудь удивить?

— Э-э, что там может быть такого у этого твоего дядюшки Жрила? — послышался сварливый голос идша. — Вот у ребе Гуриона — это да, была купальня…

— Бенан, — лениво поморщился Арил, — заткнись, а?

— Да что ты понимаешь?! — вскинулся тот.

— Бенан, ну не был я у этого твоего ребе Гуриона. И, как бы там у него ни было хорошо, никогда не буду. А вот к дядюшке Жрилу закачусь через два дня. И мне там будет хорошо, точно. Как и остальным парням. Правильно я говорю, ребята?

И все три стола утвердительно загомонили ему в ответ.

Они покинули герцогство почти месяц назад.

После того как Трой слегка очухался после схватки с раш в глубинах Крадрекрама, он совершил торжественный объезд всех городов и поселений, во время которого члены городских советов всех городов Арвендейла от имени жителей своих городов принесли ему вассальную клятву. В Нильмогарде, правда, мастер Гракус пытался было что-то ворчать себе под нос, но довольно быстро заткнулся, поняв, что, когда народ присягает ГЕРОЮ, лучше не попадать этому народу под горячую руку. И так среди нильмогардцев было много недовольных, что первыми из городов присягу герцогу успела принести почти совершенно разоренная Зимняя сторожа, а не они, жители самого богатого и многонаселенного города Арвендейла (с этим, правда, готов был поспорить Хольмворт, ну да кто этих хольмвортцев слушает). Во время сего вояжа городскими советами были избраны депутации, которые должны были сопровождать гонцов герцога, отряженных для того, чтобы сообщить императору о славной победе и возрождении древнего домена. С депутациями дело едва не обернулось скандалом. Уж слишком много желающих оказалось тронуться в путь, дабы самолично повидать императора. А то и перебросится с ним парой словечек… ну так, по-свойски. Положение спас сам герцог, заявив, что депутация депутацией, а гонцы будут передвигаться споро, нигде особо не задерживаясь. Так что в сопровождение он возьмет только тех, кто может проводить в седле не менее чем по десять часов в день, да и в воинском деле изрядно смыслит. Ибо по Эллосиилу, особенно по восточной его части, еще бродили остатки орочьих банд, да и темные твари еще встречались, хотя, по сравнению с прошлыми

временами, в количестве, считай, ничтожном. Так что решено было выделить от каждого города всего по паре сопровождающих, да и их выбрать из числа тех, кто был отобран еще старшиной Игелоем в Тысячу охотников. Впрочем, и среди них нашлось немало сыновей и младших братьев членов местных выборных городских советов либо просто зажиточного люда. Так что выбор опять же все одно оказался непростым.

Нильмогардцы настояли, чтобы, поскольку их город приносил присягу последним, у них была бы организована церемония отправления депутации. Трой рассчитывал покончить с этим в рабочем, так сказать, порядке, но не тут-то было. Нильмогардцы устроили целый праздник с фейерверком и угощением и даже вделали в брусчатку центральной площади памятную доску из орочьего сплава, на которой было написано, что, мол, именно с этого места делегация выборных всех городов Арвендейла отправилась сообщить императору людей о том, что древний Арвендейл снова свободен… Впрочем, поскольку это было за их счет, Трой не слишком настаивал на обратном, тем более что в тот момент он все еще был бедным и бездомным — олдермены городов еще только должны были собрать герцогскую десятину, а квартировать в замке было пока что абсолютно невозможно.

На следующий день после праздника Трой проверил, как увязаны тюки с подарками, которые идш отобрал для вручения императору (ну и еще кое-кому по мелочи), обнялся с побратимами и приветственно махнул рукой своим новоявленным подданным, отправляющимся в империю. Те с воодушевлением, но вразнобой (практики-то еще и не было) поприветствовали своего новоиспеченного суверена герцогским салютом… и отряд тронулся в путь.

Большой отряд всегда двигается медленнее, чем маленький. К тому же они еще вели десяток вьючных лошадей. Так что до Эллосиила добрались только спустя неделю. Арил, Глав, идш и Край с Бон Патроклом вовсю крутили головами и цокали языком, а остальные просто пялились, разинув рты. Нынешний Эллосиил уже ничем не напоминал тот, через который они пробирались еще пару месяцев назад. Эльфы взялись за дело с жаром. И, несмотря на приближающуюся зиму, вокруг буйно зеленела новая поросль, укрывая ярким изумрудным ковром срубленные и поваленные деревья и затягивая свежей зеленью зияющие раны в причудливо изгибающихся линиях сильфриллов. Особенно буйно пошли в рост обрубки меллирионов. Большей части того, что творилось в Эллосииле, конечно, гонцы увидеть не смогли — и времени не было, да и, если уж на то пошло, не все бы им показали, но

побратимы с удовольствием провели пару ночей на знакомой поляне, на которой укрывались еще тогда, когда первый раз шли через Проклятый лес. Срубленный орками меллирон уже дал с десяток побегов, и можно было не сомневаться, что скоро над поляной вновь зашумит его величественная крона. Алвур выбрал время и посидел вечерком у костра со своими побратимами, угостив дорогих гостей эльфийской настойкой. Они с Гмалином были по уши в делах, поднимая из руин поселения своих народов. Тем более что если Каменный город достался гномам практически нетронутым, то Эллосиил был осквернен и разрушен почти до основания. К тому же Гмалин рассчитывал, что к нему в Каменный город в конце концов переселится не менее семи, а то и десяти тысяч гномов, а Алвур мог рассчитывать едва ли на три-четыре тысячи своих сородичей. Впрочем, оставался шанс на то, что в Эллосиил захочет переселиться часть молодежи из других эльфийских родов, не слишком довольной порядками, установленными его недругами в Светлом лесу. Но вряд ли их число было бы таким уж большим. А еще было ясно, что здесь никогда не появится та, кому было отдано его сердце… Об этом они не говорили, но это было понятно всем побратимам.

Восточную часть Эллосиила они преодолели за три с половиной недели. За время пути им только однажды пришлось сцепиться со стаей диких варгов, но те, похоже, были на последнем издыхании. Темное пламя потухло, а живности в Проклятом лесу и раньше было негусто. Так что в атаку на столь значительный отряд людей тварей погнало не что иное, как жестокий голод. В схватке отряд потерял двух вьючных лошадей и одного бойца. Да еще шестеро были ранены. Так что можно сказать, Проклятый лес пропустил их довольно легко. А может, дело было в том, что он постепенно превращался опять в Эллосиил…

В Угелое они позволили себе несколько дней передыха, остановившись в знакомой таверне. Побратимы тут считались уже завсегдатаями, да и Бон Патрокл с Краем тут бывали. Пока отдыхали — постирались, обиходили лошадей и попользовали раненых в ближнем монастыре сестер-помощниц. Арвендейльцы вовсю пялились на женщин в строгих черных накидках, но те уже знали, откуда прибыли гости, и не сердились. Так что в путь тронулись уже по первому снежку.

Первый же имперский город привел арвендейльцев во вполне понятное изумление. Бон Патрокл и Край ходили с независимым видом и вовсю торговались на рынке. Так что Арил, крякнув, заметил:

— Да уж, общение с гномом и идшем ни для кого не

проходит бесследно.

Но мало-помалу отряд продвигался вперед. Тем более что теперь не надо было каждый вечер разбивать походный лагерь и назначать ночную стражу. Удобные дороги империи с частыми придорожными трактирами позволяли не забивать голову заботами о том, что будет на ужин и где преклонить голову на ночь.

И вот сегодня они остановились на ночлег всего в двух перегонах от блистательного Эл-Северина, прекрасной и богатой столицы могучей империи. Их путь подходил к концу.

— А знаешь, я, пожалуй, закажу-ка кротонского. Надо же ребятам попробовать и вкус детей виноградной лозы. А то все эль дуем…

— Что-то ты слишком расщедрился, — тут же влез идш, но Арила близость окончания пути привела в такое романтическое настроение, что он даже не стал спорить. Лишь махнул рукой, подзывая хозяина…

Вечер прошел приятственно. Правда, арвендейльцы, увлекшись дегустацией ни разу до сего момента не пробованного ими виноградного вина, слегка перебрали. Но кротонское, по заверению хозяина, было выдержанным, так что никакого похмелья с утра не предвиделось. Поэтому, когда Арил уже около полуночи поднимался к себе в комнату, он пребывал в отличном расположении духа. А чего нервничать? Жуткий поход, вероятность не вернуться из которого с обоснованным высокомерием поглядывала на жалкую кучку шансов остаться в живых, давно позади. И все еще неспокойный Проклятый лес тоже. Еще пара спокойных ночей в уютных трактирах, и они въедут через Бронзовые ворота в Эл-Северин…

Но спокойно переспать ночь им так и не удалось.

Арил проснулся оттого, что кто-то отчаянно колотил в дверь.

— А-а, темные боги! Ну кому там ночью не спится?! — раздраженно проворчал он, приподнимаясь на постели.

— Беда, господин, беда! Просыпайтесь! — послышался из-за двери испуганный голос хозяина таверны.

Арил переглянулся с проснувшимся Главом (ну еще бы, грохот был такой, что и мертвого бы поднял) и поспешно потянулся за штанами…

— Ну что случилось? — сумрачно бросил он, выходя в коридор. Трактир был наполнен суматошной беготней, где-то внизу слышались испуганные голоса, плач ребенка.

— Господин, прошу простить, но у вас тут сильный воинский отряд…

— Короче, — настороженно буркнул Арил. В принципе он мог

сразу же заявить, что, какой у него отряд, совершенно не касается хозяина трактира, но эта ночная побудка намекала на то, что произошли какие-то важные события, о которых сначала следовало узнать получше.

— Я хотел бы просить вашу милость сопроводить мою семью до Месшера.

Арил удивленно воззрился на него. Месшер был небольшим городком лигах в сорока южнее. Они в него не заглядывали, но поворот на него миновали где-то дня три назад.

— Послушайте, уважаемый, — начал Арил, — я не знаю, что тут у вас произошло, но у нас довольно срочное дело в столице и…

— Столица захвачена орками! — взвизгнул хозяин.

— Что-о-о? — ошарашено переспросил Арил.

— Я же говорю… — торопливо, с истеричными нотками в голосе заговорил хозяин. — Третьего дня я посылал свояка в Эл-Северин, чтобы он подкупил вина на складе уважаемого Тавора Эрграя. Он вернулся час назад… дрожит… говорит, Эл-Северин горит. А на улицах идет рубка с неведомо откуда взявшимися орками. Причем беженцы, которых он повстречал, утверждают, что Высокий город уже захвачен, а император мертв. И что орки вызвали себе на помощь чудовищного демона, который бесчинствует и пожирает людей…

Арил покосился на Глава, тоже успевшего одеться и выйти из комнаты, и удивленно покачал головой:

— Ничего не понимаю. Откуда в Эл-Северине могут взяться орки?… Вот что, — он повернулся к Главу, — поднимай отряд. Пусть вооружаются и выводят, лошадей. А ты, — вновь развернулся Арил к хозяину таверны, — давай-ка сюда этого твоего свояка. Будем разбираться.

Свояком хозяина оказался тощий мужичок болезненного и крайне испуганного вида.

— Ты, что ли, видел орков в Эл-Северине?

— Ой бяда-а, — испуганно заблеял мужичок, — вот бяда-то-о.

— Заткнись, — рявкнул на него Арил, — и говори толком. Сколько орков видел, во что одеты, как вооружены?

Мужичок испуганно замолк, потом сглотнул и, покосившись на топчущегося рядом хозяина, прошептал осипшим голосом:

— Так ить… я-то ни одного не видел.

— Та-ак, — протянул Арил, — а откуда сведения?

— Так ить… сказывали.

— Кто?

— Беженцы, однако.

— И сколько беженцев было?

— Семья — сам девятый. С бабами, с малыми детями.

— И где ты их встретил?

— А у Рогожьего вала.

— Угу…

Арил понимающе кивнул. Свояк не доехал до Эл-Северина почти полторы лиги. Возможно, дело обстоит не так страшно, как показалось хозяину таверны и его свояку. Однако делать выводы пока еще было рано.

— И что они рассказывали?

— Орки, грят, в городе. Немерено-несчитано. В дома врываются. Людев бьют почем зря. Детей малых не жалеют… — подбавил он слезу в голос. В толпешке, собравшейся вокруг них, тут же послышались всхлипы и женские причитания. Арил крякнул. Да уж, здесь, в центральных областях империи, никакого врага не видали уже несколько сотен лет. А то и поболее. Почитай, с самой Великой тьмы. Не то что в окраинных графствах. Так что народишко здесь был непуганый… Впрочем, Империя она на то и Империя, чтобы простому народу жилось спокойно и мирно. Это в каком мелком княжестве или ханстве не знаешь, куда и как повернуться. То ли с юга какие враги нагрянут, то ли с запада. И ведь, бывал очи, даже не по твою душу, а так — кого далее на востоке пощипать. А потом восточные уже в отместку на западных попрут. И опять через твой огород. Так и живут люди, не зная, с какого боку напасть ждать. Но с империей такие номера не проходят. Здесь люди мирно живут. А если уж здесь грянет — так уж так, что по всей земле отзовется. Во всех малых и больших княжествах…

— А еще беженцев видел?

— А какжа, — закивал головой мужичонка, — много. Вон его сородственники тожа встретились, — кивнул он в сторону подошедшего идша. — И других много.

Арил посерьезнел. Если уж с места тронулись идши, значит, дело действительно серьезное.

— И чего они говорят?

— Так ить я больше не спрашивал!.. — удивленно воззрился на него свояк хозяина таверны. Мол, чего спрашивать-то, и так все ясно. Люди зазря говорить не будут. Как и любой простой человек, он даже не подозревал, насколько часто люди говорят именно зазря…

— Понятно… — пробормотал Арил и задумался. Все многочисленное семейство хозяина, столпившееся вокруг, пялилось на него с истово и даже остервенело демонстрируемой готовностью тут же, по первому же намеку, взгромоздиться в седла и на телеги. Им даже в голову не могло прийти, что у этого

сурового воина и явно благородного господина (а кто еще мог передвигаться во главе столь большого воинского отряда) могут быть какие-то иные мысли, кроме как встать немедленно на защиту своего мирного народа, в данный конкретный момент олицетворяемого конкретно их семьей. А для чего еще и существует благородное сословие, как не защищать и оборонять?

— Значит, так, — принял решение Арил, — Бон Патрокл…

— Слушаю, — немедленно отозвался тот.

— Берешь шестерых и как можно быстрее отправляетесь обратно. В Арвендейл. Надо немедленно доложить Тро… то есть герцогу о том, что в столице творится что-то непотребное.

— Но… — начал было тот, но, натолкнувшись на тяжелый взгляд Арила, замолчал и кивнул.

— Также доложишь, что мы попытаемся подобраться к Эл-Северину и получше разузнать, что там произошло. Как только что-то выясним — отправим гонца в Угелой, в ту самую таверну. Понятно?

— Понятно, — кивнул Бон Патрокл, но затем все-таки сделал попытку пообсуждать приказ:

— А может, лучше сначала всем вместе выяснить, что там…

— Нет, — жестко оборвал его Арил и тут же, смягчившись, пояснил: — Ты пойми, орки могли появиться в Эл-Северине только с помощью какой-то могущественной магии. Иначе мы бы уже давно услышали о том, что от побережья или с севера движется орда. А раз никаких слухов до вчерашнего вечера не ходило, значит, они объявились прямо в городе. Что без магии, причем чудовищно мощной, ибо я даже не представляю, какую мощь надо иметь, чтобы перебросить тучу орков в столицу под носом у магов Императорского ковена и самого императора, совершенно невозможно. А когда мы имеем дело С ТАКОЙ магией, то я не дам за нашу разведку и ломаного гроша. А герцог должен знать, что здесь происходит. — Арил замолчал. Некоторое время все молча переваривали его слова, а затем раздался испуганный голос хозяина таверны:

— Но, ваша милость, а как же…

Арил покосился на него. Вздохнул. И добавил:

— Ну и проводишь вот его до поворота на Месшер.

Хозяин просиял:

— Ваша милость!

— А ты взамен поможешь нам с припасами, — слегка умерил его восторг Арил. Но радость оттого, что они поедут под охраной по ставшим столь небезопасными родным местам, пересилила, и хозяин торопливо кивнул.

— Непременно, все, что вы пожелаете…

Всю опрометчивость своего обещания хозяин осознал всего лишь мгновение спустя, когда Арил повернулся к идшу и произнес:

— Бенан, разберись…

Из таверны выехали через час после рассвета. Бенан расстарался и, несмотря на недовольное брюзжание хозяина таверны, изрядно опустошил подвал и ледник последнего. Кроме того, Арил принял решение прежде добраться до трактира старины Глума и укрыть у него тюки с подарками. И вообще у него была идея сделать из трактира старины Глума что-то вроде операционной базы. О заведении бывшего сержанта знали многие из наемников. Так что существовала некая вероятность, что кто-то из выбравшихся из столицы двинет прямиком сюда, опасаясь на столбовом тракте попасться какому-нибудь орочьему патрулю и зная, что здесь он точно получит помощь и поддержку. Впрочем, о том, что в столице действительно все так плохо, они пока знали только со слов свояка хозяина таверны. А подобный источник информации в глазах Арила, да и остальных, имел не слишком высокую ценность.

До старины Глума они добрались к полудню. Его трактир еще больше обветшал и покосился. Видимо, даже помощь бывших сослуживцев не помогла бывшему наемнику получить достойного дохода. Да и вряд ли Глум закладывал в цену, которую брал со своих, такую уж большую прибыль. Скорее наоборот.

По дороге они встретили еще несколько семей беженцев, из расспросов которых стало ясно, что сведения, принесенные свояком хозяина таверны, подтверждаются. Хотя ничего нового разузнать пока не удалось. Все встреченные беженцы оказались жителями окраин. Да и рванули они из города сразу же, как только на окраинных улицах появились орки. Причем на момент, когда они побежали из города, на улицах действительно все еще шли спонтанные схватки, но императорских гвардейцев видно не было. С орками дрались только наемники из числа ожидающих найма и потому занимавших самые дешевые окраинные таверны, торговая стража да стражники, служащие при дворянских особняках. Причем наемники, как правило, пытались пробиться из города, а торговая стража, наоборот, защищала хозяйские склады. Орки же, похоже, просто старались побыстрее расправиться с любыми вооруженными людьми. И это означало, что либо императорская гвардия полностью уничтожена, либо силы орков в городе столь многочисленны, что у них хватает сил и на то, чтобы и добивать остатки гвардейцев, и зачищать город от остальных вооруженных людей. И Арил не знал, какой из этих вариантов хуже…

До старины Глума беженцы пока не добрались. Так что когда Арил и Глав появились на его пороге, тот вскинулся, подслеповато щурясь, и тут же расцвел радушной улыбкой.

— Маяна… Маяна! Вот глухая тетеря, — заорал он во всю свою сержантскую глотку, — быстро ставь котел! У нас гости! — Но, как видно заметив, что на лицах старых сослуживцев не ощущается вполне закономерной радости от встречи со старым приятелем, нахмурился и обеспокоенно спросил: — Аль случилось что?

— Случилось, — вздохнул Арил, подходя ближе и облапливая старого соратника за широкие плечи. — Садись, расскажу…

Идею использовать свою таверну под операционную базу Глум поддержал сразу же. Более того, едва выслушав рассказ, он залез в погреб, достал оттуда чугунок с припрятанным на самый уж черный день золотишком и сразу же начал собираться в дорогу, намереваясь, пока слухи не разошлись совсем уж широко, успеть подзакупить провизию по окрестным деревням.

— Чего уж там, — махнул он рукой на вопрос Арила, — вот он, черный день-то. Кто когда думал, что орки в стенах Эл-Северина окажутся? Чую, тяжелые времена грядут. К тому же, помяни мое слово, скоро в округе так цены взлетят, что и подумать страшно. А то и вовсе все свинорылые подберут. Так что лучше золото сейчас потратить, пока оно еще сколько-то стоит…

Арил призадумался, да и решил, что старый сержант прав. Война всегда задирает цену на продукты, лошадей и одежду. Поэтому он подозвал идша и, придав ему в помощь двоих арвендейльцев, приказал отправляться вместе со стариком. Идш поворчал немного, но больше для виду. Хотя Бенан не раз показывал себя лихим рубакой и неплохим магом, а все ж таки все понимали, что основные его таланты лежат больше в другой области.

Проводив старину Глума с фуражирами, Арил приказал оставить большую часть имущества в таверне и приготовиться к поискам. Слава богам, народ в отряде подобрался весь из бывалых, с орками дела имел не впервой (ну да других в Тысячу охотников и не брали), поэтому собрались споро. И в путь тронулись еще за два часа до заката.

На императорский столбовой тракт вышли к полуночи, специально срезав путь через торфяную топь, чтобы, если что, запутать следы. Против ожиданий, беженцев на тракте оказалось не так уж и много. Да и те в основном не из Эл-Северина, а из ближайших окрестностей. Орочьи патрули появились и там, правда, не шибко много и все пешие.

На короткий ночлег остановились уже часа за три до

рассвета, в перелеске за пару лиг до Рогожьего вала. Только успели выставить часовых, как вдруг от дороги донеслись звуки схватки. Арил с Главом настороженно переглянулись.

— Что думаешь? — одними губами спросил Глав.

Арил пожал плечами. От перелеска до дороги было около сотни шагов, так что кто с кем там рубился, различить в темноте было невозможно. То есть как раз кто и с кем, было понятно. Потому что среди криков людей отчетливо различался перекрывающий их знакомый утробный рев орков. Но вот сколько было тех и других и был ли у них шанс, вмешавшись в схватку, склонить чашу весов в свою сторону — было совершенно непонятно. Более того, судя по тому, что в криках людей все чаще звучали нотки отчаяния, похоже было, что орки явно одолевают. И, скорее всего, их вмешательство изменить что-то уже не могло. Но Арил вдруг вздохнул и, скрипнув зубами, пробормотал себе под нос:

— Да чтоб я в сердце своей страны от свинорылых прятался! — И, махнув рукой, дал команду двигаться в сторону схватки.

Они едва успели. Когда полтора десятка спешенных разведчиков приблизились к схватке на два десятка шагов, все уже было почти кончено. У двух фургонов, которые перехватили орки на дороге, отчаянно рубились всего пятеро мужчин, на которых наседало не меньше десятка орков. Еще почти дюжина орков стояла вокруг и злобно ворчала, подзадоривая своих. Арил оглянулся и едва не ругнулся про себя. Тоже мне, командир — рванул вперед, ничего не организовав. Слава богам, хоть подчиненные попались опытные — все арвендейльцы были с луками, на тетивы которых уже были наложены стрелы. Да… расслабился он под командой Троя. А ведь когда-то и сам в десятниках ходил… В этот момент оркам удалось срубить еще одного защитника, и вся толпа свинорылых разразилась радостными криками. Глав, также прихвативший свой арбалет, зло оскалился и свирепо посмотрел на Арила. Арил втянул воздух сквозь стиснутые зубы, затем кивнул и, воздев вверх обе руки с кунаками, дал сигнал приготовиться. Арвендейльцы быстро рассыпались полукругом и натянули тетивы. Арил покосился на своих бойцов: вроде все готовы — и резко опустил обе руки…

Глава 3

Бывший герцог Эгмонтер величественно скользил вверх по парадной лестнице дворца, старательно делая вид, что совершенно не замечает либо как минимум не обращает внимания на орков, толпящихся на боковой площадке. Орки были заняты тем, что с некоторой натяжкой можно было назвать воинской тренировкой.

Вдоль обоих боковых пролетов парадной лестницы когда-то были развешены портреты всех бывших императоров людей. Большинство было изображено в полный рост, на конях, на фоне поля битвы, заваленного трупами, причем преимущественно орков и троллей. Некоторые даже держали в руках орочьи головы, каковые должны были символизировать орочьих вождей, победу над которыми как раз и одержали эти самые императоры. Конечно, не все императоры на самом деле позволяли себе вот так кровожадно держать в руках отрубленные орочьи головы. Более того, существенная часть тех самых орочьих вождей, чьи головы держали эти самодержцы, вообще избежала гибели в битве. Но согласно канонам, господствовавшим в прежние века, императора на парадном портрете следовало изображать именно так, а не иначе. Впрочем, вот уже пару столетий эти каноны считались варварством и отсталостью, не приличествующей статусу просвещенного и цивилизованного монарха. Поэтому, скажем, два последних императора были изображены вообще без доспехов, на фоне идиллического пасторального пейзажа, символизирующего процветание людей под мудрой и справедливой рукой прогрессивного и миролюбивого владыки… Сейчас оба лестничных пролета сиротливо белели квадратами более светлого мрамора на месте снятых полотен. Причем остатки их с левого пролета уже валялись изуродованной грудой внизу лестницы, а картины с правого как раз готовились к тому, чтобы быть сваленными в ту же самую груду. Два молодых орка только что закончили вырезать из них эти самые головы орочьих вождей и теперь расставляли портреты вдоль стены. А остальные, гогоча и сплевывая на мрамор, ожидали, когда они закончат, нетерпеливо подбрасывая в лапах метательные топоры.

— Ха… Ыхга! — заорал вдруг один из орков, заметивший приближающегося Эгмонтера. И все орки тут же повернулись в его сторону и принялись ржать, улюлюкать и плеваться.

Игнорировать столь вызывающее поведение уже стало невозможным, и потому Эгмонтер высокомерно вскинул голову и раздраженно поджал губы. О боги, ну что за уроды! Никакого

уважения к его столь высокому статусу. А ведь Эгмонтеру достаточно только захотеть, и эта вопящая и плюющаяся толпа сильно пожалеет о своем поведении. Впрочем, понять подобную причинно-следственную связь было выше возможностей любого орка, поэтому Эгмонтер торопливо проскользнул мимо глумящихся над ним тварей, быстро поднялся еще на один пролет и скользнул в распахнутые двери…

Он закончил читать заклинание за мгновение до того, как в рухнувшие двери, переставшие удерживать скорчившиеся от ужаса Измиер и Беневьер, ворвались гвардейцы, и, раскинув руки, застыл, чувствуя, как из распятого на полу тела императора, превратившегося в дверь темницы темных богов, в эту комнату, заваленную обломками мебели, изливается нечто, несущее в этот мир уже давно не виданную здесь Силу и Могущество… Эгмонтер стоял, чувствуя, как эта Сила и Могущество изливается на него. Как отлетают прочь обрывки заклинаний, с помощью которых эти фигляры, скорее по чьему-то недоразумению именовавшиеся придворными магами, нежели на самом деле являвшиеся ими (о-о, теперь он знал это совершенно точно), пытались воспротивиться неизбежному. Будто сама основа этого мира склоняется перед тем, кто здесь и сейчас олицетворял собой всемогущую Тьму…

Эгмонтер проскользил по анфиладе комнат, стараясь не смотреть по сторонам и брезгливо поднося к носу платочек, сильно надушенный пачулями. Дворец, несомненно, находился в совершеннейшем расстройстве. Ну да ведь так всегда бывает во времена смуты. Ничего, придет срок, и он заставит навести здесь порядок. Сегодня же у Эгмонтера есть масса более важных и неотложных дел.

Лестница в конце анфилады, как он и ожидал, пострадала не слишком. Но зато здесь обнаружилось иное препятствие, в его нынешнем положении едва ли не более серьезное. Выскользнув через последнюю арку, Эгмонтер вынужден был остановиться и бросить раздраженный взгляд на одинокую створку, сиротливо прикрывавшую дверной проем, ведущий в небольшую каминную комнату. Когда-то она славилась своими роскошными зеркалами, из-за чего пользовалась небывалой популярностью среди придворных ловеласов, предпочитавших уединяться в этой комнатке с предметами своего вожделения. Считалось пикантным наблюдать, как страстный акт любви, разворачивающийся на узких и не слишком удобных для сего диванчиках, коими была обставлена каминная комната, многократно отражается в

десятках зеркал, развешенных по всем четырем стенам комнаты… И вот теперь их осколками был усыпан весь пол каминной из дорогого наборного паркета, а некоторая, и довольно существенная часть этих осколков, даже высыпалась в коридор через сорванные с петель двери. Вернее, сорвана была только правая створка, левая же просто перекосилась от удара могучей орочьей лапы, да так и осталась болтаться на одной петле. И ведь можно было не сомневаться, что этот разгром не результат какой-нибудь отчаянной схватки, развернувшейся здесь, в каминной, в тот день, когда эти глупцы еще пытались сопротивляться неизбежному. Нет, просто какая-то воодушевившаяся тварь из числа захватчиков принялась от широты души крушить тут все подряд, вымещая на всем, что подвернется под руку, скопившийся в душе восторг оттого, что цитадель извечного врага орков пала так просто и неожиданно. А вот ему теперь приходится преодолевать верхнюю площадку лестницы, на которую выходили двери этой каминной, с крайней осторожностью…

До дворцовых кухонь Эгмонтер добрался только через десять минут, жестоко поранившись об осколки, которых оказалось довольно много не только на верхней площадке, но и на ступенях той лестницы, которую он с такой самонадеянностью посчитал более удобной, чем лестница черного хода, коей он пользовался раньше. Поэтому настроение нынешнего хозяина (пусть и с некоторыми оговорками) императорского дворца упало ниже нижней отметки. Уже перед кухнями он заметил пожилого садовника, ковырявшегося у истоптанных орочьими лапами розовых кустов. Остановившись, Эгмонтер повелительным жестом подозвал его к себе. Садовник, кряхтя, поднялся на ноги и трусцой побежал к нему, громко хрустя подагрическими старческими суставами.

— Слушаю, господин!

— Там, на боковой лестнице стекло, — едва сдерживаясь, раздраженно прошипел Эгмонтер. — Немедленно возьми метлу и вымети все чисто. Я проверю.

Садовник замялся, бросил взгляд на свои розовые кусты, повел плечами и, тяжело вздохнув, произнес:

— Да, господин!

После чего повернулся и, шаркая ногами, двинулся в ту сторону, откуда Эгмонтер только что появился. Бывший герцог проводил его взглядом и страдальчески скривился. Ну что же это такое?! Когда, наконец, у него будет штат нормальных расторопных слуг? Но поскольку при современном состоянии дел этот вопрос относился к области риторических, Эгмонтер горестно вздохнул, печально потряс головой и двинулся к дверям

дворцовой кухни.

На кухне все было в порядке. Эгмонтер придирчиво проверил, сколько мяса заложили повара в большой котел, сколько рыбы доставлено с ледника, каково состояние овощей… очередной раз выслушал сетования старшего повара на то, что поставки совсем прекратились и они вынуждены опустошать дворцовые погреба, а на носу зима, а обитателей во дворце явно прибавилось, и хотя вкусы у подавляющего большинства новых обитателей весьма непритязательны, зато уж аппетит… Так же в очередной раз ледяным тоном заверил, что помнит о проблемах и делает все возможное для их скорейшего разрешения, после чего покинул кухню, сопровождаемый испуганными взглядами поварят и кухарок, большинство из которых при его появлении вцепилось в обереги, а теперь, когда он направлялся к дверям, осеняло себя охранительными крестом и кругом.

Выскользнув за дверь, Эгмонтер зло выругался под нос. О темные боги, как он устал от этого примитивного людского суеверия. Похоже, сегодня все вокруг будто сговорились лишить его душевного спокойствия… Впрочем, от этого у Эгмонтера было одно достаточно надежное средство.

Спустя двадцать минут Эгмонтер оказался у прочных дверей из железного дерева, окованных черной бронзой. Хотя в данный момент, вопреки ожиданиям, от сего факта его настроение ничуть не улучшилось. Даже наоборот. Ибо по обеим сторонам двери должны были грозно замереть два дюжих орка с ятаганами наголо, но ни одного из них в наличии не наблюдалось.

Впрочем, искать, где находились те, кого он должен был застать на посту, совершенно не требовалось. Достаточно было просто прислушаться.

Эгмонтер зло ощерился и, кипя гневом, проломился через густой кустарник, служивший для того, чтобы вход в этот приют скорби и смирения не был виден со стороны аллей императорского парка. Ну так и есть! Оба урода были здесь. Ятаганы обоих были воткнуты в землю, а оба героя со снятыми доспехами возлежали возле костра на плащах из шкур и, пуская слюни, вожделенно пялились на то, как доходит до кондиции мясо, насаженное на вертел. Эгмонтер присмотрелся и… разозлился еще больше. Судя по цвету коры, вертел был изготовлен из тонкого ствола южной агавеи, срубленной в расположенном в десятке шагов отсюда павильоне императорской галереи. Этим придуркам даже не пришло в голову, что агавея, которую они пустили на вертел, была одним из самых дорогих растений оранжереи. Эгмонтер знал, что саженец этой самой агавеи был куплен смотрителем императорских парков пятьдесят

лет назад за невероятную сумму в двести золотых.

Эгмонтер выбрался из кустарника и выпрямился во весь свой ставший теперь совсем немаленьким рост перед правым орком. Но тот отреагировал не так, как надеялся бывший герцог. Он досадливо скривил морду и с раздражением пробасил:

— Ыхга, уди! — сопроводив слова небрежным движением лапы. Этого Эгмонтер стерпеть не смог. Его лицо налилось кровью, а руки сами собой вскинулись вверх, сложившись в спусковой аркан. В следующее мгновение из его раскрытых ладоней прямо в морду орку ударила струя мерцающего фиолетового пламени. Орк отчаянно завизжал, подпрыгнул и, ухватив ятаган, бросился прочь прямо сквозь кусты, проломив в них изрядную просеку. Второй недовольно заворчал, но тут же притих и отодвинулся чуть в сторону, не придерживая, однако, никаких поползновений оставить незаконное занятие и вернуться на пост. Вероятно, наивно считал, что злой Ыхга, больно наказав одного, достаточно удовлетворил свою несносную натуру и теперь даст славному орку спокойно удовлетворить свой голод добрым мясом, уже почти дошедшим до степени готовности. Но Эгмонтер не позволил сбыться его столь простым и логичным (на его взгляд) надеждам. Он окинул орка свирепым взглядом и повелительным жестом указал на двери из железного дерева. Орк заворчал, но после столь наглядного урока, полученного соратником, испытывать терпение несносного Ыхги не рискнул. Поэтому он встал, бросил прощальный взгляд на мясо, сглотнул и, сердито ворча себе под нос, двинулся в указанную сторону. Эгмонтер проводил его яростным взглядом, а затем повернулся к костру и с каким-то почти оргазмическим наслаждением засветил по нему здоровенным, почти полуметровым в диаметре фаерболом. Полыхнуло так, что он даже на пару мгновений ослеп. Снег вокруг костра испарился, а ветки кустарника задымились и скукожились. Из-за кустарника донесся разочарованный вой. Оба незадачливых охранника оплакивали сгоревшее угощение. Эгмонтер скривил рот в мстительной ухмылке, двумя фаерболами превратил в пепел остатки женской одежды, грязной, окровавленной кучей валявшиеся в нескольких локтях от костра, и аккуратно срезанный скальп с рыжей косой, после чего неторопливо вернулся к дверям из железного дерева.

Орки встретили его угрюмыми взорами. Второй даже попытался обнажить клыки в злобной гримасе, но Эгмонтер остановился и смерил его ледяным взглядом, так что тварь тут же увяла. Задавив бунт в зародыше, бывший герцог извлек из болтающегося на поясе кошеля длинный бронзовый ключ со сложной бороздкой, ясно выдающей его гномье происхождение,

вставил его в замочную скважину и дважды повернул. Дверь вздрогнула и медленно приоткрылась.

Эта лестница была не в пример грязнее и запущеннее, чем все остальные, по которым ему приходилось спускаться и подниматься во дворце. Но, в отличие от тех, именно по этой Эгмонтер спускался с нескрываемым удовольствием, несмотря на вечную сырость и острые выщерблины на ступенях. Вот и сейчас, стоило ему преодолеть пару витков узкой винтовой лестницы и достичь небольшой камеры, облицованной битым красным кирпичом, как его настроение заметно улучшилось. Сняв с подставки масляную лампу со слегка закопченным стеклом и двумя фитилями, Эгмонтер щелчком пальцев зажег фитили и, приподняв ее над головой, двинулся вперед по мрачному коридору со сводчатым потолком все из того же красного кирпича.

Преодолев короткий коридор, он остановился у двери, также изготовленной из железного дерева и отличающейся от той, у которой Эгмонтер оставил орков-охранников, только несколько меньшими размерами. Полюбовавшись на эту дверь, он вновь сунул руку в кошель и выудил оттуда ключ, очень похожий на прежний. Сунув ключ в замочную скважину, бывший герцог повернул его три раза и с нескрываемым удовольствием толкнул тяжелую дверь.

Человек, висевший на пыточном щите, прочно закрепленном на стене камеры, поднял голову и посмотрел на него мутным, усталым взглядом. Эгмонтер несколько мгновений полюбовался на эту приятную его сердцу картину, а затем довольно произнес:

— Ну что, Лагар, ты не передумал?

Человек на пыточном щите несколько мгновений молча мерял его равнодушным взглядом, а затем разлепил спекшиеся губы и хрипло спросил:

— Это была Ирана?

— Кто? — нахмурившись, переспросил Эгмонтер, не поняв вопроса.

— Они поймали Ирану?

Эгмонтер наморщил лоб, все еще не понимая, о чем идет речь, а затем его осенило. Ну конечно, этот идиот спрашивает о той девке, которая не нашла ничего лучшего, как попасться в лапы оголодавших орков. Похоже, именно ее они жарили на том вертеле из агавеи… Вот только откуда Лагару-то об этом известно? А-а-а, наверное, несчастная сильно орала… Так сильно, что было слышно даже здесь. Немудрено. Орки любят освежевывать «доброе мясо» еще живым. Вот только откуда это распятое тело могло узнать имя несчастной?… Видимо, все эти

размышления отразились на его лице либо Лагар сам пришел к сходным выводам, потому что он с трудом вздохнул и произнес:

— Бедная девочка…

Эгмонтер злобно вскинулся.

— Тебе бы стоило лучше подумать о себе, Лагар.

Но бывший первый министр императора искривил губы в ядовитой усмешке:

— Этак ты скоро окажешься в полном одиночестве, Эгмонтер.

Бывший герцог раздраженно вскинул подбородок, но в следующее мгновение до него дошло, ОТКУДА орки могли взять эту девку, и он раздраженно выругался. Ну конечно! Они сцапали и разделали служанку, что носила заключенным воду и еду. Лагар наблюдал за ним все с той же усмешкой.

— Что, Эгмонтер, все идет не так, как ты себе напредставлял, когда затевал свое подлое предательство?

— Заткнись, Лагар, — раздраженно прорычал Эгмонтер…

Он наслаждался этим чувством всемогущества всего несколько мгновений, а затем прямо перед ним там, где на мраморном полу отпечатался силуэт истлевшего под потоками чудовищных энергий тела императора, возникло стремительно кружащееся марево. И Эгмонтер почувствовал, что это марево вытягивает из него силы. Причем с каждым мгновением все больше и больше, больше и больше! Этого… не могло быть! Эгмонтер зло зарычал. Он был совершенно уверен, что правильно провел ритуал. И теперь сила и мана должны были просто переполнять его. А между тем он чувствовал, как это непонятное марево не только отобрало у него всю энергию, излившуюся в процессе ритуала, в котором был принесен в жертву самый могущественнейший из людей, но и вытягивает из него его собственные силы. Так, что он уже даже с трудом удерживается на ногах.

— Кто-нибудь, доберитесь до короны!

Эгмонтер с трудом повел глазами, пытаясь разглядеть, кто это командует здесь столь властным голосом, и едва не заскрипел зубами. О темные боги, Элиат Пантиопет! Только его не хватало! И откуда он мог взяться? Эгмонтеру же совершенно точно доложили, что Верховный маг должен находиться на пути в Университет. Он перевел взгляд на воронку. Так вот, значит, чьих это рук дело… В этот момент слабость стала совершенно невыносимой, герцог почувствовал, что его ноги подгибаются, и он со стоном рухнул на пол императорской спальни. Неужели всё: усилия, страдания, многолетние поиски — окажется бесполезным?

— Да скорее же! Еще минута, и я не смогу его удержать!

Несмотря на свою полную беспомощность, Эгмонтер внезапно почувствовал слабую надежду. Так, значит, эта воронка, вытягивающая из него силы, вовсе не порождение Пантиопета!

Один из гвардейцев, ворвавшихся в спальню, опасливо поглядывая на воронку, двинулся вперед. Он сделал шаг, другой, опустился на колени и потянулся руками к короне, небрежно валяющейся в углу спальни на сваленных в кучу остатках балдахина. Краешек его рукава буквально на палец оказался за линией защитной пентаграммы. Из бешено вращающегося марева раздался чудовищный по силе торжествующий рев, и в следующее мгновение гвардейца с гулким звуком втянуло внутрь марева.

— А-а, саккараш! — прошипел Пантиопет и, вскинув руки, закричал. — Назад! Всем назад! Зайти мне за спину!

Но было уже поздно. Марево внезапно увеличило скорость вращения, превратившись в вихрь, а затем послышался треск, как будто кто-то разорвал огромный кусок ткани, и на его месте возникла огромная черная фигура. Пантиопет что-то закричал, но его уже никто не услышал. А Эгмонтер почувствовал, что в тот самый момент, когда послышался треск, из него вытянули последние остатки сил. Он судорожно вздохнул, дрыгнул ногами, и его глаза закатились. Он даже не почувствовал, что мышцы заднего сфинктера и мочевого пузыря сделали то, что обычно происходит в момент смерти человека…

— Ты! — зло продолжил бывший герцог. — Ты обречен и прекрасно знаешь об этом. Ибо никто, ты слышишь, Лагар, НИКТО не может противиться воле БОГА! Единственного бога в этом мире! И вместо того чтобы понять это, смириться и попытаться спасти свою жалкую душонку, склонившись перед новым ГОСПОДИНОМ этого мира, ты корчишь из себя невесть что. Ты думаешь, я поверю в эти ваши басни насчет дворянской чести? — Он саркастически расхохотался. — Ты что, забыл, что я тоже владетель домена? И что прекрасно знаю, как вы всю дорогу обделывали свои делишки в Палате пэров, вспоминая о дворянской чести только для того, чтобы пустить пыль в глаза простолюдинам! — Эгмонтер замолчал, потому что у него не хватило дыхания. А Лагар в ответ на его страстную тираду равнодушно отвернулся и прикрыл глаза.

— А-а-а, я знаю, — заговорил вновь Эгмонтер, — ты просто завидуешь мне! Я получил то, о чем вы, мелкие людишки, считавшие себя благородными господами и могучими магами, даже не могли и мечтать. Я — бессмертен! Я — могуч, могуч настолько, насколько никогда не был могуч ни один император! Я

покорю весь этот мир и брошу его к ногам моего повелителя! А вы… вы сгинете. И скоро. — Он злобно рассмеялся. — О-о, если бы ты знал, что готовит мой повелитель тем, кто будет упорствовать в своем упрямстве, ты на коленях молил бы меня умертвить тебя раньше… — Он собирался сказать еще многое, но тут со стороны пыточного щита послышался тихий усталый голос:

— Ползи прочь, червяк, надоел…

Эгмонтер выскочил из камеры с перекошенным от ненависти лицом. Ну что за день сегодня! Все, все против него. Он стремительно проскользил по коридору, раздраженно швырнул на полку лампу, отчего та ударилась о стену и скатилась на пол, звеня разбитыми стеклами, и начал подниматься вверх по лестнице. В этот момент сверху послышался скрип входной двери и грубый орочий голос произнес:

— Э, Ыхга, иди! Господин!..

Бывший герцог притормозил и заскрипел зубами. Ну вот, еще и это… Нет, надо успокоиться. Являться к повелителю с таким настроением — себе дороже.

— Э, Ыхга! Ты где?

Эгмонтер зарычал. Не-ет, здесь ему не успокоиться…

Когда Эгмонтер очнулся, в спальне никого не было… Вернее, не было никого из людей. Потому что внутри защитной пентаграммы мрачно возвышалась чудовищная фигура, лишь отдаленно напоминавшая кого-то вроде человека или скорее орка. Она была в высоту не меньше двух человеческих ростов, руки и ноги обвивали могучие мышцы, а свирепая морда, отдаленно напоминавшая то ли кабанью, то ли медвежью, являла собой воплощенную брутальность. Несколько мгновений Эгмонтер лежал неподвижно, стараясь сообразить, как бы незаметно покинуть спальню бывшего императора. Теперь ему стало абсолютно понятно, что ритуал прошел совершенно не так, как планировалось. И вместо того чтобы собрать силу императора и, обратив ее темной стороной, что многократно бы усилило ее, впитать в себя, мгновенно став не равным, а самым сильным магом этого мира, более могущественным, чем даже Светлая владычица, он призвал в этот мир… кого? Эгмонтер невольно зажмурился, моля всех богов, какие только могли его услышать, чтобы это был не Ыхлаг, могущественнейший из темных богов, Отец боли, Властитель ужаса и прочая, прочая, прочая…

— Ты кто, червяк? — пророкотал под сводами спальни громкий голос.

Эгмонтер дернулся и, испуганно вытаращившись, уставился на обратившееся к нему божество.

— Й-а… герцог Эгмонтер, о повелитель. Я склоняюсь перед вашей мощью.

— Ну так склонись.

Эгмонтер резко дернулся, пытаясь как можно быстрее вскочить на ноги, но ноги пока слушались плохо. К тому же оказалось, что к столь ревностному исполнению повелений этого явно очень могущественного существа имеется еще пара препятствий, одно из них сейчас заполняло его штаны, а в луже второго он крайне неудачно поскользнулся и… опрокинулся уже на живот, замочив и измарав переднюю, до сего момента относительно чистую часть камзола. Впрочем, как оказалось, упал он, наоборот, очень удачно. Во всяком случае, это могущественное существо достаточно благосклонно отнеслось к тому, что он распростерся перед ним ниц.

— Хорошо, Ыхлаг доволен. Как ты здесь оказался?

— Я… был тем, кто помог тебе вернуться в наш мир, о великий Ыхлаг!

— Ты?! Червяк?

Бог недовольно заворчал, отчего хрустальные подвески в люстре мелко задрожали.

— Так это ты запер меня в этой пентаграмме, червяк?

— Но… — Эгмонтер почувствовал, как его до самых кончиков ногтей пробирает дрожь. О темные боги, это все-таки Ыхлаг. И он недоволен им!

— Я не знал! Я не хотел! Я… меня научили шаманы троллей! Они сказали, что… — Его язык молотил сам по себе, а он лихорадочно пытался понять, как выпутаться из этой ситуации. Как отвести от себя гнев бога…

— Ладно, червяк. Я дозволю тебе служить мне. Тем более что ты уже однажды послужил мне тем, что помог вернуться. А пентаграмма… скоро я избавлюсь от нее. — Ыхлаг повернулся и, протянув лапу, ухватил корону императора, валяющуюся там же, где Эгмонтер видел ее последний раз, на смятых остатках балдахина. — Вот, возьми и спрячь. Нужно будет отправить ее… за долгую воду. Не знаю, как это у вас сейчас называется. И там уничтожить. Тогда я смогу выйти за пределы пентаграммы. А сейчас… — Он воздел лапы вверх и надсадно заревел. И в то же мгновение в холле завертелся вихрь, очень похожий на тот, из которого появился он сам. Только больше. И из этого вихря валом повалили орки.

Ыхлаг на мгновение снизил мощь рева и коротко пророкотал приказ. Эгмонтер достаточно хорошо знал орочий язык, чтобы понять, что Ыхалг приказал оркам:

— Вперед, убейте всех, кто с оружием! Захватите этот город!

Орки взревели и бросились наружу, а из вихря валили все новые и новые…

Эгмонтер молча наблюдал за происходящим, мечтая только о том, чтобы выбраться из этой комнаты и добраться до ближайшей ванной. А Ыхлаг все ревел и ревел. Эгмонтер пошевелился, стараясь принять такую позу, чтобы липкое и мокрое в штанах не доставляло столько неудобств. Рев не прекращался. Эгмонтер набрался наглости и сделал короткий шаг назад, постаравшись незаметно опереться о стену. А рев продолжался. Эгмонтер раздраженно скривился и, плюнув на все, стянул с себя штаны и принялся торопливо обтирать ноги от липкой, вонючей субстанции. Рев не умолкал. Эгмонтер отбросил изгвазданные штаны и огляделся. Почти всю материю в спальне они сожгли, еще когда делали огненный барьер перед входной дверью. Остались разве что изрезанные остатки балдахина. Эгмонтер осторожно обошел защитную пентаграмму с ревущим Ыхлагом, подобрал кусок балдахина и принялся с новым ожесточением вытирать ноги и низ туловища. И именно в этот момент Ыхлаг замолчал. Вихрь в холле тут же исчез с легким шипением. Эгмонтер замер как был. Без штанов, по ногам размазаны остатки мочи и кала. Крайне дурацкое положение, особенно для того, кто привык повелевать и властвовать… Темный бог опустил лапы и медленно повернул морду в сторону Эгмонтера. Несколько мгновений он рассматривал его, а затем пророкотал:

— Тебя надо как-то отметить. А то те, кто преданны мне кровью и родом, могут убить тебя, обознавшись.

— Я… э-э, думаю, — начал Эгмонтер, но Ыхлаг совершенно не собирался выяснять, что же такое думает его новоиспеченный слуга и раб. Он вдруг радостно оскалился и пророкотал.

— А-а, знаю… червяк!

С этими словами бог вновь воздел лапы, и в следующее мгновение Эгмонтер почувствовал, как его будто выворачивает наизнанку. Он попытался заорать, но грудные мышцы отказались ему повиноваться, и потому из его горла вырвался только сдавленный, сиплый хрип. А затем он снова потерял сознание…

Повелитель ждал его там же, где он увидел его в первый раз — в бывшей спальне императора. Конечно, сейчас обстановка в ней совершенно не напоминала тот бардак, что царил тогда, когда Эгмонтер впервые увидел своего повелителя. Стены и пол были отмыты от крови, вдоль стен стояло множество треножников, на которых курились благовония, а прямо перед повелителем возвышалась подставка, на которую дважды в день двое слуг устанавливали чашу, наполненную свежей, дымящейся

кровью. Эгмонтер не знал, так ли он все устроил, ибо весь антураж был взят им из старого свитка, в котором описывалась внутренняя обстановка святилища какого-то темного бога, разгромленного гвардейцами императора лет этак тысячи полторы назад. Вполне возможно было, что древний летописец все это выдумал, чтобы еще более подчеркнуть мерзкую сущность того, которому поклонялись. Но во всяком случае, когда он все это здесь устроил, никакого неудовольствия повелитель ему не выказал.

Эгмонтер плавно скользнул в бывшую спальню и склонился в самом учтивом поклоне, который только смог изобразить.

— Ты нашел того, кто должен заняться короной, червяк? — пророкотал бог.

— Пока нет, господин. Орки не слишком умелые помощники, когда речь идет о том, о ком я вам рассказывал. Беневьер чрезвычайно ловок.

— Поторопись. Я устал быть привязанным к одному месту. У меня много дел в этом мире.

— Да, господин.

— Иди.

Эгмонтер склонился еще ниже и тихо выскользнул наружу, стараясь не смотреть в тот угол, где пришел в себя в последний раз за тот долгий день…

Он очнулся все там же, в углу, рядом с обрывками балдахина. Эгмонтер судорожно вздохнул, затем еще. Легкие работали. Он поднял руки. Руки были на месте. Его руки с ухоженными ногтями (и застрявшими под этими ногтями остатками его собственного кала, ну да какое это имело значение). И еще его переполняла сила! Он чувствовал это! Эгмонтер восторженно замер. Он смог! У него получилось! Пусть не совсем так, как он планировал, но он стал-таки самым могущественным человеком этого мира… Охваченный воодушевлением, бывший герцог, а ныне могущественнейший из людей этого мира попытался вскочить на ноги и… почувствовал, что что-то не так.

— Хорошо, червяк. Теперь тебя точно не смогут перепутать, — довольно пророкотал голос бога. А Эгмонтер ошарашено пялился на низ туловища. На то место, где раньше начинались его ноги. Ног не было! Вместо них прямо от пупка вниз тянулось толстое мясистое тело, представлявшее собой длинный, метра три, хвост, как у червяка, только покрытый розовой, в мелких волосиках, человеческой кожей. Эгмонтер несколько мгновений растерянно смотрел на этот свой хвост, а затем поднял вверх округлившиеся от ужаса глаза и тоскливо и

пронзительно завизжал…

Глава 4

— Значит, вас всего полтора десятка? — задумчиво произнес граф Илмер и, поправив попону, которая была накинута на его плечи, отхлебнул горячего травяного настоя из глиняной кружки.

— Да, господин, — кивнул Арил, — но все — славные бойцы. Могу вам сказать, что подавляющее большинство из них чуть ли не с детства приучено к той войне, которую я собираюсь тут затеять.

— С детства? — Брови графа удивленно вскинулись, — Это где же это в империи такое поганое детство?

— Они не из империи, ваша светлость, — встрял в разговор Глав.

— А откуда?

— Ну… то есть теперь уже, конечно, из империи, но изначально — из Арвендейла.

Граф замер. Некоторое время над костром висела настороженная тишина, а затем он тихо произнес:

— Так ему все-таки удалось…

Первый же залп арвендейлцев уложил почти десяток тварей из числа тех, что наблюдали за разворачивающейся бойней. Руки охотников, с младых ногтей наученных, где у орков на теле наиболее уязвимые места, и прошедших закалку недавних битв, не дрогнули. И орки, утробно захрипев, начали мешками валиться на землю, уже обагренную кровью людей. Еще двое свинорылых, получив по стреле в шею или левую сторону груди, дико заверещали, заставив тех, кто наседал на оставшуюся четверку, откатиться назад и завертеть головами. По-видимому, эти четверо были знатными бойцами, потому что мгновения растерянности тут же стоили жизни еще троим оркам. Один рухнул с разваленным на две части черепом, другой опрокинулся на спину, булькая пронзенным насквозь горлом, а третий забился на земле, царапая лапами рукоятку метательного ножа, вонзившегося в правую глазницу. А арвендейльцы между тем вновь накладывали на тетиву стрелы.

— Только не дайте им уйти! — отчаянно закричал кто-то из четверки и тут же прыгнул вперед, едва не поймав боком совсем не ему предназначавшуюся стрелу, но достав-таки очередную тварь длинным выпадом. Тут и до кого-то из оставшихся орков дошло, как сильно переменилась ситуация. Потому что как минимум трое развернулись и попытались взять резкий старт с места. Да только охотники из Арвендейла уже снова натянули

тетиву. И через миг все было кончено.

Четверо спасшихся стояли молча и тяжело дыша, будто никак не могли поверить в то, что все так стремительно повернулась. И что они живы. Наконец тот, кто прыгнул вперед, опустил меч и коротко поклонился:

— Я — граф Илмер, с кем имею честь, господа?

Арил, которому так и не пришлось пустить в ход свои кунаки, пробежался настороженным взглядом по валявшимся орочьим трупам и коротко приказал, сопроводив приказ недвусмысленным жестом:

— Проверить и контрольный… — Лишь после этого он закинул кунаки в ножны и, сделав шаг вперед, отвесил учтивый поклон: — Мое имя Арил, господин.

— Это ваш отряд?

— Да, господин. Мы направлялись в столицу с… важным поручением, — несколько туманно пояснил Арил, решив сначала разобраться, что здесь за люди. Нет, графа Илмера он знал и, будь тот один, непременно доложил бы ему по всей форме и сразу же предложил бы возглавить их небольшой отряд. Но вот кто были остальные…

— Благодарение светлым богам, что они послали вас на нашем пути, — вдруг послышался еще один голос. Он раздался из-за полога фургона, который с таким упорством обороняла последняя четверка.

— Зачем вы встали, Элиат? — встревожено спросил граф. — На вас живого места нет. Да и вообще… — Он настороженно покосился на Арила.

— Не волнуйтесь, Илмер, в этих людях нет Тьмы. Наоборот, они — единственная наша надежда.

— Да уж понятно… — пробормотал Илмер, слегка расслабляясь. — Мы благодарим вас, господин Арил, за вашу помощь. Излишне говорить, что она была очень своевременна.

— Это наш долг, ваша светлость, — вежливо ответил Арил. Сделал паузу, дав графу возможность сделать самому столь напрашивавшееся предложение, и не дождавшись оного, добавил: — Я думаю, было бы разумно немедленно покинуть место схватки.

— Да-да, непременно, — встрепенулся граф. Чувствовалось, что схватка далась ему очень нелегко и он с трудом держится на ногах. Похоже, его заминка была вызвана именно этим.

— У вас есть лагерь поблизости?

— Ну… не очень-то он поблизости. Мы выехали на разведку, — уже не с такой опаской ответил Арил. — До нас дошли неясные слухи о том, что в столице неладно. И, прежде

чем двигаться дальше, мы решили уточнить, как на самом деле обстоят дела.

— Тогда, господа, — усмехнулся граф Илмер, — похоже, что нас послали друг другу сами Светлые боги. Ибо вряд ли вы, даже при самых самоотверженных усилиях, сможете узнать обо всем произошедшем больше, чем знаем мы. А нам в нынешнем положении крайне необходима любая возможная помощь и поддержка.

После короткой паузы, вызванной, как видно, еще не до конца преодоленной осторожностью, он пояснил: — Среди нас есть те, кто сумел вырваться из дворца, господа.

Арил и Глав переглянулись и… отвесили стоящим перед ними людям крайне уважительный поклон. Судя потому, что рассказывали беженцы, орки появились именно из Высокого города, причем сразу в столь гигантском количестве, что вряд ли кто-то из его обитателей мог остаться в живых. И все же остались.

— Что ж, ваша светлость, в таком случае можете полностью располагать мною и моими людьми, — произнес Арил.

На дневную стоянку они остановились только после того, как преодолели торфяники. Причем, несмотря на опасения Арила, что не удастся провезти через них фургоны за время, представлявшееся разумным, первую часть пути они преодолели с гораздо большей легкостью, чем верхом на пути в эту сторону. Правда, исключительно благодаря мудрой помощи Верховного мага.

Когда дорога приблизилась к полосе торфяников где-то на расстояние четверти лиги, Элиат Пантиопет приказал остановиться и, с трудом выбравшись из фургона, присел на придорожный каменный столб, которыми на императорских трактах отсчитывалось расстояние между городами, и снял с шеи знак Верховного мага.

— Вот, тут еще немного осталось. Берег для того, чтобы, если уж совсем зажмут, спалить себя и всех, до кого смогу дотянуться. Но раз появился шанс на спасение, глупо не воспользоваться тем, чтобы укрепить его, сколь возможно.

Арил согласно кивнул, не совсем, впрочем, понимая, что собирается делать уважаемый маг.

— Вот что, командир, во-первых, отгоните-ка фургоны вон туда, на сторону дороги, противоположную той, в которую мы собираемся свернуть…

Приблизительный маршрут они с графом и Пантиопетом обсудили почти сразу же, как тронулись.

— …на пол-лиги, не меньше. А затем вернитесь по своим следам. И сейчас же пошлите людей замести наши следы. Причем

в обе стороны — и назад, и по тому следу, что проложили. Тоже не меньше чем на пол-лиги.

Арил согласно кивнул, все еще не понимая, чем это им поможет, но уже догадываясь, что Элиат Пантиопет планирует каким-то образом запутать возможную погоню. А поскольку маг явно знал, что делает, и его спутники тоже не выражали никаких сомнений в его способностях, Арил счел за лучшее молча повиноваться.

Спустя час все было исполнено. Элиат, все это время просидевший на дорожном столбике, закутавшись в извлеченный из фургона плед и довольно щурясь на скудное осеннее солнышко, поднялся на ноги и, взяв амулет обеими руками, поднял его на уровень своей головы.

— А не выдадим ли мы себя, Элиат? — негромко произнес подошедший граф Илмер. — До столицы рукой подать. Я не думаю, что ОН не сможет засечь твою магию.

Пантиопет на мгновение замер, а затем улыбнулся:

— Непременно, Илмер. Я нисколько не сомневаюсь, что он сможет засечь мою, да что там говорить, вероятно, даже любую магию. Причем не только на столь близком расстоянии, но и вообще где бы то ни было в пределах этого материка. Наверное, лишь Светлая владычица да, быть может, Подгорный трон в силах установить достаточно мощный полог, сквозь который его взор не сможет проникнуть. Да и то лишь над своими исконными землями. Хотя у меня есть основания сомневаться даже в этом… Ибо согласно древним преданиям лишь долгая вода, то есть достаточно обширное морское пространство, способна серьезно ослабить магию… Но сейчас это неважно. Они все равно довольно скоро узнают, что мы избежали гибели или плена. Неужели ты думаешь, что они не обратят внимания на то, что один из их наиболее сильных патрулей не вернулся? Так что они непременно пустятся в погоню. А то, что я собираюсь предпринять, позволит нам сбить их со следа и заставить искать на столь большой территории, что у нас появится шанс ускользнуть. Причем гораздо более надежный, чем если бы я, опасаясь выдать себя, не стал ничего предпринимать. А то, что ОН сейчас узнает о том, где мы находимся в данный момент, практически никак не уменьшит этот шанс…

— Ну… тебе виднее, — не стал спорить граф. Верховный маг молча кивнул, соглашаясь с тем, что ему действительно виднее, и вновь поднял амулет.

Арил не понял, как это произошло, но в следующее мгновение воздух вокруг пришел в какое-то непонятное движение, а затем сразу от ног мага через дорогу, через обочину,

через небольшой лужок и далее, прямо по болоту, протянулась полоса из толстого льда.

— Скорее, — забормотал маг, обессиленно роняя руки и не падая лишь потому, что его поддержал стоявший рядом Илмер, — у нас всего около получаса. А за тем лед истает…

Илмер выругался сквозь зубы, подхватил обессилевшего мага на руки и довольно бесцеремонно закинул в ближайший фургон.

— Давайте, господин Арил, двигаемся. Сначала фургоны, а затем вы. И заметите тут все, чтобы было совсем уж непонятно, куда мы делись.

Арил понимающе кивнул и уважительно покосился на прогрохотавший мимо фургон, в котором лежал маг. «Ледяной мост» считался довольно сложным заклинанием, причем длина этого, по самым скромным прикидкам, составляла не менее лиги, а то и полутора. Да уж… интересно, на что был способен уважаемый Элиат Пантиопет, когда был в полной силе? И КТО был тот, кого они так опасались?…

Мост действительно протянулся даже не на полторы, а почти на две лиги. И они успели доехать до конца, прежде чем созданный магией лед начал истаивать, высвобождая скованную в магическом льду силу микроскопических капель воды, ранее растворенных в слое воздухе над площадью почти в сто квадратных лиг. И теперь эти частички воды начали стремительно возвращаться именно в ту точку, из которой вытянула их магия Пантиопета. Когда ветер только еще зашелестел листьями, Арил спрыгнул с коня и, махнув рукой арвендейльцам, приказал:

— Спешиться и к фургонам. Коней развернуть мордами к себе и уложить, — досадливо добавив: — Сейчас начнется…

— Что? — недоуменно спросил кто-то из арвендейльцев.

— Откат, — вздохнул Глав. — С магией всегда так.

На этот раз, к удивлению Арила, откат был небольшим. И покорежило их всего-то несколько секунд, и ветер дул и крутил минут пять, не более, еще больше скрыв и запутав их следы. Это означало, что Элиат Пантиопет был по-настоящему умелым магом. Истинным мастером. Ибо откат всегда зависит от того, насколько умело составлено и, главное, исполнено заклинание. А еще это означало, что даже если среди их преследователей оказался бы хороший следопыт, то максимум, что он смог бы обнаружить, так это попытки скрыть некие следы, которые были направлены как раз в другую сторону… Когда до Арила все это дошло, он только удивленно покачал головой. Да уж, видать, жизнь у Верховного мага была интересная, коль он даже в таком, считай, полуживом состоянии мог рассчитывать и воплощать в

жизнь подобные многослойные ловушки…

Сразу, как утих ветер, граф Илмер поднял их и заставил протащить фургоны по болотам еще как минимум лиги три. А там земля пошла уже потверже, а потом и вообще выехали на заброшенные торфяные выработки, от которых вела гать, которая еще через четыре лиги переходила в довольно приличную дорогу. Ну а эту дорогу Арил уже припомнил. Так что они остановились, лишь когда солнце уже коснулось нижним краем верхушек деревьев. Арил, по старой памяти, вывел всех к небольшому распадку у ключа, бьющего из-под здоровенного валуна. За много лет ключ вымыл в глинистой почве симпатичный бочажок, так что едва развели костры, все принялись стираться. В принципе, если бы все складывалось нормально, до таверны старины Глума оставалось не так далеко — часов пять неспешного хода фургонов, но кто его знал, какая там дальше будет дорога. Не придется ли очищать путь от упавших деревьев или, там, перетаскивать фургоны на руках через неширокие ручьи оттого, что хлипкие деревянные мостки над ними обвалились от старости. Да и вообще, все изрядно устали. У Арила с арвендейльцами, кроме короткой ночной схватки позади, были два дня пути и бессонная ночь. А что вынесли граф Илмер со своими спутниками, лучше было не интересоваться… Вернее, интересоваться как раз было надо. Но чуть позже. Когда доберутся до места. А сейчас надо было привести в порядок изгвазданную после дороги по болотам одежду и обувь, поесть и восстановить силы.

К удивлению Арила, ни у кого из спутников графа не оказалось никакой сменной одежды. Впрочем, из семерых ехавших с графом она понадобилась только четверым — самому графу, двум его сыновьям и капитану его личной гвардии, которые единственные и выжили после той схватки на дороге из всего отряда численностью почти в два десятка гвардейцев. Остальными были Верховный маг, настоятель столичного храма Сумрачных сестер и ключница столичного монастыря сестер-помощниц (о том, что случилось с обитательницами этого монастыря, Арил старался не думать)… И, хотя граф ни словом не обмолвился, чем нагружены фургоны, у Арила появились весьма обоснованные подозрения на этот счет.

Когда закончили со стиркой, уже совсем стемнело. За это время кашевары из числа арвендейльцев сварганили крутой гуляш, и всем досталось по полной миске. Судя по тому, как шустро наворачивали за обе щеки сыновья графа, последние пару дней им было особо не до еды. Сам граф поел куда более степенно и, завернувшись в попону (поскольку его одежда по

большей части сушилась на веревках, натянутых между фургонами), уселся у костра рядом с Арилом с кружкой травяного настоя в руках. По его умиротворенному, но усталому лицу было видно, что впервые за довольно долгое время он может позволить себе расслабиться. К тому же пришло время познакомиться поближе.

— Скажите, господин Арил, а это весь ваш отряд, — вежливо начал он, — или где-то находятся более крупные силы?…

До таверны старины Глума добрались к обеду. Вечерний разговор многое прояснил, но, как сказал граф, главное мог рассказать именно Элиат Пантиопет. Он был единственным, кто сумел вырваться из спальни императора и, добравшись до дома графа, велел ему немедленно «спасать что только возможно». На их счастье, в доме графа была расквартирована его полная личная сотня, а в соседней таверне еще и две сотни наемников, которых граф нанял для поисков в своем графстве. Ибо простому люду совсем от каррхамов житья не стало. И он как раз собирался покинуть столицу и отправиться в свой домен «почистить леса». Так что им удалось довольно быстро пробиться двумя отрядами к монастырю и храму Сумрачных сестер и некоторое время сдерживать орков. Так удалось загрузить два фургона. Но затем откуда ни возьмись подвалила целая туча орков, и им пришлось бросить все и пробиваться из города. Остатки наемников закрепились в воротах, дав графу с фургонами и оставшейся в живых горсткой гвардейцев из личной сотни оторваться от погони, но спустя день орки наткнулись-таки на них. И Арил с арвендейльцами как раз поспели к окончанию этого эпизода.

По прибытии выяснилось, что бывший наёмник со товарищи еще не вернулся из своего вояжа по близлежащим деревням. Но их встретила Маяна, кухарка и, похоже, сожительница старины Глума. Во всяком случае, в трактире она распоряжалась на правах полновластной хозяйки, вовсю гоняя двух девиц, прислуживающих здесь, похоже, не столько за жалованье, сколько просто потому, что им больше особо некуда было податься. Так что оба фургона были споро загнаны во двор, а их измученные обитатели размещены по свободным комнатам, каковых, в таверне, ясное дело, хватало с лихвой.

Следующие два дня прошли довольно спокойно. Арил сам объехал окрестности и определил, в каких местах и каком составе будут располагаться секреты. По вечерам граф Илмер жадно расспрашивал их о кампании по освобождению Арвендейла, а Арил о том, как им удалось вырваться из столицы. Оба рассказа вполне стоили друг друга…

На третий день вернулись Глум и идш.

К удивлению Арила, они привезли аж два воза всяческой снеди. Да еще и пригнали небольшое стадо из шести коров. Как выяснилось, слухи о том, что в столице произошло нечто ужасное, уже распространились по деревням и хуторам. Причем беженцы описывали произошедшее с такими пугающими подробностями, что многие из местных крестьян, давно забывших о всяких Темных, орках и иной напасти, тут же почувствовали слабость в коленках и дернули в бега, бросая нажитое. Впрочем, дело было не только в рассказах беженцев из столицы. Чтоб крестьянин бросил свое добро, его должно припечь так, чтобы холка задымилась. А до того момента зубами вцепится, глаза зажмурит и будет сидеть, надеясь перетерпеть, перебедовать, но только ни с чем не расставаться… Однако спустя всего один день после всего, что случилось в столице, несколько орочьих патрулей добрались до ближайших деревень и, как видно, вырвавшись из-под строгого надзора, устроили себе угощение на скорую руку. Добрым мясом… Тех, кто сумел вырваться из этих деревень, даже особо не расспрашивали. Ибо те немногие, которым это удалось, все как один оказались совершенно поседевшими. И именно их скупые рассказы, поведанные тусклыми, безжизненными голосами, стали тем вихрем, что сорвал с мест многочисленные крестьянские семьи и заставил их броситься куда глаза глядят. Впрочем, «куда глаза глядят» было не совсем верно. Ибо по всему южному тракту уже множились слухи о благословенном Арвендейле и его могучем герцоге, изгнавшем из своих земель всех свинорылых. И многие из тех, кто, нагрузив скарбом одну-две телеги и посадив поверх того нажитого, которое можно было сдвинуть с места, детей, трогались в путь с твердым намерением добраться до земель этого сильного и могучего господина и защитника. Как оно и всегда бывало в истории…

Поскольку проблема с провизией была снята, во всяком случае на обозримый период, Арил, посоветовавшись с графом, решил устроить что-то вроде небольшой вечеринки. Всю последнюю неделю люди находились в постоянном напряжении, так что слегка расслабиться им бы не помешало. Единственное, что заботило его, так это непонятная плотность орочьих патрулей, о которых докладывали высланные в сторону тракта почти на пол дня пути дозоры. Уж слишком их было много. Похоже, тот, кого граф Илмер и Верховный маг назвали ОН, действительно засек магию Пантиопета и теперь неистово пытался разыскать его и всех, кто его сопровождает…

Когда Арил поинтересовался у графа, какова, по его мнению, общая численность орков, обосновавшихся в столице, ответ его не обрадовал.

— Я думаю, их очень много, — нахмурился Илмер. — По моим прикидкам, не менее двухсот тысяч.

— Ого! — вскричал Арил. — Да откуда же их столько взялось?!

Илмер досадливо вздохнул.

— Я спрашивал у Элиата. Он говорит, что был использован ритуал Призвания. Это значит, что сюда были стянуты все орки, до которых добрался Зов. А это, не исключено, все орки-воины, что в настоящий момент были на нашем континенте.

— Только воины? — после некоторой паузы осторожно поинтересовался Арил.

— Да… ну еще, возможно, шаманы. — Граф Илмер пожал плечами. — Насколько мне известно, полный ритуал Посвящения Тьме у них проходят только воины и шаманы. Это часть их ритуала посвящения в воины. И, естественно, в шаманы. К тому же я не заметил в столице ни их женщин, ни их детенышей… — Граф усмехнулся: — Слава Светлым богам, что никто или, в худшем случае, лишь немногие из воинов успели оседлать верховых варгов. Впрочем, везение здесь особо ни при чем. Просто обычно Зов подхватывает призываемого практически сразу. Максимум, что можно успеть, — это схватить что-то, что под рукой, оружие, например… А то бы их патрули уже точно прочесали всю округу и появились здесь. Впрочем, не уверен, что этого не произойдет в самое ближайшее время.

Арил вздохнул. Это означало, что его надежды на то, что трактир старины Глума станет его операционной базой, сильно пошатнулись. Граф был прав. Двести тысяч орков могли покрыть ближнюю округу Эл-Северина столь плотной сетью патрулей, что обнаружение таверны дядюшки Глума со всеми ее обитателями становилось только вопросом времени…

Как бы то ни было, но вечер удался на славу. Глум с Маяной даже сплясали *лаку* под аккомпанемент нестройного мужского хора и громкого хлопанья в ладони. Да и Элиат Пантиопет наконец-то спустился из своей комнаты, чтобы, как он сказал, «выпить пинту эля в доброй компании, а не этот противный травяной настой в постылом одиночестве».

Заметив Верховного мага, Арил выждал с час, а затем подсел за стол, который занимали граф с сыновьями и Пантиопет с настоятелем храма Сумрачных сестер.

— Прошу меня простить, господа, — учтиво начал он, — но я считаю своим долгом как можно быстрее проинформировать моего господина о том, что здесь происходит.

Граф и Верховный маг переглянулись.

— Вы достойный слуга вашего господина, уважаемый

Арил, — серьезно произнес граф Илмер. — Я бы гордился таким слугой.

— Мы в вашем распоряжении, — дополнил его Элиат Пантиопет, — спрашивайте.

— Благодарю вас, — сказал Арил, склоняя голову, и, немного помедлив, продолжил: — Если господа не против, я бы пригласил за наш стол еще одного человека. Скорее всего, именно он повезет мое письмо герцогу Арвендейла. Так что лучше будет, если он сам тоже услышит ваш рассказ. И если у герцога возникнут какие-то вопросы, он сможет ответить на них с большей полнотой, чем если бы узнал обо всем только с моих слов.

— Вполне разумно, — кивнул Элиат Пантиопет, — зовите.

Арил повернулся и махнул рукой Главу…

Когда тот устроился за столом, Арил повернулся к Верховному магу:

— Итак, ваша светлость, что же произошло в императорском дворце?

Рассказ Верховного мага был максимально полон и подробен. После того как он замолчал, за столом на некоторое время воцарилась тяжелая тишина. Остальные обитатели таверны, тоже ловившие каждое слово мага, ибо как только Элиат Пантиопет раскрыл рот, всякая болтовня в таверне практически сразу же прекратилась, сидели молча, переваривая услышанное.

— Значит, этот говнюк Эгмонтер призвал в наш мир темного бога… — задумчиво произнес Арил спустя пару минут.

— Да, — согласно кивнул Пантиопет. — Причем самого могущественного среди них всех.

Арил помолчал еще некоторое время, задумчиво поигрывая кружкой с остатками эля, а затем тихо спросил:

— Означает ли это, что у нас нет никаких шансов против него?

— Шансов… — Верховный маг задумался. — В общем-то нет…

— Но… — осторожно вступил Глав.

Все несколько озадачено покосились на Глава, и тот пояснил:

— Вы же сказали — в общем-то… а если их действительно не было бы, то, я думаю, ответ был бы более простым и конкретным — нет и точка.

— Ну… все дело в том, что Ыхлаг был уже однажды побежден, причем побежден человеком. Вот только… звали этого человека император Марелборо.

После этих слов над столом вновь повисла напряженная тишина. Некоторое время все молчали, а затем, Арил задумчиво

произнес:

— По правде говоря, я не понимаю, как человек может победить бога?

Верховный маг сгреб со стола кружку со своим элем, сделал добрый глоток и с задумчивым видом прислонился спиной к стене.

— Вы затрагиваете чрезвычайно серьезный теологический вопрос, друг мой… Дело в том, что те, кого мы называем темными либо Светлыми богами, на самом деле не имеют ничего общего с тем, кто именуется Единым, Создателем всего сущего… ну и так далее. Вернее, — тут Верховный маг улыбнулся, — конечно, имеют, но не более, чем, скажем, мы с вами. И в этом смысле почти ничем от нас не отличаются… Возможно, за исключением того, что владеют тем, что мы называем магией, гораздо искуснее нас. Поскольку ни кто из нас, даже самые великие маги или мудрецы, постигшие сокровенные тайны бытия, так и не смогли достучаться до Творца. Хотя… — Верховный маг на морщил лоб, — Керай Игарион и Жинот Благословенный считали, что где-то в иных мирах существуют люди, сумевшие не только обратиться к Творцу, но и получить его ответ. И что именно этот мир оказался защищенным его благодатью настолько, что там уже давно нет никаких иных богов, кроме Него. Но, к сожалению, в нашем мире пока все обстоит по-другому. Те, кого мы именуем темными либо Светлыми богами, также являются создателями, иначе бы они не были богами, но создателями части. Мира, расы, народа… Причем, так сказать, «строительный материал» для этой части они взяли именно из того, что уже было создано Творцом. Поэтому да, они ОЧЕНЬ могущественны, но их могущество все-таки ограничено. И пусть эти границы несопоставимо велики для нашего сознания, но они все же существуют. Ибо если бы это было не так, Ыхлага сразу же, как только он появился в этом мире, не могла бы удержать никакая охранная пентаграмма… Так что, отвечая на ваш вопрос, я могу сказать — да, у нас есть шанс. Но для того чтобы он мог реализоваться, мы должны во-первых, вновь обрести корону, во-вторых, найти мага, равного по силам легендарному Марелборо, и, в-третьих, сделать это до того, как Ыхлаг вырвется из клетки, в которую он пока еще, к счастью, заключен…

Глава 5

Трой проснулся оттого, что кто-то щекотал его нос. Он еще некоторое время лежал, не открывая глаз и наслаждаясь этим ощущением, несущим в себе какое-то странное и почти никогда доселе не ведомое ему чувство неги, любви и покоя. А потом нежный голос прошептал ему на ухо:

— Любимый, ну ты же уже не спишь…

Со времени битвы у Каменного города прошло почти полтора месяца.

Три полусотни, отправленные по следам убегавшей Гурьбы, прошли за ней почти до побережья. Причем старшина Фодр ухитрился обойти толпу отступавших орков и добрался до их лагеря недалеко от побережья раньше основной массы бегущих. В лагере находилось еще около трех-четырех тысяч орков, но преимущественно самок и увечных. Впрочем, ясно, что для полусотни атака на столь большое количество даже таких орков представляла невыполнимую задачу. Однако старшина смог выполнить то, что должно было прийтись остаткам орков очень не по вкусу. А именно — уничтожил их зимние запасы.

В пяти лигах от лагеря, в предгорьях, разведчики натолкнулись на вышедшую на поверхность жилу черного горючего камня. И старшина велел нарубить ивняк, сплести пару дюжин корзин и загрузить их этим камнем. Конечно, это было рискованно. В любой момент в окрестностях лагеря могли появиться крупные отряды орков, наконец-то добравшихся до лагеря. Да и орки в лагере могли засечь какое-нибудь подозрительное движение. На это попытались указать эльфы. Но старшина сказал своей полусотне: «Наш герцог доказал, что совершить невозможное — можно. И как мы можем не оказаться его достойны?» — после чего все заткнулись и доделали дело до конца.

Когда все было готово, разведчики, заранее уточнив порядок несения караульной службы, сумели подобраться к чрезвычайно слабо охранявшимся клетям, расположенным на окраине лагеря, и, оттащив тела не слишком бдительных часовых, уже валявшихся возле клетей с эльфийскими стрелами в глазницах, не скупясь обложили стены клетей запасенным горючим камнем.

Полыхнуло так, что орки, сначала пытавшиеся таскать воду от берега в кожаных ведрах и кухонных котлах, затем просто оттянулись подальше от жарко полыхавших клетей и только горестно пялились на огонь, тоскливо ворча и подвывая. Старшина некоторое время любовался на дело своих рук, а затем,

преодолев искушение прикончить несколько тварей, ясно видимых на фоне огромного костра, в который превратились клети, дал команду двигаться в обратный путь. Что было весьма разумным решением. Больше пары-другой сотен уложить бы все равно не удалось, а эта цифра к тому, что они уже сделали, ничего особого не добавляла. Если не наоборот. Убавляла лишние рты. А стрелы им еще вполне могли пригодиться и на обратной дороге. Тем более что пополнить их запас здесь было и негде, и некогда.

Впрочем, можно было не сомневаться, что, когда совсем уж подопрет, орки из числа тех, что покрепче, тут же сами прикончат кого-нибудь из своих. Для них это было вполне в порядке вещей. А что — мясо, оно и есть мясо…

Так что разведчики свою задачу, можно считать, выполнили. Причем даже с лихвой. Во всяком случае атаки остатков Гурьбы ранней весной можно было не ожидать. Наоборот, Трой подумывал собрать ополчение и оставшихся наемников и по последнему снегу двинуть к побережью, чтобы добить остатки тех, кто сможет пережить зиму. Это представлялось не слишком сложной задачей. Тем более что практически все оставшиеся в живых наемники с удовольствием согласились продлить контракт теперь уже с полновластным герцогом Арвендейла еще на год. Зимой с наймом в империи всегда было туго, так что обратно никто особо не торопился. Да и вообще последнее время в империи с наймом было не очень. Окраинные орочьи орды оттеснялись от границ все дальше и дальше, маги Императорского ковена и Университета вполне успешно вычищали гнездовья темных тварей, и потому работы для наемника становилось все меньше и меньше. Рейд орочьей орды, разоривший южные провинции империи, был, как выяснилось, последним всплеском орочьей угрозы. За последние три года граф Замельгон сумел успешно заселить почти половину разоренных территорий. Причем не поселенцами-ветеранами, а обычными крестьянами. Конечно, крестьянин пограничного графства — это совсем не то же самое, что он же, но из центральных провинций, однако такой результат — тоже показатель. Империя — она и есть Империя, с ней не очень-то забалуешь… В этом смысле многие даже подумывали, а не бросить ли это дело и не осесть ли здесь, в Арвендейле, насовсем. Тем более что герцог (вернее, Лиддит) обещал на пять лет освобождение от налогов, а если кто запишется в служилое сословие — так вообще на десять. И после столь щедрых выплат все понимали, что это не просто слова. Ибо если Каменный город и впредь будет платить подобную десятину (а предполагать иное

не было никаких оснований), то герцогу еще очень долго не понадобятся никакие другие источники дохода. К тому же эльфы, в отличие от всех прежних времен, вполне готовы были платить эту самую десятину своей магией, а это означало, что и урожаи на ныне запустелых и давно уже отдыхавших от крестьянского труда землях большей части Арвендейла также будут обильными. Короче, по всему выходило, что через пять-десять лет это герцогство станет едва ли не самым лучшим для жизни уголком мирной и процветающей империи…

Трой открыл глаза. Лиддит лежала рядом на боку и нежно смотрела на него. Трой сладко потянулся, а затем неожиданно сцапал ее за плечи и, притянув к себе, впился губами в губы любимой…

Когда они наконец оторвались друг от друга, Лиддит обессиленно откинулась на подушки и судорожно вздохнула. Трой лежал рядом, пялясь в потолок и глупо улыбаясь. А внутри все еще дрожало и орало от восторга, вызванного тем, что у него такая, такая…

— Да уж, — тихо переведя дух, прошептала Лиддит, — пожалуй, нам стоит заранее заказать новую кровать. А то когда на ней скачет такой ненасытный медведь, как ты, можно однажды очутиться на полу. — Впрочем, голос ее при этом выражал все что угодно, но только не озабоченность проблемой прочности мебели в спальне.

Трой тихонько рассмеялся.

— Ты думаешь, это меня остановит?

— Ну уж нет, — рассмеялась в ответ Лиддит, — только не это. Я вообще не могу представить себе хоть что-то, что могло бы тебя остановить. В любом отношении.

И Трой счастливо вздохнул, явственно уловив в голосе Лиддит не только любовь, но и гордость. Гордость за своего мужчину. Все правильно. Женщина ДОЛЖНА гордиться своим мужчиной. А он должен всю жизнь доставлять ей для этого все новые и новые поводы. Иначе он не мужчина, а так, недоразумение с несоответствующими его сущности вторичными половыми признаками…

Лиддит плавно перевернулась на бок и приподнялась на руке.

— Ну ладно, дорогой, пора вставать. Ты не забыл? Сегодня у нас свадьба…

Когда слегка оклемавшееся войско добралось до обжитой части Арвендейла, Троя встретила депутация олдерменов. После приличествующего всем канонам и традициям выражения верноподданнических чувств (причем, несомненно, совершенно искренних, поскольку до всех самых отдаленных поселений

Арвендейла уже дошли слухи о том, от КАКОЙ напасти сумел защитить герцогство их владетель) Лиддит от имени герцога пригласила всех депутатов на торжественный прием в замке. Трой слегка опешил. В его понимании замок все еще оставался местом, куда никак нельзя было приглашать сколько-нибудь достойных людей. Несмотря на рассказанное Лиддит, он полагал, что и им придется еще некоторое время коротать где-нибудь неподалеку от замка, на свежем воздухе. Ну или в крайнем случае в какой-нибудь таверне в одном из городов. Но Лиддит никак не отреагировала на его отчаянные взгляды, а отменять ее приглашение ему и в голову не пришло. Он давно уже определил для себя, что с хозяйством Лиддит управляется не в пример лучше него, а потому лезть в это дело, не посоветовавшись с ней, — последняя глупость. От того, чтобы делать глупости, подчиняясь лишь собственным эмоциям или своему куцему (как в данном случае) представлению о том, что есть правда, его начал отучать еще Ругир. И с тех пор жизнь не переставала это делать… Впрочем, сколь многим жизнь упорно старается объяснить эту не столь уж хитрую истину, но сколь мало все-таки научиваются взнуздывать свои хотения, амбиции и чувства и продолжают упорно громоздить одну глупость на другую. Обвиняя потом, с постоянством, достойным лучшего применения, в своих повторяющихся неуспехах кого угодно — вероломных друзей, коварных недругов, тупое начальство, непреодолимые обстоятельства, но только не себя самого. Ибо в конечном счете человек всегда сам виноват в своих успехах и неудачах. Вот только довести цепочку логических рассуждений до той точки, в которой явственно и точно прорисуется твоя собственная вина, ошибка или небрежность, способны очень немногие. Но именно они, рано или поздно, становятся владетелями…

К его изумлению, замок действительно оказался в том состоянии, что говорила Лиддит. Вернее, ему показалось, что он выглядит даже лучше того, что она рассказывала. Как бы не круче, чем императорский дворец. Не помпезнее, не роскошнее, не богаче, поскольку императорский дворец был средоточием именно этого — помпезности, роскоши и богатства, а замок владетеля Арвендейла — опорой воина и господина над воинами. Но именно круче.

Когда они подъехали на две лиги, Трой невольно начал моргать, не в силах поверить, что эти сияющее чудо, увенчивающее верхушку величественной горы, будто корона голову великого владетеля, — тот самый замок. Нет, он и раньше производил довольно сильное впечатление, но его мощь и величие были скрыты под слом грязи и неухоженности. А теперь

стены и башни, чей камень был очищен чудесными эльфийскими вьюнами, сияли так, будто огромные каменные блоки, из которых они были сложены, что-то подсвечивало изнутри.

Похоже, преображение замка произвело впечатление не только на него. Поскольку в двигавшемся по дороге войске тоже послышались изумленные возгласы, а члены депутации, часть из которых также успела побывать в окрестностях замка в короткий промежуток между его освобождением и битвой при Южных вратах, оживленно загомонили. Лиддит, ехавшая рядом, наклонилась и, приблизив губы к уху Троя, довольно прошептала:

— Ну что я тебе говорила, любимый?

Впрочем, дорога вверх, к воротам замка, еще не была приведена в порядок, да и внутри не все соответствовало тому, как оно должно быть. Например, внимательному взгляду было заметно, что ворота еще слишком обшарпаны, а те, что вели во внутренний двор, вообще были сняты с петель и куда-то делись. Хотя эта обшарпанность наблюдалась только на металлических деталях, ибо старая древесина после воздействия вьюна преобразилась разительно. Как будто кто-то снял с дерева тонкую стружку и хорошо высушенное, да что там, уже ставшее каменеть дерево вновь заиграло тонкой природной вязью.

На этот раз все войско с удовольствием разместилось внутри замковых стен. Конечно, за прошедшие две с лишним недели его численность заметно уменьшилась. Часть наиболее тяжело раненных, как только их жизни перестала угрожать опасность, были отправлены в родные города, часть была занята в поисках и патрулях, часть осталась у Каменного города, в помощь гномам, но даже после этого его численность все равно оставалась внушительной. Однако замок поглотил столь большое количество людей без остатка. Настолько он был огромен.

Едва они въехали в арку внутренних ворот, Трой остановился и чуть было не… короче, не нанес ущерб чести и достоинству герцога и владельца замка. Поскольку никак не ожидал, что его будут встречать слуги, обряженные в ливреи цветов дома герцогов Арвендейл.

— А это-то откуда? — пораженно зашептал он в ухо Лиддит. Но та лишь покровительственно улыбнулась.

Численность замковой челяди пока еще была невелика и не позволяла устроить и обиходить столь большое количество людей. Поэтому Трой приказал сотникам выделить людей в помощь на кухню и дворецкому для поддержания порядка. После чего они с Лиддит поднялись в донжон. Этот донжон ничем не напоминал подобные в древних твердынях империи, разве что толщиной стен (впрочем, толщиной стен он их заметно

превосходил). Его внутреннее обустройство представляло собой достаточно удобные, а кое-где даже роскошные… чертоги. Ну еще бы, этот замок строили гномы. А кто лучше их умел устраиваться в камне с большим комфортом?

Лиддит покинула его довольно скоро, заявив, что ей необходимо заняться подготовкой приема. Так что Трой оказался на некоторое время предоставленным самому себе. Обойдя несколько комнат (у него в голове до сих пор не укладывалось, что вся эта уйма пространства только для них двоих), он почувствовал что-то вроде приступа агорафобии (и это в крепостной башне-бастионе!) и спустился из донжона во внешнюю галерею. Замок был наполнен звуками. Мирными звуками. И Трой почувствовал, что его губы складываются в счастливую улыбку. Все, все позади! Бои, смерти, безысходность и почти полная уверенность в собственной смерти. А впереди… впереди — счастье! И мир. Нет, будут, конечно, еще и бои, и походы. Надо будет окончательно очистить от орков все западное побережье. Но это все уже не то. Это уже обычные заботы пограничного владетеля, обычная жизнь. Война кончилась… Трой счастливо вздохнул и подошел к окну. Вернее даже, бойнице, только чуть более широкой, чем обычно, и застекленной причудливо изукрашенным гномьим витражным стеклом. Левая створка рамы была открыта, и в теплый коридор, разогретый жаром искусных гномьих печей, чьи тепловоды пронизывали весь замок снизу доверху, врывалась струя прохладного воздуха. За окном был виден склон горы, а чуть дальше, на горизонте, виднелась неровная строчка далеких гор, в недрах которых таился великий Каменный город. Трой вдохнул чистый, свежий воздух. Мог ли простой паренек из дальней поселенческой деревеньки хотя бы даже мечтать о чем-то подобном?…

— Прошу простить, ваша светлость, дозволено ли мне будет нарушить ваше уединение?

Трой обернулся.

— А-а, мастер Титус… рад вас видеть. — Трой несколько смущенно улыбнулся: — Да, собственно, уединение получилось случайно. Просто я еще не слишком хорошо ориентируюсь в… своем замке, да и привычки к нему у меня пока нет. И чем заняться — не знаю. Вот и слоняюсь.

— На редкость откровенное заявление, ваша светлость, — с улыбкой отозвался мастер Титус, глядя на Троя своими проницательными глазами. — И оно очень много о вас говорит.

— И что же? — заинтересовался Трой.

— Если вам будет угодно ознакомиться с моим мнением…

— Бросьте, мастер Титус, — поморщился Трой. — Ну ладно

бы вы не знали меня столько времени…

— Человеку свойственно меняться, ваша светлость, — пожал плечами олдермен Калнингхайма, — и не всегда в достойную сторону. И я рад, что к вам, ваша светлость, это не относится.

— Вы меня сейчас совсем засмущаете, — рассмеялся Трой.

— Ну что вы, упаси боги… а что касается моей реакции на ваше заявление, то… людям, как правило, свойственно преувеличивать свою значимость. И потом мучительно искать подтверждения своим амбициям со стороны других людей. А чтобы добиться этого подтверждения, многие стараются каким-то образом подчеркнуть свою собственную значимость в глазах других, прибегая для этого к внешним признакам. Как понятным всем, так и значимым для посвященных — скажем, унизывают пальцы дорогими перстнями, шьют одежду из дорогих тканей и у знаменитого портного, небрежно упоминают в разговоре о знакомствах с важными персонами или просто вешают картины, на которых они изображены вместе с таковыми, носят дорогую обувь, разъезжают в роскошной карете с кучей слуг… И лишь немногие не только точно осознают свою действительную значимость, но и на самом деле являются столь значимыми людьми, что им не нужно для этого никаких подтверждений. И так все всем ясно. — Мастер Титус замолчал и отвесил своему герцогу учтивый поклон.

Трой почувствовал, что его щекам стало слегка жарковато. Но положение спасло появление еще одного действующего лица. Это оказался мастер Гракус. Заметив рядом с герцогом своего извечного оппонента, он рефлекторно нахмурился, но тут же опомнился и растянул губы в несколько слащавой улыбке:

— Прошу простить, ваша светлость, что прерываю вашу, несомненно, важную и нужную беседу, но есть вопрос, который требует по возможности более скорого обсуждения.

Трой легким поклоном извинился перед мастером Титусом и, взяв под локоток олдермена Хольмворта, изобразил на лице крайнее внимание.

— Дело в том, ваша светлость, что, как мне представляется, необходимо решить, в каком из городов будет совершено ваше бракосочетание…

Следующие полтора часа Трой стоически терпел всяческие издевательства над своей персоной — омовение, завивку, маникюр и педикюр, затем облачение в парадный костюм. Основным организатором этих издевательств был граф Шоггир, уже слегка оклемавшийся от ран и начавший довольно шустро передвигаться, хотя и прихрамывая. Специалисты, имеющиеся в его распоряжении, были, по его словам, далеки от идеала, однако

результат, как вынужден был признать Трой, рассматривая себя в высокое зеркало, превзошел все его ожидания. Неужели этот важный и явно благородный (причем точно не в одном, а то и не в десятке поколений) господин — это он? Успокаивали только две вещи. Во-первых, все эти мучения ему, совершенно точно, придется терпеть только один раз. И, во-вторых, слава богам, все это происходит в замке, а не, как пытался его уговорить мастер Гракус, «в практически столице герцогства — Хольмворте». Недаром говорят, что дома и стены помогают. Трой подмигнул своему изображению и вспомнил, как все началось…

Идею мастера Гракуса он изложил Лиддит, будучи совершенно уверенным, что она отнесется к этому точно так же, как и он, то есть как к курьезной нелепости. Но та внезапно задумалась, а затем сказала:

— А он, пожалуй, прав.

— То есть как? — удивился Трой.

— Ну как ты не понимаешь? Это же будет очень здорово. Все как по легендам. Не верю, что тебе в детстве не рассказывали сказки. Так вот, тут все то же. Сначала — тяготы, страдания, испытания, потом — решающая схватка и, как финал и одновременно начало новой, долгой и счастливой жизни, — свадьба. Ты даже не представляешь, что ты этим сделаешь со своим герцогством. Люди окажутся включены в новый миф, новую легенду. Станут ее частью. И, даже не осознавая этого, будут намертво держаться за тебя и твою династию, какие бы испытания ни выпали на их долю. Ты что же, хочешь упустить такой шанс?

— Нет, но… — начал Трой.

Лиддит нахмурилась.

— Ты что, Трой-побратим, совсем не собираешься на мне жениться?

— Да нет, — возмущенно вскинулся Трой, — просто… ну, надо дождаться Арила с Главом, да еще твой отец… а то как-то не так получается.

Лиддит несколько мгновений вглядывалась в него, а потом вдруг расхохоталась.

— Ой… не могу. Нет, ну все так, как тетушка Алимит рассказывала… Ох… ну и насмешил.

Трой обиженно насупился.

— И чем насмешил-то?

Лиддит перевела дух.

— Ох… ладно, не обижайся. Просто тетушка Алимит рассказывала, что вы, мужики, даже если вроде как все решено, все равно стараетесь до последнего тянуть. Всякие причины

выдумываете, так вот слушать вас не стоит, а надо просто брать за руку и вести под венец.

— И чего это выдумываем? — снова насупился Трой. — Ничего я не выдумываю.

— Ну вот и хорошо, — Лиддит погладила его по лбу, — значит, будем готовить свадьбу…

За пять минут до полудня народ, собравшийся во внутреннем дворе (а также столпившийся на стенах и свешивающийся через парапеты башен и из бойниц), был осчастливлен возможностью лицезреть своего герцога в крайне презентабельном виде. Впрочем, это еще как посмотреть. Все толпящиеся сейчас здесь закатали бы в камень двора любого, кто посмел бы хоть намекнуть, что их герцог в латах и на коне, в куртке наемника и с луком либо даже по пояс голый и с кузнечным молотом в руках выглядел хоть на йоту менее презентабельно. Хотя и нынешний внешний вид их суверена их вполне устраивал… да что там говорить, по их мнению, лучше человек выглядеть просто не мог. Каждый был готов дать руку на отсечение, что это так… До того момента, пока они не увидели его невесту…

Когда Лиддит появилась из дверей, расположенных в противоположном от Троя крыле, примыкающего к донжону герцогского дворца, Трой почувствовал, что у него перехватило дыхание. Нет, он знал, что Лиддит хороша. Она заставляла учащенно биться сердце не только Троя, но и многих других мужчин, когда поднимала на дыбы свою Алэрос, когда бросала лукавые взгляды, одетая в простое платье служанки, когда, весело смеясь, сидела между ним и графом Шоггиром в той таверне в Эл-Северине, когда слушала доклады в своей палатке… Но, все Светлые боги и сам Создатель, он даже не подозревал, как она прекрасна!

Весь замок потрясенно молчал, зачарованно наблюдая за тем, как Лиддит, сопровождаемая десятком человеческих женщин и эльфиек в праздничных платьях, но затмевающая их всех, двигалась навстречу будущему (хотя все здесь уже знали, что на самом деле давно настоящему и единственному) супругу. А этот самый супруг сумел двинуться ей навстречу только после того, как Гмалин свирепо двинул его в бок и громко прошептал:

— Эй, ваша светлость, уснул, что ли?

Когда Трой на совершенно деревянных ногах подошел к Лиддит и взял ее под руку, она чуть склонила к его плечу свою головку с изумительно уложенными волосами, украшенными непонятно откуда взявшимися здесь нитками рубинов, изумрудов и бриллиантов, и тихо спросила:

— Что с тобой, любимый? Ты будто лягушку проглотил.

Трой судорожно сглотнул.

— Лиддит… принцесса… я даже не подозревал, что ты… то есть вы…

Лиддит сладко зажмурилась.

— Да уж, это самое нелепое признание в любви, которое только можно было ожидать. Но все равно, спасибо тебе, любимый. Всякой женщине надо знать, что хотя бы для ее мужа она — самая прекрасная на свете…

— То есть как это хотя бы для ее мужа?! — горячо вскинулся Трой.

Лиддит тихонько рассмеялась.

— Остынь, нам пора начинать церемонию…

После того как священник из Хольмворта (мастер Гракус сумел-таки хоть здесь настоять на своем) провел брачную церемонию, настала пора принимать подарки. Для них была отведена отдельная комната. Кроме Троя и Лиддит в нее зашли Гмалин, сам себе присвоивший статус дружки, граф Шоггир, носивший его официально, и Элавиоль, мать Алвура, носившая титул хозяйки Эллосиила и исполнявшая роль подружки невесты (хотя вообще-то подружка невесты должна бы быть ее ровесницей, но кто когда мог по внешнему виду эльфийки определить ее возраст).

Города Арвендейла расщедрились, но после всех лишений и испытаний их подарки выглядели не слишком пышно. Впрочем, основное и едва ли не самое важное из их подарков уже заполняло закрома и подвалы. Наемники поднесли трон, выкованный умельцами-кузнецами из их числа из той части орочьих ятаганов и доспехов, собранных на полях битвы, что отошла им в качестве трофеев. Северные варвары — обязательство следующей весной построить и снарядить сорок кораблей. Богаче всего отдарился Гмалин… Вернее, так казалось, пока свой подарок не развернул Алвур.

Граф Шоггир тихо ахнул.

Лиддит замерла, невольно впившись в руку Троя ногтями.

Гмалин крякнул и почесал бороду. А затем произнес с легкой досадой в голосе:

— Да уж, побратим, обскакал, обскакал… Не ожидал.

А Трой недоуменно смотрел на… простую деревянную палку, скорее даже посох, открывшийся взору, когда Алвур развернул плащ, в котором он внес свой подарок в комнату. Судя по реакции остальных, этот посох был как-то особенно ценен, но чем…

— Спасибо… Алвур, — осторожно произнес Трой, не зная, как еще реагировать. Но эльф понимающе улыбнулся и внезапно ухватил палку за один конец, одновременно отбросив плащ. Трой

инстинктивно отшатнулся, а в следующее мгновение изумленно раскрыл глаза. Палка превратилась в меч. Необычный меч. Лезвие его было необычайно тонким и длинным — длиной чуть ли не в два с лишним локтя, а толщиной в самой широкой части заметно меньше ширины ладони. Но при этом оно было обоюдоострым. И было совершенно непонятно, как это Трой мог принять ЭТОТ меч за какую-то палку…

— Тайная ветвь… — зачарованно произнес Шоггир. — Так вот она какая…

— А тебя родичи не колесуют? — поинтересовался гном.

Алвур отрицательно качнул головой.

— Нет. Он — его по праву. Тайная ветвь — один из тех трех мечей, которые были воткнуты в… сруб меллирона и над которыми пылало Темное пламя.

— Вот оно что… — усмехнулся гном. — Тогда — да, по праву. Но все равно, пинать тебя будут еще как…

— Ничего, — усмехнулся Алвур, — если бы это была единственная причина, по которой меня могли пинать… а так… — Он повернулся к Трою: — Это легендарный меч моего народа, мой друг, побратим и господин. Согласно нашим преданиям именно им Элейнар Светозарный сразил Угху, Пожирателя жизни, одного из темных богов.

Трой сглотнул. Да уж… не часто приходится видеть меч, отправивший в небытие бога…

— Благодарю тебя, Алвур, мой друг, побратим и вассал, — чуть севшим голосом произнес он, — и обещаю, что этот меч будет подниматься в защиту твоего народа всякий раз, как в этом возникнет нужда…

После вручения подарков все проследовали в бальный зал, в украшении которого принимали участие мастера, присланные из Эллосиила и Каменного города. Несмотря на то что это было единственное помещение, подготовку которого к празднеству ни Трой, ни Лиддит, ни вообще кто бы то ни было из людей совершенно не контролировал (а кто бы сумел вынести постоянную свирепую ругань посланцев Каменного города и одновременно высокомерное молчание представителей Эллосиила), зал выглядел потрясающе. Впрочем, в этом никто и не сомневался.

Накрытые столы ломились от яств, а вот по поводу питья Лиддит несколько волновалась. Нет, выпить было что. Среди даров от городов и плодового вина, и эля, и ягодных настоек было в достатке, но… Положение спас Алвур. Уж непонятно, откуда в разоренном и только-только начавшем возрождаться Эллосииле оказалось столько знаменитого эльфийского

бравевура, но можно было не сомневаться, что потом не один десяток лет по всем краям и весям империи будут ходить легенды о том, как какой-то бывший лихой рубака на свадьбе самого герцога Арвендейла вдребезги напился этим напитком, за один-единственный глоток которого в иных местах отдавали стоун золотом.

Для Троя празднество прошло как в тумане. Он то вставал, дабы выслушать очередную здравицу, то садился, чтобы вновь уставиться на такую знакомую и… совершенно незнакомую Лиддит. Он что-то ел, что-то пил, чокался с гномом и еще с кем-то… но каждую свободную минуту его взгляд, будто магнитом, тянуло к ней.

Где-то в середине вечера Лиддит вновь склонилась к его уху и прошептала:

— Любимый, сейчас для тебя будут танцевать эльфийки. Уважь их, пожалуйста. Они не делали этого для человека как минимум уже полторы тысячи лет… А может, и вообще никогда.

Трой послушно перевел взгляд на середину зала…

Но едва лишь эльфийки замерли в последнем поклоне (взорвав зал буквально бурей оваций), как его голова с каким-то уже привычным щелчком в шейном отделе позвоночника вновь развернулась в сторону жены. А Лиддит грустно прошептала:

— Как жаль, что всего этого не видит Тамея.

И этот шепот заставил сердце Троя болезненно сжаться. Он уже трижды посылал сильные патрули на поиски Тамеи и Даргола, но тем удалось установить лишь, что они действительно добрались в те места, куда Тамея и собиралась. И задержались там на некоторое время. Ну и, похоже, что-то отыскали. Поскольку одному из патрулей удалось разыскать неподалеку от развалин старинного монастыря пещеру, которая ранее была запечатана камнем и магией, а совсем недавно вскрыта. Но никаких следов ни того, что они отыскали, ни их самих найти не удалось.

— Лиддит, я… обязательно ее отыщу. Вот увидишь!

Лиддит улыбнулась, взяла его руку и ласково сжала.

— Я знаю, любимый. — Она чуть помедлила и, внезапно хитро прищурившись, наклонилась к нему и прошептала на ухо: — Только я тебя прошу, сделай это до нашей второй свадьбы.

— К… какой? — оторопело переспросил Трой.

— Второй. Той, что будет в Эл-Северине. — И, подмигнув ему левым глазом, который не могли увидеть сидевшие за столами, поскольку та сторона ее лица была отвернута от них, закончила: — Неужели ты думаешь, что император, отдавая замуж свою дочь и принцессу, позволит тебе нагло «зажать» свадьбу в Эл-

Северине? Ну-у… не притворяйся. Не мог же ты на самом деле быть настолько наивным…

Над их спальней, похоже, тоже поработали мастера из Эллосиила. Потому что иначе было никак не объяснить такое буйство цветов и зелени в начале зимы.

Трой и Лиддит, милостиво оставленные пышной свитой уже за дверями, ведущими внутрь донжона, остановились у порога в немом восхищении. Потом Лиддит прижалась к нему, ухватив его за руку и положив голову ему на плечо, и тихонько прошептала:

— Знаешь, я несколько раз уже пыталась представить, какой она будет — наша свадьба. И меня все время что-то отвлекало. То гонец, то доклады командиров, то пора было трогаться дальше… но сейчас я даже рада, что так и не успела ничего представить. По тому что, что бы я там себе ни намечтала, это все равно было бы хуже того, что произошло на самом деле.

Трой согласно кивнул, потом растянул губы в глупой улыбке и с коротким смешком заговорил:

— А знаешь, когда играли свадьбы у нас в деревне, то жених должен был внести невесту в свой дом на руках. Через порог перенести… А в избе им делали что-то вроде этого. — Он кивнул на их огромную кровать под балдахином. — Так-то обычно спали на полатях, а на свадьбе… ну, в первую брачную ночь посреди избы укладывали снопы соломы, накрывали медвежьими и кабаньими шкурами, потом полотном в несколько слоев, а уж затем простыней. Дядька Мертул сказывал, что в других деревнях, ну, которые не поселенческие, эту простыню потом поутру вытаскивали наружу и на заборе вывешивали. Чтобы, мол, всем было видно, что невеста была нетронутая… — Тут он испуганно оборвал себя и тревожно уставился на Лиддит, гадая, не обидел ли он ее неосторожным словом, и кляня себя за глупый экскурс в прошлое.

Лиддит лукаво усмехнулась:

— Ну а у тебя как, Трой-побратим, невеста была нетронутая?

— Лиддит, — с испугом и недоумением забормотал Трой, — ты ж сама… ну, мы ж тогда еще, в таверне… я ж вообще… — Он умолк, совершенно сбившись, и растерянно отвернулся. Лиддит подняла руки и развернула его к себе. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, потом Лиддит наклонила его голову к себе и впилась ему в губы горячим поцелуем. Троя пробрала дрожь. А Лиддит, оторвавшись от него, окинула его взглядом каких-то… бешено-счастливых глаз и жарко прошептала:

— Ну так чего же ты ждешь, Трой-побратим, — снопы готовы…

Глава 6

Глав как раз покончил с похлебкой и придвинул к себе блюдо с жареной рыбой, когда дверь таверны с грохотом распахнулась и на пороге появился Трой.

Все в зале уставились на вошедшего. Да уж, Глав крякнул, на это стоило бы посмотреть. На Трое было надето не ставшее уже для Глава почти привычным Синее пламя, а какой-то совершенно новый доспех. Во-первых, он был алый. А во-вторых, покрывал тело Троя как змеиная чешуя. То есть… постой-ка, ну так и есть! Это и была змеиная чешуя. Чешуя раш. Только кем-то очень искусно выделанная и соединенная в полный латный доспех. Только еще более полный… Глав понимающе хмыкнул. Чего уж там кем-то… знаем мы этих «кем-то» и даже побратались в свое время.

Трой, глаза которого уже немного привыкли к сумраку зала, наконец-то отыскал взглядом Глава и решительным шагом двинулся к нему. Глав поспешно вскочил. Побратим-то он побратим, но ведь и герцог тоже…

— Ваша светлость…

Трой бухнулся на лавку. По залу пошел шепоток:

— Герцог…

— Герцог Арвендейл…

— Точно, он…

— Алый герцог…

— А ведь и верно, алый…

— Докладывай, — буркнул Трой, и не подозревавший о том, что только что получил прозвище, под которым останется в веках и легендах.

Глав покосился в сторону зала. Он был забит беженцами, в настоящий момент оставившими все дела и даже забывшими про пищу. Ибо они во все глаза пялились на того, кто был для них сегодня самой главной надёжей.

— Э-э, вот, господин Арил прислал вам донесение, — приглушенно доложил Глав, извлекая из-за пазухи письмо Арила. Трой тоже посмотрел на притихший зал, едва заметно с досадой поморщился и углу бился в чтение. Глав осторожно подвинул рыбу и принялся за дело. А что, пока Трой дочитает да пока расспросит, рыба уже остынет, а тут хоть что-то горячим успеешь съесть…

Трой читал долго, вдумчиво, вновь поднимая прочитанные и отложенные листки и снова пробегая глазами уже прочитанное. Глав успел покончить с рыбой и запить ее кружкой эля, когда

Трой наконец отложил листки и повернулся к Главу.

— Так… понятно. А чем Арил занимается сейчас?

— Ну… он думал еще немножко порыскать по окрестностям, пугануть орочьи патрули, чтоб хоть чуть-чуть попритихли, ну и, возможно, собрать по ближайшим лесам еще кого из тех, кто успел утечь из Эл-Северина.

Трой кивнул.

— Понятно… — Он хмыкнул и пробормотал себе под нос: — Алвур прям как знал…

Глав не понял этих слов, но продолжал молча сидеть, глядя на своего побратима и господина.

— Хорошо, — Трой поднялся, — пошли. Мы стали лагерем на берегу.

Глав молча кивнул, решив не спрашивать, кто это «мы». Все равно сейчас увидит.

«Мы» оказались почти двумя тысячами всадников и примерно шестью тысячами пехоты. Всадники были практически сплошь из наемников, а вот пехота на три четверти состояла из арвендейльцев. Остальную часть составляли наемники и северные варвары. Кроме того, в дальнем конце лагеря виднелись шатры эльфов. Гномов Глав не разглядел.

Трой въехал в лагерь и, притормозив Ярого, спрыгнул с седла, бросив поводья подбежавшему воину.

— Эрика ко мне, — коротко бросил он.

Глав покачал головой. Да уж, пообтесался Трой. Вон как лихо командует. А что? Встреться они вот только что, он бы к нему в сотню пошел. С радостью. Не то что в десяток. Да что там в сотню — Глав покосился на строгие ряды палаток — в войско…

Они только успели войти в штабную палатку, как на пороге нарисовался Два Топора.

— Звал, ярл?

— Да, Эрик, садись.

Трой подхватил лежавший в углу у легкого раскладного ложа дорожный мешок и, развязав его, вытащил оттуда свиток карты.

— Мне нужно, чтобы ты с родичами, несмотря на зимние шторма, отправился домой.

— Домой?! — Эрик обиженно вскочил, но Трой жестом приказал ему сесть обратно. И… гордый и необузданный северный варвар повиновался.

— Да, домой. Потому что по весне, причем ранней, еще когда не сойдут снега, мне нужно будет, чтобы вы перекрыли западное побережье империи. Приведи все корабли, какие только сможешь. Я хочу, чтобы вы никого не грабили и не брали на абордаж. Только не выпускали в море. Не дальше десятка двух лиг от

побережья. Тех, кто повинуется и возвращается либо, там, ловит рыбу в дозволенной зоне — не трогайте. По осени я заплачу за службу, ты меня знаешь.

Северный варвар задумчиво разглядывал карту.

— А если кто не подчинится?

— Тех — топить, — жестко приказал Трой. Он мгновение подумал и добавил более осторожно: — Если до весны ничего не изменится и я не прикажу обратного. Но плату все, кто придет, все равно получат. Понятно?

Эрик согласно кивнул. А Глав мысленно присвистнул. Эк как круто забирает герцог. Северные — ребятки крутые и не слишком любят терпеть над собой начальство. Да и когда терпят — все равно себе на уме. А море — штука такая, на нем границ не проведешь, доказывай потом, на десяток лиг ты от побережья или уже более. Да и кто спрашивать будет-то?

Когда Эрик покинул палатку, Трой выглянул наружу и приказал стоявшему у входа часовому:

— Собери командиров. — А затем повернулся к Главу:

— Куда Арил думал отходить в случае чего?

— По южному тракту, конечно, — ответил тот. — То есть не по самому тракту, а несколько западнее, по проселкам. Ну а фургоны он собирался отправить на юг, к тебе навстречу, буквально через пару дней.

Трой кивнул:

— Хорошо. — И после короткой паузы пояснил: — Большую часть я отправлю назад. Если орков в столице столько, то такими и даже с вдесятеро большими силами нам с ними все равно не тягаться. Так что я отошлю наемников и большую часть арвендейльцев. Оставлю только тех, кто уже имеет опыт войны из засад. А остальные пусть готовятся по последнему снегу в поиски по орочьим стойбищам. Если все орки-воины и шаманы сейчас действительно призваны этим самым Ыхлагом в Эл-Северин, то есть шанс вообще очистить от орков примыкающее к Арвендейлу побережье Долгого моря. А мы здесь устроим им теплую жизнь другого типа.

Глав понимающе кивнул, а потом спросил:

— А с Ыхлагом что делать будем?

Трой помрачнел.

— Не знаю. Надо будет добраться до Университета и поговорить с учителем. Может, подскажет что. Да и союзников поискать не помешает…

— Да уж, — вздохнул Глав, — даже не представляю, чем можно убить бога?

Трой усмехнулся.

— Ну чем — найдется… узнать бы как!

Тут в палатку начали заходить подошедшие командиры, и Главу не удалось уточнить, что Трой имеет в виду. А потом он заметил Бон Патрокла. И Крестьянина. Они обнялись. Марел сиял своей бесхитростной физиономией, но было совершенно ясно, что расспрашивать его о чем-то бесполезно. Даже если бы у него вдруг вырос язык. Ибо круг его интересов обычно ограничивался кухней и… свежим сеном. Поэтому Глав, шмякнув его по плечу, повернулся к Бон Патроклу:

— Привет, ты как?

— Живой. — Глав покосился на Троя. — А наш-то заматерел. Круто командует.

— Ну дык, — улыбнулся Бон Патрокл. — Семейная жизнь, она кого хошь матерым сделает.

— Семейная?

— Ну так он женился.

— На ком? — тупо спросил Глав и тут же осознал всю нелепость своего вопроса. Как будто у Троя были хоть какие-то шансы жениться на ком-то еще…

С фургонами они встретились в Нумере, столице герцогства Агронт. Не успел Трой, сопровождаемый пятью сотнями арвендейльцев, подъехать к городским воротам, как из них выскочил всадник.

— Господа, — закричал он притормозившим Трою, Главу и графу Шоггиру, — есть ли среди вас его светлость герцог Арвендейл? — Хотя его глаза уже были прикованы к Трою, издали заметному в своих алых доспехах.

— Да, это я.

— Я и не сомневался, ваша светлость, — улыбнулся всадник, — слухи об Алом герцоге дошли и до нас.

Трой слегка поморщился. Он еще не привык к такому своему величанию.

— Виконт Игреол, к вашим услугам, — продолжил между тем всадник, — мой господин герцог Агронт и его гости ждут вас с вашими спутниками к своему столу.

— Гости? — несколько неучтиво переспросил Трой. Но виконт не обратил на это внимания.

— Да, у нас в гостях несколько достойных господ, которые тоже с нетерпением ожидают встречи с вами. Среди них — граф Илмер и Верховный маг.

Трой переглянулся с Главом и графом и кивнул:

— Едем.

— Э-э, ваша светлость, — заикнулся Глав, и Трой, уже давший Ярому шенкеля, натянул поводья и повернулся к нему. — А я-то

там зачем?

Но Трой упрямо мотнул головой:

— Нет, и ты тоже. Арил был прав: если я пошлю тебя куда-нибудь в качестве доверенного гонца, ты должен представлять всю ситуацию не только с моих слов.

Замок герцога Агронта был не в пример меньше арвендейльского. Да и крепостью он мог бы считаться с большой натяжкой, ибо уже несколько сотен лет как был перестроен в сторону большего удобства в ущерб обороноспособности. Что, впрочем, было вполне объяснимо. Уже очень давно этой провинции, примыкавшей к центральной, считавшейся личным доменом императора, не грозили никакие военные напасти.

Герцог встретил гостей на нижних ступенях широкой лестницы, гостеприимно взбегавшей к тому, что раньше было внутренним двором, который нынче был почти полностью занят обширным дворцом и небольшим садом.

— Счастлив видеть, — радушно поздоровался он с Троем и с не меньшим радушием обнял графа. Глав удостоился пожатия руки.

— Идемте, господа, нас ждут.

Встреча в гостиной герцога тоже была очень теплой. Старые воины, оказавшись перед лицом тяжелого испытания, радовались тому, что рядом есть плечо друга, на которое можно опереться… И отдавали должное тому, кто показал себя не менее умелым воином и полководцем, чем они, сумев совершить то, что ранее всем представлялось совершенно невозможным.

После короткой встречи и представления друг другу (а в гостиной, кроме Верховного мага и графа Илмера, находились еще трое владетелей соседних провинций и около полудюжины дворян рангом пониже) хозяин дома предложил вновь прибывшим умыться с дороги и присоединиться к остальным в обеденном зале. Трой принял это предложение, но предупредил, что не сможет в полной мере воспользоваться гостеприимством хозяина дома и ночевать отправится к своим арвендейльцам…

Первый час обед шел в спокойной обстановке. Все насыщались, лишь граф Шоггир все время что-то выспрашивал у графа Илмера приглушенным голосом. Причем, судя по тому, что он все больше мрачнел, ответы Илмера его не радовали.

И только когда принесли десерт, Элиат Пантиопет аккуратно промокнул губы изящной салфеткой с монограммой герцога Агронта и повернулся к Трою:

— Могу я узнать, уважаемый герцог, что вы намерены предпринять?

Трой в свою очередь утерся салфеткой и, отодвинув тарелку с

десертом, повернулся к Верховному магу, по пути окинув взглядом всех присутствующих за столом.

— В этом, господа, я надеюсь на ваши советы.

Верховный маг удовлетворенно кивнул. То, что рассказывали об этом молодом герцоге, оказалось правдой, молодой человек полностью оправдывал его надежды.

— Несомненно. Мы в вашем полном распоряжении. Но нам хотелось бы знать, каковы ваши планы? И что вы уже успели предпринять? Ибо, — тут Пантиопет сделал паузу и окинул взглядом всех присутствующих за столом, будто напоминая им то, о чем они после жарких споров договорились вчера вечером, — мы не видим другого вождя, кто смог бы возглавить нас в это столь тяжкое время, кроме вас.

— Меня?… — ошеломленно повторил Трой. — Но… я не понимаю. Только здесь, за этим столом, находятся по меньшей мере трое, а возможно, и больше тех, кто, по моему мнению, мог бы в это смутное время взять на себя бремя… старшего среди владетелей империи и справиться с ним куда лучше меня.

Верховный маг вновь удовлетворенно кивнул. Да, похоже, он не ошибся и молодой владетель Арвендейла — именно тот, кто им сейчас и нужен.

— Возможно, в какой-то мере вы правы и среди нас действительно есть те, кто обладает большим авторитетом, влиянием и, уж точно, намного большим опытом. Но у нас у всех есть один большой недостаток… — Пантиопет сделал короткую паузу и, глядя молодому герцогу прямо в глаза, тихо произнес: — Никто из нас пока не сотворил ЧУДО.

— Чудо… — смутился Трой. — Да я…

— Да, — настойчиво прервал его Верховный маг, — именно. Никто из нас не смог совершить то, что всем без исключения казалось невозможным. Более того, ни у кого из нас нет в супругах родной дочери прежнего императора, и ни одного из нас простолюдины не зовут, причем восторженно и с придыханием, Алым герцогом… — Он сделал паузу, давая Трою время, чтобы справиться со своим смущением, а затем мягко продолжил: — И поэтому я опять прошу вас посвятить нас в ваши планы. Конечно, в той мере, в какой вы сочтете это возможным…

Из Нумеры они выехали спустя три дня. Еще через день Трой отослал вперед Глава с полусотней и тремя дворянами из числа тех, что присутствовали на том, первом обеде у герцога Агронта. Они выразили горячее желание присоединиться к Алому герцогу и к тому же, как выяснилось, отлично знали окрестности столицы. Глав должен был передать Арилу приказ о встрече в Месшере. Ибо Трой решил не приближаться к столице, а обойти

ее по дуге. Потому что ближайшим пунктом его назначения был Университет…

Сопровождать его в этой поездке вызвались Элиат Пантиопет и граф Шоггир. Граф Илмер, тоже ехавший сейчас вместе с ними, должен был взять на себя координацию операций в районе столицы. Ибо все три владетеля, присутствовавшие на обеде у герцога Агронта, обязались в течение недели отправить в окрестности Эл-Северина по сильному отряду с целью проведения партизанских операций. Такие же просьбы были разосланы с гонцами и многим другим владетелям. Так что скоро вокруг Эл-Северина должна была собраться небольшая армия, которая, конечно, не могла бросить открытый вызов двумстам тысячам орков, укрытых за высокими стенами Эл-Северина, да еще и поддерживаемых богом, но вот доставить множество неприятностей патрулям — вполне. Кроме того, из пяти сотен арвендейльцев, следовавших с Троем, три также должны были остаться как усиление Арилу.

Встреча Троя и Арила произошла у городских ворот Месшера.

Арил подъехал первым, опередив Троя на какую-то пару минут. Когда Трой вывернул из-за поворота, Арил стоял у коня, держа поводья в руке, но так и не въехав в ворота. Как видно, услышал топот.

— Ваша светлость, — учтиво поклонился он Трою, но тот спрыгнул с Ярого и крепко облапил побратима.

— Живой…

— Твоя школа… — расплылся в улыбке Арил.

Трой окинул взглядом столпившихся вокруг воинов.

— Ты что, всех сюда привел?

— Только арвендейльцев. Пусть с земляками поболтают, о родных узнают. А так нас там уже почти полсотни. Есть кому оркам шкуру дырявить…

— Потери?

Арил слегка скис.

— Из наших — шестеро. Пару раз сильно зажимали. У них теперь патрули обязательно с шаманом. Если первой стрелой не снять — глухой номер. Только — ходу.

Трой понимающе кивнул. И сменил тему:

— Как Бенан?

— А что ему сделается? Он у нас по хозяйственной части. На пару со стариной Глумом. Когда Глав прискакал, они как раз очередной раз за припасами отбыли. Приедет — узнает, что я с тобой виделся, — вот ругани будет.

Трой с усмешкой кивнул:

— Ладно, новости есть?

— Таких чтобы очень — нет. А так… есть кое-что. Например, на случай, если придется залезть внутрь Эл-Северина — уже пара вариантов имеется.

— Ну пошли — расскажешь…

Из Месшера выехали за два часа до полудня. Трой, как и собирался, доверил Арилу большую часть отряда, а к оставшимся с ним отобрал несколько бойцов из числа тех, что привел Арил. Как будущих проводников. Отряд заметно уменьшился, так что скорость движения немного возросла. Впрочем, не сильно. Ибо Элиату Пантиопету в его возрасте держать максимально возможный темп было не по силам.

Когда пересекали Рудный тракт, нарвались на сильный орочий патруль, скорее даже отряд фуражиров. Передовой дозор, слегка расслабленный после столь долгой спокойной дороги, зазевался и едва не выехал на тракт, прямо в лоб оркам. Коней успели затормозить в последний момент. Но орки уже заметили какое-то непонятное движение в перелеске и, шустро развернувшись, устремились в погоню. Когда стало ясно, что скрываться уже бессмысленно, дозор условным свистом оповестил остальных о том, что они вляпались. Впрочем, лишь на пару мгновений опередив куда более точный доклад — дружный рев догонявших орков.

В принципе, поскольку орки были пешими, существовала вероятность, что удастся скрыться. Но отступать пришлось бы прямо в лес. И Трой опасался, что, если придется взвинтить темп, многие кони могут поломать ноги. А это означало существенное снижение скорости передвижения. Да и вообще… руки чесались. Поэтому он знаками приказал рассыпаться по обеим сторонам предполагаемого маршрута движения свинорылых и спешиться.

Орки появились минут через десять. Сначала мимо легким галопом проскакал дозор (его было кому перехватить чуть дальше), а еще через пять минут появились первые твари. Трой пропустил первый десяток, который слишком далеко оторвался от основной массы (его должен был встретить остановившийся дозор и те, кто его встречал), и, дождавшись, когда поперла основная толпа, дал сигнал стрелять.

Первый залп оказался дружным, выкосив едва ли не четыре десятка тварей. Те на несколько мгновений растерялись, затормозив и принявшись крутить башками, соображая, откуда на них льется дождь стрел, а затем взревели и бросились в атаку. Трой успел спустить тетиву четыре раза, а потом вынужден был бросить лук и выхватить меч…

Он впервые дрался Тайной ветвью. Возможно, стоило и далее сохранять в тайне то, что он обладает этим артефактом. Тем

более что возможности были. Серебряный лист он вернул Алвуру, поскольку тот был его родовым мечом. Но у него на поясе болтался его старый верный полуторник из орочьего сплава, с которым он начинал свою карьеру наемника. Но Трою надо было хоть раз попробовать, что это за меч, как он лежит в руке, что может, а чего от него не стоит и требовать. И более удачного случая, чем эта схватка в чаще леса со случайным отрядом, могло больше не подвернуться. Просто надо было позаботиться, чтобы ни одна тварь не ушла живой…

Первый удар Трой нанес, едва орк проломился через узкую полоску кустов, за которыми они прятались. Длина лезвия Тайной ветви позволяла достать свинорылого еще за три локтя, и он воспользовался этим, решив посмотреть, насколько меч хорош в нахлесте. Свинорылый оказался неплохим воином. Заметив замах Троя, он умело закрылся ятаганом и… рухнул на траву, рассеченный на две половинки с такой легкостью, будто Трой ударил своим свеженаточенным полуторником по тонкому штакетнику. Трой даже едва не провалился вперед. На мгновение он замер, непонимающе глядя на разваленное напополам тело и две половинки ятагана, валяющиеся перед ним, а затем сделал шаг вперед и насадил следующего на клинок с такой легкостью, будто вогнал меч в воду. Третий рухнул от легкого движения слева направо. Четвертый сначала лишился обеих рук, а потом захлебнулся собственным криком. Тайная ветвь резал шлемы, доспехи, разрубал ятаганы с такой легкостью, будто устремлявшиеся к Трою твари были сделаны из бумаги или тонкой ткани.

Спустя десять минут все было кончено. Трой с несколько ошеломленным видом осторожно вытер клинок Тайной ветви и приторочил его к седлу, на прежнее место. Стоило ему на мгновение отвести глаза, чтобы окинуть взглядом поле только что закончившегося боя, как меч, когда он вновь взглянул на него, снова как будто превратился в обычную палку. Трой нервно усмехнулся. Да уж, ТАКИМ мечом точно можно было убить бога. Но вот всю технику боя ему придется перестраивать. Фехтовать таким мечом не получится. Слава богу, у него уже был опыт боя Серебряным листом, который он до сего дня считал самым великим из возможных мечей. Так что можно было надеяться, что и на этот раз он справится.

— Это то, что я думаю? — раздался над его ухом тихий голос. Трой оглянулся. Рядом с ним стоял Верховный маг.

— Вероятно, да, — осторожно ответил Трой. Он же не мог знать, что думает Пантиопет. Только догадываться…

Тот медленно кивнул.

— Что ж, это, ваша светлость, еще раз доказывает, что я был прав, когда предлагал вам возглавить наш союз.

— Только до того момента, как будет избран и коронован новый император, — огрызнулся Трой, напомнив об условии, на котором он согласился с Пантиопетом.

Верховный маг улыбнулся.

— Непременно, ваша светлость…

До Университета они добрались еще через полторы недели. Столп все так же сиял и упирался в небеса. Да и в крепости у подножия Столпа все было по-прежнему. Даже комендант не изменился. Да и слухи об Алом герцоге, похоже, добрались уже и сюда. Поэтому еще на выезде из леса их встретил усиленный патруль из шести человек.

Элиата Пантиопета узнали сразу. Во всяком случае имени Троя никто не спросил, зато сразу же начали именовать его «ваша светлость».

Обед у коменданта получился славный. Виконт жадно расспрашивал о том, что произошло в столице и других местах, а затем торжественно пообещал описать все в книге, которую, как выяснилось, он пишет со дня своего назначения.

Учителя Трой увидел вечером. В Столп они поднялись втроем — Трой, Верховный маг и граф Шоггир. У пандуса их встретили те же содержатели таверн, но, узнав Элиата Пантиопета, не стали предлагать постой, а жадно набросились на него с расспросами. Верховный маг учтиво ответил на несколько вопросов, а затем извинился и сказал, что должен идти. Троя, к его удивлению, особо не спрашивали. Только косились на его алую броню.

Игреон Асвартен ждал их в своей башне. Причем не один. Оказалось, что, пока они обедали, комендант послал с докладом солдата, так что, когда они вошли в башню ректора, их уже ждали. Все деканы факультетов, а также наиболее опытные профессора и маги.

— Элиат, — приветствовал вошедших Игреон Асвартен, — Трой, граф…

Все по очереди обнялись.

— Я прошу простить, возможно, вы хотите отдохнуть с дороги… — начал ректор, но Верховный маг прервал его жестом.

— Не нужно. Благодаря любезности коменданта крепости мы уже освежились и поели.

— Ну что ж, — с легким поклоном продолжил Игреон Асвартен, — в таком случае мы бы хотели, чтобы вы поделились с нами тем, что посчитаете достойным наших ушей.

Первым говорил Элиат Пантиопет. Он рассказал о том, чему был свидетелем в Эл-Северине. Затем граф Шоггир. Во время его

рассказа у Троя несколько раз вспыхивали щеки, потому что все, что говорил этот достойный воин и умелый командир, ну никак не могло относиться к нему, Трою. Потом снова слово взял Верховный маг. Кратко изложив результаты совещания в Нумере и принятые на нем решения, он повернулся к Трою и с легким поклоном передал слово «нашему лидеру».

Трой неловко поднялся, окинул взглядом присутствующих и, поежившись, пояснил:

— Это только пока не изберут нового императора. — Он кашлянул и, все еще смущаясь, продолжил: — И это как раз один из вопросов, по которым мы приехали в Университет. Ибо, как вы все знаете, человек, становясь императором, многократно увеличивает свои магические силы. И потому мы просим вас предложить кандидатуру какого-нибудь сильного мага, который бы существенно увеличил шансы людей в этом противостоянии, — с облегчением закончил Трой и перевел дух. Все молча смотрели на него. Трой повел плечами. Под пристальными взглядами Трою стало неловко. Он скосил глаза: может, развязался пояс? Все продолжали смотреть на Троя. И тут в его мозгу внезапно вспыхнуло: «…я сумел отыскать твой дар. И скажу тебе — он чрезвычайно мощен. Настолько, что в одной, пусть и довольно узкой области он едва ли не равен мощи императора…» Трой побледнел и, уставившись в глаза Игреону Асвартену, медленно качнул головой. Учитель грустно усмехнулся и тихо произнес:

— А ты что же, мой мальчик, считал, что в такие времена имеется так уж много кандидатов?…

Глава 7

— Первое, что нам надо сделать, — это вернуть корону, — спокойно говорил Игреон Асвартен, расхаживая по своему кабинету. — Без короны у тебя нет никаких шансов. Даже если ты сумеешь приблизиться к Ыхлагу на расстояние удара.

Трой сидел молча, внимательно и угрюмо слушая учителя. Кроме него, в кабинете находилось еще двое — Верховный маг и граф Шоггир.

— Затем надо провести церемонию коронации. Ибо само наличие короны еще ничего не решает. На голове некоронованного она всего лишь приятное глазу украшение. Не более…

— А она обязательно должна быть у меня на голове? — все так же угрюмо спросил Трой.

— Непременно. Физический контакт очень важен. Я думаю, нашего бедного ныне покойного императора застали как раз в тот момент, когда у него на голове не было короны. Иначе бы у нападавших ничего не вышло. Он бы развеял их в пепел раньше, чем им удалось бы хоть что-то предпринять.

Все, кто был в кабинете, переглянулись. Увлекшись, ректор Университета иногда начинал говорить очевидные вещи. Какая голова? Ну где может быть корона императора поздней ночью? Даже если он еще не спит, а занимается в спальне какими-то… другими делами. Ну не извращенец же он, в конце концов.

— Так вот. Коронация, как вы все знаете, возможна не ранее чем через год после того, как умер прежний носитель короны. Считается, что это время корона «в трауре» по усопшему. Так что время у нас пока есть. Но немного. Ибо совершенно точно, что это же знает и Ыхлаг. И потому он, несомненно, позаботится о том, чтобы по прошествии этого времени наши шансы получить корону сильно уменьшились. Если вообще не оказались бы нулевыми.

Все переглянулись. Да уж, это не вызывало сомнений.

— Далее. Место коронации. — Игреон Асвартен остановился и потер лоб. — Столичный храм Сумрачных сестер отпадает. Или, вернее, переносится в конец списка. Ибо даже если мы сумеем туда попасть, вряд ли у нас будет достаточно времени, чтобы завершить церемонию. Но это не беда. Есть еще по крайней мере два места.

Верховный маг заинтересованно подался вперед.

— Во-первых, святилище Каменного зуба. — Ректор покосился на разочарованные лица присутствующих и тихонько

рассмеялся. — Ну… этот вариант будем считать лучшим только по сравнению со столичным храмом. А более предпочтительным я считаю башню Гвенди в Эгмонтере…

Когда совещание закончилось и гости ректора начали покидать его кабинет, Игреон Асвартен негромко позвал:

— Трой.

Герцог Арвендейл, уже шагнувший за порог, вздрогнул и остановился. Секунду он медлил, будто пытаясь убедить себя, что ослышался, а затем нехотя повернулся.

— Да, учитель.

— Все еще дуешься?

Трой досадливо сморщился.

— При чем тут дуешься? Я НЕ МОГУ быть императором. Ну ладно, возможно, мне удастся подобраться к Ыхлагу на расстояние удара, возможно, я сумею не рассыпаться в пыль в тот момент, когда он займется мною всерьез, возможно, я даже сумею отправить его туда, откуда он пришел. Но дальше-то что?

Игреон Асвартен покаянно развел руками:

— Трой, я понимаю, это сложно…

— А-а, — Трой отчаянно махнул рукой, — что вы можете понимать? Я с герцогством-то не знаю, что делать! Пока только вроде как научился сохранять вид, что все идет, как я и планировал, даже если сам ни бельмеса не соображаю, что происходит. Слава богу, у меня есть Лиддит. А тут…

— А разве она куда-то денется? — мягко возразил учитель.

— Да не в этом же дело! — в крайнем отчаянии воскликнул Трой.

Игреон Асвартен покачал головой. В таком состоянии Трой пребывал уже третий день. И никак не хотел из него выходить. А это ставило под угрозу все их планы. Да и жизнь самого Троя. Если человек, которому предстоит, преодолевая неимоверные препятствия и происки врагов, сделать невозможное, твердо уверен в том, что в конце его ждет не награда, счастье или хотя бы отдых, а, наоборот, тяжкое наказание, то у него может появиться соблазн… нет, не уйти в сторону и не скинуть с плеч эту кажущуюся неподъемной ношу. Ректор Университета был уверен, что Трой упрямо пойдет до конца, если будет считать, что таков его долг. В этом молодом человеке вообще было вложено природой ли, кровью ли, учителями ли столько истинного благородства, что он порой удивлялся… Просто человек в таком состоянии духа мог во время очередного испытания… несколько раньше решить, что ему это не по силам, чем оно станет так на самом деле.

— Трой… сядь, — тихо попросил Игреон Асвартен и кивнул

ему на свое кресло. Ученик недоуменно посмотрел на своего учителя. Кресло ректора — вещь почти сакральная. Когда он, еще будучи начинающим учеником, убирался в его кабинете, ему запрещалось не то что садиться в это кресло, а даже просто сдвигать его с места. Даже чтобы протереть под ним пол. И вот учитель…

— Сядь, — вновь повторил Игреон Асвартен, на этот раз властно указывая на кресло рукой.

Трой еще раз покосился на учителя, а затем медленно подошел к столу ректора и осторожно опустился в его кресло.

— Удобно ли тебе? — заботливо спросил Асвартен.

Трой пожал плечами.

— Да, учитель.

Игреон Асвартен понимающе кивнул.

— Ты прав. Там вполне удобно. Вытяни правую руку.

Трой повиновался.

— Видишь, твои пальцы нащупали шар. Стоит его сжать, как спустя минуту в дверях появится повар с подносом, на котором будет стоять кувшин горячего эвли. А если ты сожмешь его дважды, то еще быстрее, чем повар, появится акка Колиер. Ты помнишь его?

Трой кивнул. Это был личный секретарь ректора. Но он пока не понимал, к чему ведет учитель…

— Там, — Игреон Асвартен указал вниз, — в крепости у подножия Столпа на случай, если я решу куда-то отправиться, постоянно наготове ждет меня удобная карета и сотня охраны. А еще, — он сделал широкий жест рукой, обведя кабинет по кругу, — эта башня. Она моя пожизненно.

Трой молчал. Ректор вздохнул:

— Как ты думаешь, я согласился стать ректором Университета из-за этого?

Трой медленно покачал головой, а его глаза сделались задумчивыми. Игреон Асвартен вновь прошелся по кабинету.

— Власть — бремя, гранитная плита, которая обрушивается на тех, кто способен удержать ее на своих плечах, не тогда, когда они этого хотят, а тогда, когда они это могут! Даже если они сами не подозревают об этом. И… вспомни, что писал авва Ирин: «Можешь — значит должен!»

— Но я… не хочу, — грустно прошептал Трой. — Мне… страшно. Почему бы не поручить это тому, кто достоин и может не менее меня, но еще и хочет!

— Если бы ты мог себе представить, — грустно улыбнулся Игреон Асвартен, — сколь многие из тех, кто хочет, более того, страстно желает, на самом деле… не могут, — Он сделал

короткую паузу и заговорил уже совершенно другим тоном:

— Там, на западе, есть земля, называемая Глыхныг, что означает «земля, попираемая орками». Но люди там уже давно забыли, что означает название их земли на языке орков. Они думают, что это такое же слово их языка, как и любое другое. И означает оно всего лишь «родина». Так вот они… воплотили твое желание. У них действительно, для того чтобы принять на себя бремя власти, не нужно ни воспитать в себе благородство, ни доказать тем, кто уже несет на себе это бремя и знает, каково оно, что ты достоин его. Нужно лишь желание. И… способности к демагогии. И, пожалуйста, ты начнешь восхождение к вершинам власти — ступень за ступенью. Пока не поднимешься к самым вершинам. Ну или на сколько у тебя хватит беспринципности, которую они стыдливо называют прагматизмом, и способностей… в основном, опять же, к демагогии. Они вообще любят использовать слова не для того, чтобы обнажать суть вещей, а, наоборот, чтобы прятать ее, маскировать… Ну да я сейчас не об этом… Так вот, могу тебе сказать, что редко кто из их вождей, которых они выбирают на некий довольно небольшой срок, уходил со своего поста, не будучи обруганным и оплеванным большинством населения. И это закономерно. Поскольку любой из них, придя к власти всего лишь на короткий срок, к тому же с помощью других прагматичных, рвущихся вверх по лестнице власти, вынужден думать не столько о домене, которым ему править до самой своей смерти и который он потом передаст детям. Причем передать этот домен он может только весь, целиком, а не отпилив от него самый сладкий кусочек и наплевав на остальное. Нет, он вынужден думать о том, что он сумеет отпилить, пока находится у власти. И даст отпилить другим прагматичным. Остальное — вторично…

Трой изумленно смотрел на учителя. Столь нелепая конструкция никак не укладывалась у него в голове.

— А как же люди? Крестьяне, ремесленники, купцы, наемники, служилое сословие? Неужели они этого не видят?

Игреон Асвартен вздохнул:

— Есть древнее изречение: «Можно бесконечно долгое время обманывать небольшое число людей. Можно не очень долго обманывать весь народ. Но никому и никогда не удавалось обманывать весь народ бесконечно долгое время».

— И… что? — спросил Трой. Ему казалось, что это изречение как раз и подтверждает его удивление по поводу того, что люди все еще терпят этот обман.

— Я же говорил — их вожди властвуют очень недолго. И потому имеют возможность обманывать. А когда часть правды

выходит на поверхность, то есть чаще даже и нет, просто состояние дел становится таковым, что терпеть уже больше невозможно, — они отправляют такого правителя в отставку. Обвиняя во всех неудачах не то, как устроена власть, а конкретного человека и его окружение. И взамен избирают другого, чаще всего такого же. При этом старый даже не несет никакого наказания за все, что он совершил. Ну… или чисто символическое. Они называют это толерантностью.

— И Палата пэров не отбирает у таких домены? — не поверил Трой.

— У них нет ни Палаты пэров, ни доменов. Все временно — власть, владение… и потому они так торопятся. К тому же… прагматичные уделяют большое внимание тому самому обманыванию народа. Ты не поверишь, но люди земли Глыхныг гордятся этой своей системой временности вождей. Она дает им иллюзию, что они сами участвуют в управлении своей землей. Ибо если, мол, вождь неспособен, то мы его просто не выберем на следующий срок или, если уж совсем допечет, тут же отстраним от власти. И выберем более способного. Не понимая, что выбирать придется из точно таких же, поскольку выбор у них всегда идет из числа уже отобранных. Как бы ни казалось некоторым, что эти кандидаты пробиваются сами. Ибо чтобы иметь шанс пробиться, необходимо вступить в союз с прагматичными и теми, кто за ними стоит. Потому что без их поддержки, без денег, без возможностей, без того, чтобы тебя славословили на площадях, ты не попадешь в обойму тех, из кого выбирают… — Игреон Асвартен сделал паузу и затем закончил; — Хотя даже и у них бывают удачи. И тогда этот человек возносится практичными на самый верх пьедестала. Предоставляя им новые возможности для обмана и сокрытия сути…

Трой некоторое время сидел, потрясенный рассказом. А затем тихо спросил:

— Но… как такое могло случиться?

— Орки, — коротко ответил учитель, а затем пояснил: — Им надо было придумать такую власть, которая не могла бы осуществлять долгую волю. Во всяком случае без их разрешения и поддержки.

Трой озадаченно потер лоб.

— Так западные орки что же, не жрут людей?

Игреон Асвартен усмехнулся:

— Ну почему же, жрут. И еще как… Регулярно и планомерно! Просто они убедили людей земли Глыхныг… а вернее, те сами убедили себя, конечно, при не большой помощи орков, что это

«не слишком большая плата за те преимущества, которые предоставляет нам наш образ жизни». Люди — существа довольно легко внушаемые. Во всяком случае — простые люди, не обремененные такой тяжелой, не совсем понятной и на первый взгляд бесполезной вещью, как благородство. К тому же среди людей всегда находятся прагматичные, готовые сделать все что угодно, лишь бы пробиться к вершинам в той пирамиде власти, которая действует в данный момент.

Трой некоторое время сидел, переваривая сказанное, а затем невольно вздрогнул. Игреон Асвартен улыбнулся.

— Вот видишь. Неужели ты хочешь, чтобы и у нас было так же? Даже если это снимет с тебя обязанность стать императором.

Трой скрипнул зубами:

— Ну уж нет. Своих арвендейльцев я им не отдам. Подавятся! — Он встал. — Учитель, я все понял. Давайте закончим этот разговор. Я думаю, нам пора. Мне бы очень не хотелось упустить корону и потом отправляться за ней в эту вашу землю Глыхныг…

Когда Трой покинул кабинет, Игреон Асвартен долго сидел, глядя на дверь, закрывшуюся за его спиной, а затем откинулся в кресле и, опершись затылком о кожу спинки, прикрыл глаза. Он был совсем не уверен, что Трою не придется отправляться в землю Глыхныг. Вернее, он был почти уверен в обратном…

Университет они покинули этим же вечером. Переночевали в крепости у подножия Столпа, а с рассветом тронулись в путь. Трою и Элиату Пантиопету (который воспользовался случаем и вновь полностью зарядил свой знак-амулет) предстояло добраться до Подгорного царства, где им надлежало заключить союз с Подгорным троном. А граф Шоггир с небольшой свитой из числа арвендейльцев должен был отправиться в Светлый лес с той же задачей.

До Пармелины они добрались вместе, а затем их пути разошлись. По дорогам ходили слухи один страшнее другого. Говорили, что орки уже не просто проводят разведку и охотятся за продовольствием, а просто режут и поедают людей. Что в столице то ли состоялась, то ли вот-вот должна состояться Великая черная месса, на которой будут жестоко умерщвлены пленники, взятые темным богом Ыхлагом в императорском дворце. О том, что владетели собрали войско и попытались отбить столицу, но темный бог уничтожил всю собранную армию.

Каррохам они миновали, когда погода явно повернула на весну. Несмотря на то что в лесу и по обочинам дорог еще лежали сугробы, солнышко уже начало припекать, а сами дороги (кроме мощенных булыжником императорских столбовых трактов)

изрядно развезло.

Гномов они встретили далеко от ворот Подгорного царства, у сторожевой башни, которая, как еще перед первым визитом в Подгорное царство рассказывал Трою Гмалин, означала начало владений Подгорного трона. В тот раз она была пуста. В отличие от этого…

— Что нужно людям во владениях Подгорного трона? — довольно нелюбезно обратился к ним гном, за кованный в тяжелую броню и стоявший впереди полу сотни столь же грозно упакованных воинов, перегородивших им дорогу.

Трой спрыгнул с Ярого и, отвесив учтивый поклон, спокойно представился:

— Я — герцог Арвендейл. Наш император погиб, и меня выбрали представлять людей, пока не будет коронован новый. Я бы хотел встретиться с царем Под Горой.

— Зачем?

— Чтобы обсудить, как мы можем помочь друг другу избавиться от страшной опасности, нависшей над нашими народами.

Лицо гнома исказила ненависть.

— Это вы, люди, виновники той опасности, что нависла над нашим народом. Мы, гномы, не имеем к ней никакого отношения!

Трой, с трудом сдержавшись, спокойно ответил:

— Да, мы признаем, что один из нашей расы является виновником. Но это ни в коем разе не означает, что большинство из нас не готово положить свою жизнь, чтобы вернуть темного бога туда, откуда он появился. И если мы потерпим неудачу, то вы, гномы, останетесь с ним один на один. Не будет ли более разумным…

— Нет! — взревел гном. — Подгорный трон не будет иметь никакого дела с теми, чей родич вызвал в наш мир темного бога! Уходите и не возвращайтесь. Ибо в следующий раз вас встречу не я, а арбалетные болты. — Он развернулся и исчез в глубине своего небольшого, но для путников достаточно опасного хирда.

Трой еще несколько мгновений стоял, борясь с охватившим его гневом, а затем повернулся и бросил взгляд на Верховного мага. Тот медленно покачал головой. Трой вздохнул и, вскочив на Ярого, развернул его и тронулся в обратный путь…

До таверны дядюшки Глума они добрались, когда уже вовсю бежали ручьи. Трой сбросил поводья в руки подбежавшего коновода и, подойдя к Арилу, крепко обнял его. А затем, отстранившись, с тревогой спросил:

— Что случилось?

— Граф Илмер погиб, — глухо ответил Арил, — и еще

полторы тысячи вместе с ним.

Трой мгновение помолчал, переваривая страшную новость, а затем с натугой спросил:

— Как это произошло?

Арил искривил рот в горькой усмешке:

— Мы забыли, что имеем дело с богом… — Он немного помолчал, а затем продолжил: — Сначала все складывалось хорошо. Мы приучили свинорылых принимать нас всерьез, поэтому их отряды, рыскавшие по округе, становились все больше и больше. Но, поскольку к нам тоже подошли подкрепления, это было только нам на руку. Меньше гоняться за каждым отдельным орком… До того момента, пока граф не решил устроить крупную засаду. Мы специально сделали так, чтобы они решили, будто мы собираем весь скот, оставшийся в округе, в одно место, и им захотелось бы отбить его. Граф подготовил искусную засаду. В которую, по нашим расчетам, должны было попасть почти пять тысяч орков… Но тут вмешался ОН… — Голос Арила пресекся, но он справился с собой и продолжил рассказ: — Как все произошло я, конечно, не видел. Но что после этого осталось — да. А осталось выжженное пятно диаметром в две лиги, в котором было превращено в пепел все, даже камни домов… Он не пожалел и своих. Хотя я сильно сомневаюсь, что их там были те самые пять тысяч… — Арил замолчал.

Трой снял шлем и некоторое время стоял, безмолвно отдавая дань памяти славному воину и тем, кто погиб вместе с ним, а затем спросил:

— А как сейчас?

— Не очень, — ответил Арил. И пояснил: — Наши успехи привели к тому, что они начали жрать людей… жителей Эл-Северина. Где-то через неделю после того, как свинорылые поставили это дело на поток, они выгнали из города несколько калек, у которых сожрали, скажем, обе руки. Или ногу. Чтобы они рассказали нам, как обстоят дела. Так что мы теперь даже не можем сильно щипать их фуражирские отряды. Так — пяток стрел с дальнего расстояния, чтобы оставшихся хватило довести караван с едой до городских ворот.

Трой понимающе кивнул.

— И еще, — продолжил Арил, — у них появились халгалы…

— Кто? — не понял Трой.

— Халгалы. Предатели. Прислужники орков. Они теперь несут стражу на улицах и стенах. На внешнюю стену орки их не допускают, да и в Высоком городе их не видать. Зато в Большом городе — на каждом шагу… — Арил зло сплюнул, а Трой внезапно вспомнил: «…среди людей всегда находятся

прагматичные, готовые сделать все что угодно, лишь бы пробиться к вершинам в той пирамиде власти, которая действует в данный момент».

Они-то как раз и отбирают тех, кто идет оркам в котлы и на вертела…

Трой молча сжал плечи побратима. Арил тяжело вздохнул и поднял глаза на своего побратима и суверена:

— Ну а вы как? Получилось что?

Трой молча кивнул, решив не углубляться в подробности.

— Ты мне скажи, корона еще в городе?

— Должно быть, да. Во всяком случае, на запад мы не пропустили ни одного отряда. Да и не отправлялось туда достаточно сильных. Только патрули.

— А они не могли сначала двинуться на юг и только потом на запад?

Арил пожал плечами:

— Да, пожалуй, нет. Не думаю, что они рискнут везти корону без сильной охраны, а из более-менее приличных отрядов от нас вырвался только один. Изрядно пощипанный. Еще зимой, вскоре после того, как ты уехал. И тот ушел по Рудному тракту. А потом его все равно кто-то достал…

Трой кивнул. Он даже знал, кто…

— Хорошо, значит, будем считать, что корона еще в городе.

Следующие двое суток они потратили на то, чтобы спланировать рейд в город. И хотя многие были против, считая, что шансы на успех мизерны, а вот на то, что Трой будет схвачен или убит, напротив, очень высоки, спор прекратил сам Трой. Он сказал:

— Сидя здесь, где мне ничего не угрожает, я корону не найду.

— Но почему идти должны вы, ваша светлость? — не сдавался Бон Патрокл.

— Потому что больше всего шансов найти корону именно у меня, — просто ответил Трой. — Хотя бы потому, что я уже делал то, на что, как все считали, тоже не было никаких шансов.

На это возразить было нечего…

Через внешнюю стену перебрались у Золотых ворот. Там было самое яркое ночное освещение во всем Нижнем городе, а поскольку орки в темноте видели гораздо лучше людей, то это было скорее преимущество, чем недостаток. Тем более что от Золотых ворот до стены Большого города было ближе всего. Да и между Большим и Высоким с этого направления также было самое малое расстояние.

В группу под командой Троя вошли трое — сам Трой, Крестьянин, все время с таким упорством увязывавшийся за

Троем, что ему подумалось — он во что бы то ни стало решил занять место его личного телохранителя, и Глав. Арил с сотней занял позицию на опушке, чтобы в случае чего прикрыть отход. Хотя на то, что им удастся вернуться обратно этой же ночью, никто не рассчитывал.

Нижний город они проскочили быстро. Орки настолько привыкли к тому, что люди здесь стараются вообще не высовывать нос за двери, а уж тем более ночью, что даже не патрулировали улицы Нижнего города. Просто сидели у костров, на которые пошли близлежащие деревья, заборы и, похоже, двери некоторых домов, чьи проемы сейчас были занавешены старыми одеялами…

Стену Большого города тоже преодолели быстро. А вот затем пошло хуже. Улицы в Большом городе оказались полны народа. То есть, конечно, по сравнению с Нижним. Едва они вышли из боковой улочки, примыкавшей к стене, как на Трое повисла какая-то пьяная женщина.

— Ой, какой красавчик! И вовсе неправда, что в халгалы идут одни уроды. Красавчик, а угости меня выпивкой. Не пожалеешь, обещаю… — Она противно захихикала. Трой замер, не зная, как реагировать. Положение спас Глав. Он лихо шлепнул дамочку по заднице.

— Не приставай к моему другу, красавица. Он немой. А вот я…

Женщина окинула Троя разочарованным взглядом:

— Фи… опять урод. — Но тут же с готовностью развернулась к Главу: — А ты тоже ничего.

— Ну так веди, — громко рассмеялся Глав. — Только куда-нибудь в славное местечко, а не в эти забегаловки поблизости. Куда-нибудь поближе к Высокому.

Они так и прошли через весь Большой город следом за Главом с пьяной проституткой. Впрочем, вряд ли она была проституткой в прежние времена. Уж слишком из хорошей ткани были сшиты ее платье и чепец…

Быстренько влив в проститутку почти целую бутылку дешевого вина, все трое выскользнули из таверны и нырнули в узкую улочку, примыкавшую к скале, на которой возвышался Высокий город. Трой помнил, что где-то здесь была тропа, по которой они с Алвуром поднимались на скалу к тайной дверке в стене, укрытой вьюном. Вот только как отыскать ту едва заметную тропку ночью…

После почти часа поисков они остановились передохнуть у темной стены одного из богатых домов. Окно над головой Троя оказалось приоткрытым. И спустя мгновение он услышал голоса.

Сначала дрожащий девичий:

— Ну пожалуйста, ваша милость…

— Что? Небось теперь вспоминаешь, как смеялась надо мной с подружками тогда в таверне, — послышался в ответ глумливый мужской. — Вот тебе твоя гордость таперича и отольется. Раздевайсь!

— Но, ваша милость, я могу надеяться, что мой отец…

— Не-а, — заржал мужчина. — Твой папаня пойдет в котел хозяевам. И точка! Нечего было тогда велеть своим работникам гнать меня со двора. А вот если ты будешь со мной не шибко нежной, то вслед за ним туда же отправятся и остальные твои родичи. И мать, и бабка, и брат, и сестренка… А что, хозяева любят нежненькое мясцо…

Трой в бессилии скрипнул зубами. Вряд ли он сейчас мог помочь этой незнакомой девушке… Да уж. Сколь чудовищными могут быть «простые люди, не обремененные такой тяжелой, не совсем понятной и на первый взгляд бесполезной вещью, как благородство». Страшнее орков…

Тропку они отыскали ближе к утру. И дверка также оказалась на месте. Под спутанной массой засохших стеблей. Вот только отодвинуть ее от стены одним движением, как это делал Алвур, Трой смог только после того, как, по какому-то наитию, прикоснулся к вроде как совершенно безжизненной путанице прошлогодних стеблей Тайной ветвью.

Меллирон оказался срублен, а вся поляна истоптана орочьими следами. Трой вздохнул: что ж, этого стоило ожидать. Однако чуть вдалеке виднелось несколько тоже достаточно высоких деревьев…

День они провели в кроне дуба, росшего почти прямо над оградой императорского дворца, зорко наблюдая за тем, что происходило во дворе.

Когда Глав первый раз увидел то, чем стал теперь Эгмонтер, он едва не свалился с ветки. А затем торопливо дернул за плечо Троя, смотревшего в этот момент в другую сторону. Трой резко развернулся. Некоторое время они оба сопровождали взглядом получеловека-получервяка, с высокомерным видом ползущего по дворикам и лестницами императорского дворца, а затем Трой насторожился.

— Куда это он пошел? — тихо прошептал он. А затем торопливо извлек из-за пазухи план императорского дворца. — Темницы! — Трой задумался. Похоже, кое-кто из прежних обитателей этого дворца еще жив. И, возможно, они могли натолкнуть их на правильный путь.

В темницы они проникли сразу после полуночи. Был вариант

снять орков-часовых, тем более что те несли службу из рук вон плохо. Но Трой воспользовался тем, что Тайная ветвь с легкостью резала не только доспехи, но и камень, и прорубил проход из тесной, темной и, судя по паутине не только в углах, но и на дверном проеме, уже давно, как видно, никем не посещаемой кладовки, в которую они пробрались, прямо на нижнюю площадку лестницы, ведущей вниз, к камерам. Вырубленный блок они просто выставили внутрь кладовки, чтобы, когда будут возвращаться, аккуратно вставить его на место.

Дверь в коридор, куда выходили двери камер, Трой отворил, просунув клинок между краем двери и косяком и срезав язычок замка. Несколько мгновений они прислушивались, не насторожились ли орки-часовые, а затем бесшумно скользнули внутрь.

— Эй, есть кто живой? — тихо позвал Глав, приникнув к маленькому зарешеченному окошку. Несколько мгновений в камере ничего не происходило, а затем послышались шаркающие шаги и хриплый голос ошеломленно произнес:

— Люди?…

Трой тихо приказал:

— Отойдите от двери. Мы сейчас ее откроем.

Когда дверь камеры распахнулась, на ее пороге возник тот самый придворный, который встречал его во дворце и сопровождал к императору.

— Господин мажордом…

— О Светлые боги, герцог Арвендейл! Как вы здесь оказались?

— Мы ищем корону, — не стал углубляться в ненужные разговоры Трой. — Вам ничего не известно о том, где она может находиться?

— Мне — нет, — мотнул головой мажордом, — но на две камеры дальше заперт граф Лагар. К нему почти каждый день приходит… вернее, приползает этот червяк Эгмонтер. Возможно, ему удалось что-то выведать?…

— Граф, если вы меня слышите, не приближайтесь к двери, — отрывисто приказал Трой в такое же узкое окошко на камере графа Лагара. После чего отступил на шаг и легко взмахнул Тайной ветвью. Дверь распахнулась.

— О темны… — привычно начал мажордом, увидев графа Лагара, распятого на пыточном щите, но тут же осекся. Как будто вспомнив, КТО находится всего лишь этажом выше.

— Приветствую, господа, — с натугой произнес граф Лагар. — Как видите, я не мог бы подойти к двери, даже если бы очень захотел… Что привело вас в столь негостеприимное место?

— Мы ищем корону, — повторил Трой. — Сейчас мы вас снимем, а потом выведем отсюда. Орки не слишком хорошо наладили стражу, так что…

Граф Лагар хрипло рассмеялся:

— Вы не сможете забрать меня с собой. У меня уже давно отнялись руки и ноги, и потому вам придется меня тащить. А вы не можете протащить меня на руках через весь город. И через все три стены. Как бы вам этого ни хотелось. Во всяком случае со сколь-нибудь реальными шансами на успех… Но что касается того, чем вы интересуетесь, то мне известно, где находится корона. — Он осекся и тяжело, со всхлипом вздохнул. А потом попросил:

— Господа, у стены кувшин с водой…

Трой молча поднял кувшин и поднес ко рту, покрытому кровавой коркой. Граф Лагар судорожно глотнул, потом еще…

— Благодарю, — он перевел дух. — Так вот, наш великий червяк Эгмонтер регулярно посещает меня и рассказывает о своих успехах и достижениях на службе хозяину. Поэтому я знаю, что корона покинула город еще две недели назад.

— Невозможно! — воскликнул Глав, тут же испуганно прикрыл рот рукой и тихо проговорил: — В последние две недели ни один отряд орков не…

— Ее увез не орк, а человек, — оборвал его граф. — Некто Беневьер. Старый слуга Эгмонтера и большой специалист по обделыванию темных делишек. Так что сейчас он или на подходе к Долгому морю, или уже плывет по нему.

Трой и Глав в отчаянии переглянулись. Впрочем, была еще надежда на Эрика…

— Господа, — вновь подал голос граф Лагар, — поскольку мне не суждено идти с вами, я… прошу вас о последней милости.

Трой молча кивнул и взмахнул Тайной ветвью, примеряясь, как бы поаккуратней отделить графа от пыточного щита, но тот прохрипел:

— Нет. Здесь. На месте. Пусть он до самого последнего момента не догадывается… — и, искривив рот в жуткой гримасе, которую лишь человек с большим воображением мог бы принять за усмешку, договорил: — Жаль, я не увижу его рожи в тот момент, когда до него дойдет, что я мертв.

Трой несколько мгновений вглядывался в переполненные мукой… но и гордостью, черт возьми, глаза бывшего первого министра и склонился перед ним в самом глубоком поклоне, на который только был способен. А затем воздел меч…

Часть III
Земля Глыхныг

Глава 1

— Пошел! — От грубого тычка Беневьер едва не полетел на камни причала.

— Эй, поосторожней… — буркнул он. Но здоровенный орк, одетый в кожаные жилетку и шорты, с бляхой портового досмотрщика прямо-таки героических размеров на кожаном же шнурке, небрежно обмотанном вокруг запястья, только оскалил клыки. Возможно, здесь это обозначало улыбку. Возможно, даже любезную…

Из императорского дворца Беневьер выбрался почти сразу же после того, как темный бог (а он сразу понял, что это не просто демон или, там, аватар, что ли… в ипостасях отродий Тьмы Беневьер разбирался не очень) расправился с гвардейцами. Как это произошло, он так и не понял. Только что темный бог возник внутри пентаграммы, и вот уже его лапы пришли в движение, и стоящие впереди него и по сторонам люди буквально взрываются изнутри. Причем не только гвардейцы, но и джериец, в полном оцепенении вжавшийся в стену напротив двери.

В этой бойне уцелели только трое. Его господин, герцог Эгмонтер, во время всего происходящего валявшийся на полу в бывшей спальне теперь уже точно бывшего императора. Сам Беневьер, за мгновение до того, как темный бог двинул лапами, каким-то звериным нюхом почуявший, что сейчас произойдет что-то страшное и тоже упавший на пол, более того, даже попытавшийся вжаться в него, вбить свое тело в невидимые глазу щелки и трещины между плитами. И какой-то маг, ворвавшийся в спальню вместе с гвардейцами. Похоже, маг был очень силен (Беневьер сказал бы глуп, но маг доказал, что это не так, уцелев под ударом бога), потому что сначала даже попытался растянуть свой полог, чтобы защитить не только себя, но и гвардейцев. Однако магический удар темного бога был столь чудовищен, что полог мгновенно схлопнулся в сферу, да и в таком виде едва не поддался. Этот маг и дал Беневьеру возможность скрыться. Потому что темный бог взревел и вновь ударил. Но на этот раз точно по пологу мага.

Пользуясь тем, что Темный сосредоточил свое внимание в конкретной точке, Беневьер ужом скользнул в зиявший щербатым оскалом проем вынесенной гвардейцами двери и бочком-бочком выбрался наружу. Там он сломя голову бросился к калитке, через которую они проникли на территорию дворца. Возможно, это был не лучший маршрут отступления, ибо для того, чтобы добраться до ворот Высокого города, ему надо было обежать практически

весь дворец. Причем калитка располагалась почти в центре длинной тыльной стороны дворца. Но поиски более короткой дороги в незнакомых хитросплетениях дворцовых коридоров могли потребовать еще больше времени. Потому он решил отступать знакомым путем. И это оказалось ошибкой…

Когда он наконец добрался до ворот, орки уже расправились с караулом и валом валили вниз, в Большой город. Внизу, в конце пологого спуска, ведущего к захваченным орками воротам Высокого города, еще кипела круговерть яростной схватки, но, судя по тому, что орки перли нескончаемым потоком, отчаянно сражающимся людям осталось недолго…

Беневьер спрятался за углом конюшни, примыкавшей к стене Высокого города, поблизости от угловой башни, надеясь, что рано или поздно этот поток орков прекратится (ну не может же он быть бесконечным) и тогда ему удастся проскользнуть, но минуты тянулись за минутами, а орки все перли и перли. Так что спустя некоторое время Беневьер понял, что даже если этот поток вскоре кончится — соваться в город, набитый ТАКИМ количеством орков, да еще явно вошедшим в раж — чистое безумие. И потому потихоньку отступил.

Первые пару дней он провел, скрываясь в подвале угловой башни, справедливо полагая, что как раз сейчас орки активно обыскивают город и без разговоров расправляются с теми, кто мог показаться им опасными или подозрительными. На опасного Беневьер, как он надеялся, не тянул, а вот по поводу подозрительного поручиться не мог. Так что самым разумным пока было сидеть здесь, в пределах Высокого города, который орки вроде как обыскали первым делом. Результаты этого обыска Беневьеру потом снились довольно долго… особенно люди, насаженные на вертела, причем еще живьем, хотя уже освежеванные и выпотрошенные. Сказать по правде, это очень помогло справиться с голодом, поскольку ничего съестного ни в карманах, ни в кладовке Беневьер не обнаружил.

Как оказалось, решение Беневьера было разумным. На третий день (вернее, ночь) он без особых проблем выбрался из Высокого города, спустившись по стене с помощью украденных в соседней конюшне и связанных друг с другом вожжей.

Беглая разведка показала, что любая попытка выбраться из города если и не стопроцентно обречена на провал, то как минимум чрезвычайно затруднительна. Настолько, что у Беневьера отпало всякое желание испытывать свою удачу на прочность.

Активная фаза обысков и расправ уже пошла на убыль, но орков на улицах по-прежнему было очень много. Да и стены с

воротами они контролировали все еще неистово. Так что пока еще просто попасться на глаза (и затем почти непременно в лапы) какому-нибудь орку означало немедленное отправление на вертел. Либо лишение обеих верхних конечностей, возможно, одной нижней, а также ушей, губ, языка и всяких других «вкусностей», что, впрочем, представлялось Беневьеру нисколько не лучше. Тем более что и смерть это отдаляло не слишком. Ибо подобное означало, что «хозяева» в данный момент просто предпочитают не мясо, зажаренное на вертеле, а мясную похлебку. И еще живой «мясной погребок», коего не лишали жизни только лишь для того, чтобы не лишаться «свежатинки», практически гарантированно отправлялся в котел на следующем заходе. Так что единственным, что представлялось Беневьеру в этих условиях реальным, было залечь на дно здесь, в городе. Во всяком случае до того момента, пока не представится случай его покинуть…

Возможности затаиться в Эл-Северине у Беневьера прежде имелись, хотя теперь никто не мог поручиться, что они сохранились. Нет, он исправно оплачивал содержание «норы» у дядюшки Скелета и на всякий случай еще и у Визги, так что финансовых претензий либо еще каких-то обвинений в невыполнении предварительных условий доступа к «норе» ждать не приходилось. Но, во-первых, никто не мог поручиться, что и Скелет, и Визга все еще живы. Потому как они-то уж точно были и опасными, и подозрительными. А, во-вторых, даже если и живы, то оба, как и любой представитель того мира, который всегда и везде называли теневым или криминальным, были людьми практичными и прагматичными. И, как таковые, могли посчитать, что в нынешних условиях наличие лишнего рта (а после появления внутри городских стен такого количества чрезвычайно прожорливых тварей над Эл-Северином отчетливо замаячил призрак голода) да плюс боязнь вызвать активное недовольство нынешних хозяев города пребыванием под их крышей человека, известного своими связями с одним из столпов прежней власти, делают Беневьера нежелательным гостем, несмотря на все прежние договоренности и обязательства. Как говорится, «ничего личного — только бизнес».

До «норы» дядюшки Скелета Беневьер с великим трудом добрался, когда уже снова стемнело, весь взмокший. Если бы не его богатый прошлый опыт, ему это вряд ли бы удалось.

Когда до входа в знакомый подвал оставалась какая-то сотня локтей, за поворотом послышались характерное топанье и сопение. В самый последний момент Беневьер сумел вскарабкаться на козырек над входной дверью ближайшего дома

и замер там, пропустив под собой орочий патруль. Когда орки скрылись в глубине переулка, он еще минут пять торчал на козырьке, приводя в порядок нервы и дыхание.

В подвале Скелета на первый взгляд все было как прежде — тусклое освещение из десятка свечек, вонь, грязь и пьяный говор. Сам дядюшка, как всегда, маячил за стойкой. Беневьер ввалился внутрь и, протопав сапогами к стойке, бросил сквозь зубы:

— Эля.

Дядюшка окинул его взглядом и, развернувшись к бочке, чье донце с краном было просунуто в отверстие в стене, не торопясь нацедил кружку. Беневьер сгреб ее и туг же высосал. Дядюшка сопроводил его действия внимательным взглядом. Беневьер грохнул кружкой о стойку и хрипло спросил:

— Комната готова?

Скелет пожал плечами:

— Мест нет.

Беневьер уставился на него. Дядюшка выдержал взгляд с полной невозмутимостью.

— Что-то я не понимаю… — угрожающе начал Беневьер. Дядюшка обнажил десны в улыбке, которую вряд ли кто в здравом рассудке мог принять за виноватую:

— Извини, но, сам видишь, обстоятельства изменились коренным образом. Просто бизнес, ничего личного… Впрочем, — дядюшка еще раз оскалил свои крупные зубы, наполовину покрытые налетом зубного камня, из-за которых он главным образом и получил свое прозвище, — можешь пожаловаться. Нынешним властям…

Беневьер скрипнул зубами. Ранее он с пренебрежением реалиста и прагматика относился к традициям благородных относительно слова, чести и верности, но теперь вынужден был признать, что случаются в жизни ситуации, когда было бы лучше, если бы твой визави, во-первых, оказался благородным, а во-вторых, и тебя также считал бы за благородного. Несмотря на все издержки непрактичности, которые принесло бы поддержание статуса благородного во времена ДО возникновения нынешней ситуации…

— И что?

— Извини, — повторил дядюшка Скелет.

Беневьер несколько мгновений молча сверлил его взглядом, а затем буркнул:

— Еще эля.

Скелет снова нацедил кружку. Беневьер сгреб ее, сделал большой глоток, потом глухо спросил:

— Ты не знаешь, Клещ уцелел?

Скелет пожал тощими плечами:

— Не знаю. В нынешние времена можно быть уверенным, что остался цел, только когда день закончился. Вчера он был еще цел. Из наших за это время в котел отправился только Синюшник.

Беневьер понимающе кивнул:

— Да, не повезло…

— И не говори… — отозвался Скелет.

— И как, Клещ еще сдает комнаты?

— Кто ж его знает? Сейчас такие времена, когда ни в чем нельзя быть полностью уверенным.

— Это точно, — согласился Беневьер. И, залпом допив эль, грохнул кружку на стойку, после чего, резко развернувшись, вышел из бара. Разговор о Клеще он затеял специально. Скелет показал себя слишком практичным, так что Беневьер посчитал, что лучше на всякий случай оставить за собой ложный след.

И, скорее всего, оказался прав. Потому что дядюшка Скелет, проводив его невозмутимым взглядом, взял, кружку со стойки, ополоснул ее в бадье с горячей водой, поставил к остальным и лишь после этого подозвал мальчишку-посыльного. О чем Скелет говорил с мальчишкой, никто не слышал, но спустя пару минут мальчишка выскочил из подвала и помчался по улице, ведущей к Высокому городу…

До норы Визги Беневьер добрался уже под утро. Учитывая, что орки в темноте видят куда лучше людей, ночные прогулки по городу были делом рискованным, но Беневьер твердо знал, что и его силы, и его удача на исходе. И если он не заляжет на дно в ближайшее время, его жизненный путь точно будет окончен. Поэтому он рискнул и добрался-таки до Визги, хотя ее прибежище располагалось практически на противоположной стороне Большого города. В свое время это представлялось практичным. Кто же знал, что настанут такие времена, когда само передвижение по городу станет чрезвычайно опасным занятием.

У Визги он появился совсем не так, как у Скелета. Во-первых, специально дождался, когда по улочке пройдет очередной орочий патруль, и возник на пороге с чрезвычайно развязным видом. Пнув дверь, он пару минут молча стоял на пороге, глядя на хозяйку с видом человека, которому в этом городе ничего не угрожает. Это ли произвело впечатление, или Визга оказалась существом более обязательным, чем Скелет, но едва он как бы между прочим заикнулся о комнате, его тут же заверили, что никаких проблем нет и заранее проплаченная комната в любой момент ожидает своего постояльца. Беневьер с несколько брезгливым видом въедливо повыспрашивал, что за комната, куда выходят окна, далеко ли от кухни и все такое… а затем

милостиво согласился на третий вариант, предложенный Визгой.

Следующие десять дней он просто отсыпался и отъедался, ловя настороженным слухом информацию в обеденном зале.

Орки действительно полностью захватили Эл-Северин. Причем никто не знал, откуда они появились и сразу в таком огромном количестве. Возможно, их появление как-то связано с темным богом Ыхлагом, который обосновался в императорском дворце и которому прислуживает человек-червь, также появившийся с ним из неведомых далей.

А в конце второй недели его обитания в этом месте на пороге его комнаты появилась Визга…

— Ну в чем дело? — недовольно проворчал Беневьер.

— Так это… уважаемый господин, тут ведь какое дело… — начала Визга, морща лоб. — Расходы ноне возросли.

— И?… — недовольно спросил Беневьер.

— Доплатить бы надо… — просительно протянула Визга. Она, конечно, побаивалась беспокоить столь давнего и солидного клиента, но бизнес есть бизнес…

— Сколько? — продолжая играть недовольство, пробурчал Беневьер.

— По пятнадцать.

— Чего?

— Дык золотых же, — пояснила Визга, удивившись непонятливости клиента.

— Сколько?!

— Дык с остальных уже сразу столько беру, — слегка испугавшись, торопливо пробормотала Визга. — Расходов столько, что и этого едва хватает. Цены-то на все как поднялись…

Беневьер злобно развязал кошель и высыпал в сморщенную ладошку старой карги стопку золотых монет.

— Все?

— Да, господин, — торопливо закивала Визга. — Не извольте беспокоиться. Ваши шесть дней…

— Катись, — рявкнул Беневьер, свирепея. Воистину никакие стены не крепче людей, которые их занимают. И как жаль, что подтверждение этой истине приходится получать в столь антисанитарных условиях. Впрочем, на то, чтобы решить проблему с исчезновением из этого города, у него было еще шесть дней. Уйма времени!

Он даже не подозревал, как сильно ошибался…

Спустя два дня Беневьер проснулся от грохота. Кто-то наглый и высокомерный бесцеремонно требовал, чтобы Беневьер встал и открыл дверь комнаты, которую он считал всецело своей. И имел право считать так еще четыре дня как минимум…

— Ну кого еще принесло ни свет ни заря? — злобно рявкнул Беневьер, распахивая дверь. И тут же получил ответ. Причем прямо в зубы. От удара его тут же унесло обратно на разобранную постель.

— Ты имя Бенвер? — пророкотал орк и, пригибаясь, вошел в комнату.

— Он, он, не сомневайтесь, — послышался откуда-то из коридора визгливый голос Визги. — Так я могу получить обещанную награду?

Орк досадливо сморщился и, махнув лапой, уже однажды опробованным в этой комнате образом унял визготню в коридоре. А потом вновь повернулся к Беневьеру:

— Идем. Ыхга тебя ищет.

Кто бы ни был этот самый Ыхга, но никакого желания встречаться с ним у Беневьера не было. Однако шансы избежать этой встречи также были не слишком велики. И потому Беневьер покорно склонил голову и, сев на кровати, подтянул к себе свои сапоги…

Портовый досмотрщик довел его до небольшого здания, явно построенного людьми, но столь же явно обустроенного для обитания кого угодно, но только не человека. Путь до этого дома оказался для Беневьера крайне познавательным. Первое, что его поразило, — это то, что орки, которых на улицах было не так уж много и которые явно чувствовали себя здесь именно хозяевами, не бросались свирепо на людей и не пытались их тут же освежевывать. Это было необычно, даже невероятно, но… это было. Вторым, что привело Беневьера в изумление, было… огромное, просто чудовищное количество чрезвычайно толстых людей. По улицам степенно или с трудом, отдуваясь и переваливаясь, передвигались воистину горы мяса или скорее сала. И некая толика просто излишне полных людей, а также совсем уже мизер людей, сложенных более-менее пропорционально, не провожали их изумленными, брезгливыми или, скажем, сочувственными и сострадательными взглядами, а, наоборот, почтительно уступали им дорогу. Еще Беневьер отметил то, что встреченные орки явно по-разному относятся к местными и к приезжим. Если на первых они смотрели лениво-небрежно, то при взгляде на Беневьера в их глазах загорался злобный огонек, ясно показывающий, что, несмотря на столь необычное и противоречащее всему его прежнему опыту поведение, здешние орки все равно остаются орками…

Досмотрщик остановился у двери, подцепил лапой массивное било, висевшее на цепочке, закрепленной в верхней части дверного полотна, и явно рассчитанное на орочью лапу, и

несколько раз звезданул им по бронзовой пластине. После чего повернулся к Беневьеру и пророкотал:

— Хотел шамана — иди…

В императорский дворец Беневьера доставили под конвоем четырех орков. Во время конвоирования у него пару раз возникало желание попытаться удрать от не слишком расторопного конвоя, но оба раза он решил, что шансы на успех слишком малы, чтобы имело смысл подвергать опасности столь немыслимую драгоценность, как его жизнь. Так что в конце концов он решил положиться на судьбу и… познакомиться-таки с этим самым столь влиятельным (как выяснилось) в современном ему мире Ыхгой.

Беневьера привели в небольшой зал на первом этаже императорского дворца и велели ждать. Ибо, как простодушно проинформировал его орк, даже не подозревающий, что знание — это сила, в данный момент Ыхга получал очередную вкачку от Ыхлага. Это означало, что Ыхга — лицо действительно влиятельное. Ибо представлялось чрезвычайно сомнительным, что темный бог будет тратить свое драгоценное время и свои не менее драгоценные нервы на то, чтобы делать вкачку тому, кого точно не считает особью чрезвычайно полезной и приближенной к своей высокой особе. Орку же это представлялось совершенно неочевидным. Ему, похоже, нравился сам факт того, что этому самому Ыхге делали вкачку. Чем-то этот самый Ыхга был орку принципиально неприятен.

В зале Беневьер провел почти час. Но рано или поздно любое ожидание приходит к концу. Так что когда он уже начал подозревать, что о нем, возможно, просто забыли, и даже стал прикидывать, как он покинет это оказавшееся не слишком гостеприимным помещение, в коридоре послышался странный шорох, а спустя пару мгновений в залу вполз (?!) его прежний господин, которого он считал уже давно преставившимся.

— Беневьер, сколько можно тебя искать?! — строго вопросил он. Как видно, столь необычный внешний вид не доставлял ему никаких особенных неудобств. Так что Беневьер счел за лучшее поскорее вернуть на место свою нижнюю челюсть и склониться перед бывшим герцогом Эгмонтером в почтительном поклоне.

— Господин…

Каков бы ни был ныне внешний вид его господина, но Беневьер совершенно точно знал, что он всегда оставался чрезвычайно… опасным господином. Во всех отношениях. Поэтому наиболее разумным было продемонстрировать самым что ни на есть ясным образом свое безграничное почтение.

Похоже, Эгмонтер это оценил. Во всяком случае он не стал

изыскивать никаких дополнительных поводов выразить не слишком радивому слуге свое недовольство, а только коротко бросил:

— Следуй за мной.

Путешествие по коридорам и лестницам дворца оказалось не слишком долгим. Уже спустя пять минут они оказались перед небольшой затемненной комнатой, у двери которой стояли трое орков. Причем один из них явно был не рядовой. При появлении бывшего герцога все трое изобразили что-то вроде вытягивания во фрунт, однако по их виду было ясно, что они крайне отрицательно относятся к тому, чтобы отдавать подобные почести человеку или по крайней мере тому, кто ранее им был.

В комнате не оказалось никакой мебели, кроме массивного сундука. Эгмонтер сунул руку в кошель, который висел у него на поясе, и извлек оттуда ключ. Похоже, это было не тот ключ, поскольку он криво усмехнулся, как будто с этим ключом были связаны некоторые воспоминания, скорее приятные ему, чем наоборот, и убрал его обратно в кошель. А вот следующий ключ был решительно вставлен в замок и повернут.

Когда крышка сундука отошла вверх, бывший герцог наклонился и извлек из его недр… корону. Беневьер невольно отшатнулся, ибо ему в голову пришла безумная мысль, что его господин планирует водрузить эту самую корону на его несчастную голову. Он всю жизнь бежал от ответственности за других и не собирался изменять этому правилу сейчас, какие бы блага ему за это ни сулили. Однако все обошлось. Оказалось, миссия, которую собирались возложить на его плечи, была намного более прагматичной.

— Ты должен доставить эту корону в земли, лежащие за Долгим морем, где вручишь орочьему шаману, которого там встретишь, и передашь ему требование моего повелителя, чтобы корона императора людей была уничтожена. Детали сего задания обдумаешь сам и доложишь мне. О деньгах не беспокойся.

— А-а… — начал было Беневьер, однако тут же сообразил, что дурацкие вопросы типа почему этого нельзя сделать здесь и сейчас и не отправлять его за тридевять земель, лишь покажут его непроходимую тупость и только усугубят его положение. — Понятно, господин. Но я не очень хорошо представляю, зачем при таком количестве орков вам для этой миссии нужен я.

Эгмонтер раздраженно нахмурился:

— Орки слишком тупы. Во всяком случае — местные. Мой повелитель Ыхлаг утверждает, что западные орки, обитающие за Долгим морем, гораздо сообразительнее. Но дело в том, что, пока корона не уничтожена, он не может покинуть пределов охранной

пентаграммы, начертанной на каменном полу бывшей спальни императора, и обратиться к западным оркам напрямую. И я поручился перед ним, что ты достаточно ловок, чтобы добраться до земель за Долгим морем.

— Но разве… — вновь упрямо начал Беневьер.

— Нет, — мотнул головой Эгмонтер. — Поручив это дело местным оркам, мы не можем быть полностью уверенными в успехе. Конечно, выделив достаточно крупный отряд, можно с некоторой долей уверенности предполагать, что они доберутся до побережья. Но вот дальше… Где они найдут корабль? Как заставят его команду и капитана двинуться в путь? И где гарантия, что те не завезут их на север, где просто сдадут северным варварам? И это лишь некоторые «если», которые я тебе изложил. Здесь нужен человек. Причем достаточно ловкий. И я не вижу более удачной кандидатуры, чем ты, Беневьер. В конце концов, на службе у меня ты выполнял не менее сложные поручения. Неужели ты теперь откажешься послужить богу?

Сказать по правде, как раз это Беневьер сделал бы с превеликим удовольствием. Он был твердо убежден в том, что разумный человек должен приложить все усилия, чтобы находиться как можно дальше от всех и всяческих богов, героев и героических миссий. Но как раз сейчас у него не было особого выбора. Ибо на его шее по-прежнему болтался амулет совершенной верности. И Беневьер не сомневался, что его господин всенепременно предпримет и некоторые другие меры предосторожности, чтобы обеспечить не просто исполнительность, а исключительное старание своего слуги в выполнении этого задания. Поэтому он изобразил на лице неземной восторг и просто ответил:

— О да!

— Отлично, — кивнул Эгмонтер, и Беневьеру показалось, что он заметил в глазах своего бывшего хозяина усмешку, — ну тогда идем, я представлю тебя повелителю Ыхлагу…

Шаман сидел за столом, на котором небольшой горкой высилась грязная после, очевидно, недавно закончившейся трапезы посуда, и лениво шлифовал когти на левой лапе.

— Зачем ты хотел меня видеть, человек? — довольно светским тоном спросил он Беневьера. Тот молча развязал мешок и, достав корону, водрузил ее на стол.

— Вот.

Шаман перестал шлифовать когти и небрежно спросил:

— Что это?

— Корона.

— Вижу. Чья?

— Императора людей, — ответил Беневьер, совершенно уверенный, что этот ответ заставит ленивого орка подпрыгнуть на месте. И… что «и», он так и не додумал. Поскольку, как выяснилось, ошибся уже в первом посыле.

— И?… — лениво произнес орк, глядя на Беневьера так, будто прочитал его мысли.

— Темный бог Ыхлаг, который ныне властвует в Эл-Северине, желает, чтобы эта корона была уничтожена, — проговорил Беневьер, впрочем, уже несколько сомневаясь, что упоминание имени темного бога заставит этого шамана хоть сколько-нибудь зашевелиться. И точно. Тот соизволил лишь опустить лапы и задумчиво воздеть очи горе.

— Темный бог? — переспросил он через некоторое время.

— Да, — ответил Беневьер.

— Ыхлаг, я правильно расслышал?

— Да, правильно.

— И он в настоящий момент властвует в Эл-Северине?

— Да, — вновь подтвердил Беневьер невероятную проницательность шамана. Шаман вновь воздел очи к потолку и задумался.

— Знаешь, человек, — заявил он спустя некоторое время, — твои заявления столь серьезны, что я не могу принять в связи с ними никакого собственного решения. Все, о чем ты сообщил, точно выходит за пределы моей компетенции. Так что я решил выделить тебе охрану и отправить в столицу. Вместе с твоей короной.

— Но… — начал Беневьер.

— Нет-нет-нет, — замотал мордой шаман, — даже и не начинай. Именно ты и повезешь корону в столицу. А вдруг по дороге что-то случится? И тогда темный бог будет винить во всем меня. Так что извини — тебе корона вручена, тебе ее и везти…

Когда Беневьер покинул комнату шамана, его состояние можно было охарактеризовать как крайнее изумление. Ыхлаг оказался совершенно прав. Местные орки далеко ушли от своих южных и восточных собратьев, с которыми людям приходилось иметь дело последнее время. Во всяком случае никому из их южных или восточных собратьев никогда бы не пришло в голову совершить столь изящный пируэт по перекладыванию ответственности со своей головы на вышестоящую. Да что там говорить, пожалуй, местные орки превзошли в этом даже людей.

Глава 2

Алый герцог появился в Сартаксисе в полдень.

Сартаксис был большим приморским поселком, даже скорее маленьким городом, только он не был окружен стенами и потому не имел права претендовать на этот статус. Формально Сартаксис принадлежал к домену графа Антоиса, который уже лет сто как был немощным стариком, но, пользуясь именно его немощью, потихоньку-полегоньку стал практически независимым. Герцогских сборщиков податей, как и иных представителей властей, в город практически не пускали. Не то чтобы горожане все как один выходили на окраину города, вооружившись чем попало, и вставали стеной… То есть на улицы-то как раз выходили. Как только на горизонте появлялись некие должностные лица, местный люд организованно высыпал на улицы и, кланяясь и расточая слащавые улыбки… выстраивал этакий живой коридор к ближайшему от окраины трактиру. Где прибывших уже ждали местные городские власти с хлебом-солью наперевес. Далее должностные лица, соответственно, приглашались откушать «чем боги послали», кое мероприятие непременно сопровождалось неумеренными возлияниями. Которые происходили под аккомпанемент слезливых жалоб на «скудость жития», подтверждаемую тем, что, мол, вроде как и разрослось поселение, а стену вот никак поставить не можем. Да что там стена… на храм и то денег нет, который год мучаемся. Уж больно народ бедствует и с хлеба на воду перебивается. После чего в руки должностных лиц перекочевывали кошели разной степени набитости (согласно рангу), а поутру сии должностные лица, мучимые головной болью, споро покидали Сартаксис. Им было и невдомек, что столь усугубивший их утренние страдания шум был вызван тем, что по давно уговоренному и свято соблюдаемому всеми местными жителями порядку в то утро, когда в таверне отдыхают «от вчерашнего» должностные лица, всю принадлежащую местным жителям довольно многочисленную скотину гнали на пастбища и выпасы как раз мимо окон тех комнат, в которых столь значимые лица изволили проводить ночь. А и правильно. Нечего в Сартаксисе торчать всяким чужакам. Ибо народ здесь жил серьезный. И делами занимался тоже серьезными. Очень не любящими чужого глаза. Это только в ревизских сказках графа Антоиса Сартаксис значился бедным рыбацким поселком. На самом деле, зайди кто-нибудь из должностных лиц в первый попавшийся, как правило, крайне неказистый домишко, его внутренне убранство тут же

ясно показало бы несостоятельность всех жалоб городских властей на местную скудную жизнь. Ибо городские жители занимались отнюдь не рыбной ловлей или, скажем так, не только рыбной ловлей. Основным их занятием была контрабанда…

Никто не знал, когда это началось. По преданиям, во время второго нашествия западных, когда возникла угроза самому существованию империи людей, Сартаксис был захвачен одним из первых. А оставили его орки, соответственно, едва ли не самым последним. И за те два года, что орки здесь хозяйничали, местные жители, хоть и уменьшились в числе более чем наполовину, как-то стерпелись и сжились с орочьим правлением. Тем более что основные ужасы произошли в самом начале нашествия и спустя год-другой успели несколько подзабыться. Более того, местные даже наладили некоторый немудреный, но, как потом выяснилось, крайне доходный бизнес, на местном жаргоне именовавшийся фарцуй. Бизнес этот не прервался и с уходом орков. Правда, продолжился он уже не с самими орками, а с теми, кто, так же как и сартаксисяне, сумел с ними ужиться. Так что в те времена, когда разоренная чудовищной войной Империя едва-едва начала приходить в себя, здесь, в Сартаксисе, наоборот, жизнь забила ключом…

Впрочем, это продолжалось недолго. Местный владетель, обнаружив, что в одном из подвластных ему поселений народец живет не в пример окрестностям и позволяет себе сладко пить и сытно жрать, в то время как во многих городах дети пухнут от голода, а в деревнях пашут на себе либо, в лучшем случае, на коровах, тут же обложил Сартаксис солидным, налогом. Это наполнило местные умы немалым озлоблением и привело их к странному заключению: мол, при орках как раз жилось неплохо, а вот всякие там благородные, наоборот, жизни не дают. Это убеждение, передаваемое затем из поколения в поколение, и сформировало особенный, потаенно-настороженный и обособленный дух Сартаксиса, едва ли не предопределивший поголовное увлечение его жителей этим не слишком законным промыслом. Ибо основной доблестью здесь стало считаться умение не дать этим присосавшимся «к жиле» благородным того, что, как они полагали, положено им согласно принятым ими же законам. Укрыть, словчить, прикинуться, но не отдать «своего». Случаи, когда удавалось сделать это, а лучше еще и неким образом посадив этих самых благородных в лужу, служили основой для местных легенд и семейных преданий, то есть того, чем в других местах служили истории о стойких и храбрых людях, отдавших свою жизнь, но не пустивших врага к родному порогу, либо тех, кто, снимая с себя последнюю рубашку, спасал,

защищал и обогревал вроде как совершенно чужих ему людей, являя тем самым истинные образцы милосердия…

В общем, когда на горизонте показалась кавалькада из нескольких десятков всадников в броне, местные, побросав дела, привычно повалили на улицу, отрезая приезжим всякие варианты, кроме отработанного уже годами и даже десятилетиями и пока ни разу не давшего осечки…

Трой въехал в Сартаксис во главе полусотни арвендейльцев. Всю прошедшую неделю он мотался по графству Антоис, пытаясь нащупать хоть какие-то следы Беневьера, поскольку то, что до графства он добрался, было установлено совершенно точно.

Встреча с Эриком Два Топора утешительных новостей не принесла. Он привел почти восемь десятков кораблей, и с начала весны они отогнали к побережью не менее четырех десятков разноразмерных судов из числа тех, что имели теоретическую возможность пересечь Долгое море и достигнуть земли Глыхныг, и целую тучу лодок поменьше. Двенадцать наиболее упрямых были взяты на абордаж. Но ни на одном из них Беневьера не оказалось. И это означало, что либо Беневьер пока еще находится на этом берегу Долгого моря, либо он уже ускользнул. И знать это точно было жизненно необходимо…

У таверны вновь прибывших, по традиции, встречали местные власти. Худой долговязый мужичок крайне болезненной наружности, оказавшийся местным старшиной, и, наоборот, полный круглоголовый живчик, назвавшийся секретарем при поселковой управе.

Трой спешился, принял хлеб-соль, выслушал дежурные восхищения в связи с дошедшими до них слухами о доблестном Алом герцоге и принял приглашение проследовать в таверну и отобедать чем боги послали. Местный люд облегченно вздохнул. Пока вроде как все развивалось по накатанной.

Едва накрыли на стол, Трой обратился к старшине:

— Извините, уважаемый, не отправлялось ли из вашего города за последний месяц какого-нибудь корабля?

— Корабля? — Старшина болезненно сморщился, как будто этот вопрос что-то задел в его явно нездоровых внутренностях. — Нет, не отправлялось.

— Да какой корабль, ваша светлость? — угодливо залебезил секретарь. — В Сартаксисе отродясь не было никаких кораблей, одни рыбачьи лодки. — Толстенький попытался пригорюниться, что при его физиономии было крайне сложно. — Жизнь нынче совсем тяжелая пошла. Рыбы нет, да еще эти северные лютуют… Вы не поверите, ваша светлость, северные варвары по весне как с цепи сорвались — не успеешь в море нос высунуть, как они тут

как тут! В шести семьях мужиков напрочь вырезали. Не успели до берега добраться…

Трой помрачнел:

— Прямо-таки вырезали?

— Да кто ж их знает? — вновь попытался изобразить печаль толстенький. — Не вернулись и все. Только лодки к берегу прибило. А как там оно повернулось — совсем убили или, там, в рабство взяли — то нам неведомо.

Трой резко поднялся из-за стола.

— Куда же это вы? — испуганно заблеял секретарь. — Вот свежая наливочка, а уж как ароматна…

— Я хочу посетить семьи погибших от рук северных варваров, — произнес Алый герцог.

Толстенький испуганно вытаращился, а старшина зло кольнул его взглядом. Ну ведь сколько раз предупреждал — не болтай почем зря. И как теперь выкручиваться? Никаких рыбаков северные варвары, естественно, не вырезали, но из-за шнырявших у побережья драккаров сезон контрабанды все никак не мог начаться…

Дело в том, что в гавани Сартаксиса действительно не было кораблей. Поскольку все корабли, ходившие за Долгое море, были укрыты в огромной пещере, что располагалась внутри небольшого островка, находившегося в двенадцати лигах от побережья. А до того островка сартаксисяне добирались на вполне легальных рыбачьих лодках, на которых к тому же молодежь, еще не допущенная до тайного промысла, под руководством стариков, уже прекративших ходить за море, время от времени вполне законопослушно ловила рыбу. И заодно, слушая рассказы старших товарищей и обучаясь обращаться с парусами и веслами, проходила начальную школу тайного промысла. И вот нынешней весной появляться в окрестностях островка вдруг стало опасно. А уж о том чтобы покинуть его на корабле, выкрашенном в привычный для контрабандистов черный цвет, и речи быть не могло, это и вовсе требовало храбрости за гранью разумного.

— Ну, — требовательно произнес Трой, — я жду.

— Так ведь это, — нашелся толстенький, — а нету сейчас никого. Белый день на дворе — все в заботах. Кто в поле, кто в море…

Трой вздохнул и медленно опустился на место.

— Хорошо. Но вечером я должен обязательно встретиться с ними.

— Непременно, ваша светлость, непременно, — закивал толстенький, — а вот попробуйте наливочки! Она у нас куда как…

Но Трой молча накрыл стаканчик ладонью и, не обращая никакого внимания на суетящегося толстенького, повернулся к старшине:

— Вот что, старшина, соберите-ка мне сегодня вечером всех старших рыбаков. Мне надо будет задать им несколько вопросов.

Спустя несколько минут старшина и секретарь в полной обескураженности покидали таверну, ломая голову над тем, что за человек этот так называемый Алый герцог…

Те, кого старшина представил Трою как рыбацких старших, собрались в таверне за два часа до захода солнца. За час до этого Трой посетил семьи тех, кто якобы погиб от рук северных варваров. И в каждой вручил «овдовевшей хозяйке» по кошелю с золотом. Повергнув их в полный ступор. Уж слишком это не вязалось с образом жадного и тупого благородного, озабоченного только тем, как получше ободрать «простого человека» для удовлетворения своих непотребных прихотей. Впрочем, с образом тупого как раз вязалось. Ибо денежки, и немалые, были получены ни за что! Этим людям даже в голову не могло прийти, что лучше ошибиться, совершая добро, чем остаться при своих или даже получить прибыль, умножая зло, которого и так много в этом мире…

Распаленные глупостью благородного и деньгами, которые как будто сами собой плыли в руки, члены семей «погибших» и сами не заметили, как заронили в душе у того, кого они с совершенно искренней, хотя и окрашенной оттенком усмешки благодарностью называли благодетелем, сильные зерна сомнений. Во-первых, ни один из домов, который они посетили, ну совершенно не производил впечатления хижины нищего рыбака. Во-вторых, слезы горя по поводу потери кормильцев отчего-то показались Трою не слишком искренними. И, в-третьих, рассказы всех о произошедшем производили странное впечатление. В какой-то части они повторяли друг друга едва ли не дословно, как будто рассказчицы просто повторяли чьи-то слова, а вот далее разнились так, что возникало сильное сомнение в том, что весь экипаж рыбацкой лодки, вроде как сгинувшей в море, действительно исчез в один и тот же день, в одном и том же месте и даже в одной и той же лодке. Поэтому в таверну Трой вернулся несколько задумчивым. Да и Арил, улучив момент, пробормотал:

— Сдается, они нас дурят, но пока не пойму, в чем именно…

Когда Трой вошел в таверну, несколько десятков людей, заполнявших зал таверны, почтительно поднялись на ноги и склонились в глубоком поклоне.

— Вот, ваша светлость, рыбацкие старшины, как вы и

наказывали, — учтиво представил ему присутствующих старшина Сартаксиса. Трой окинул присутствующих цепким взглядом. Эти люди были одеты довольно бедно, но отчего-то эта одежда по большей части производила впечатления одежонки с чужого плеча. А, может, и со своего, но последний раз владелец надевал эту одежонку лет эдак дцать назад… И от этого ощущение Троя, что его обманывают, еще больше усилилось.

— Хорошо, — кивнул он старшине и уселся за стол. — У меня к вам дело, рыбаки… — начал Трой спустя пару минут, во время которых вглядывался в глаза присутствующих, сначала просто стараясь заглянуть им в душу, а затем… просто пытаясь отыскать среди них хотя бы одного, кто не смотрел бы на него как на… врага? Или просто недруга, которого непременно надо обмануть, объегорить и отвадить? И пытаясь убедить себя, что это ему только кажется…

— Не так давно здесь, в графстве Антоне, появился человек, которому было просто необходимо попасть на ту сторону Долгого моря. Я хочу точно знать, смог ли он это сделать или все еще ищет способ, как туда добраться.

Все присутствующие обменялись быстрыми взглядами. Практически каждому было известно, о ком идет речь. Этот человек действительно появился здесь две недели назад. Море как раз вовсю штормило, так что о рейде за Долгое море и речи не могло быть. Человек же сразу предложил найм. Сначала его подняли на смех. Чтобы выйти в море, когда еще не отшумели зимние шторма, да это надо совсем без головы быть. А занятие контрабандой, наоборот, требует сильного развития данной части тела. Да и вообще сартаксисцы очень не любили чужаков на своих кораблях. Не говоря уж о том, что в этом случае, скорее всего, чужака пришлось бы посвятить в тайну пещерной гавани. Однако вскоре смех прекратился. Потому что, во-первых, чужак привез рекомендательные письма от ТАКИХ теневых воротил из Эл-Северина, ссориться с которыми было себе дороже и, во-вторых (хотя для сартаксисян это скорее было во-первых) предложил ТАКУЮ плату, что все вопросы сразу же отпали. СТОЛЬКО экипаж корабля контрабандистов не зарабатывал даже в самый удачный сезон. А тут всего лишь один рейс, пусть и несколько более опасный, чем обычно. Тем более что, как утверждал этот незнакомец, это — всего лишь задаток. И по возвращении капитану рискнувшего корабля будет выплачено еще вдвое… Насчет вдвое у сартаксисян были сомнения. Мало ли что обещано? Обещанного, как говорится, три года ждут. Но и предложенная сумма впечатляла. Так что Черный Струй, капитан «Крадущегося в тумане», решил рискнуть…

Все это было известно каждому из тех, кто собрался в таверне, вот только сдавать своих, да еще публично, при всех, такого в Сартаксисе отродясь не водилось. Конечно, объяви этот тупой благородный крупную награду да оттопырь ушко ночной порой, держа наготове кошелек, может быть, и нашелся бы какой практичный и прагматичный человек. А вот так… ну да что с него взять — благородный, он и есть благородный.

— Уж не знаю как где, ваша светлость, — открыл рот Папаша Блыг, капитан «Скрывающегося между волн», — а здесь никто из нас никого такого не видывал. Да и откуда нам, рыбакам, знать-то? Днем — все в море. И за день так намаешься, что спишь, ни ног, ни рук не чуя. Вы, ваша светлость, у трактирщиков лучше поспрашайте. Хотя у меня сильное сомнение, что он вообще в Сартаксис заходил. Ну что ему здесь делать? На наших лоханках Долгое море не переплыть. А корабли к нам отродясь не заходили.

И все остальные утвердительно загомонили.

Трой покосился на Арила. Тот повернул голову так, чтобы его лицо не было видно этим псевдорыбакам (а в том, что они никакие не рыбаки, Трой уже практически не сомневался), и одними губами произнес:

— Врут.

Он не заметил, что из темноты балкона, нависавшего над залом, за ним внимательно следили недобрые глаза…

Поскольку разговора не получилось, Трой разрешил всем расходиться по домам.

Когда они с Арилом поднялись в комнату, Трой устало сел у стола и спросил:

— Ну что?

— Врут, — вновь повторил Арил.

— Значит, он здесь был.

— Не только был. Они же его туда и отправили.

— Почему ты так считаешь?

Арил задумчиво почесал за ухом.

— Да мне тут припомнилось… был у меня приятель из здешних мест. Ну не из самого Сартаксиса, а тут неподалеку… Так очень он этих сартаксисян недолюбливал. Куркули, говорил, каких свет не видывал. И все норовят извернуться, обмануть и обжулить. Потому как честно заработанный грош им поперек горла встает… Вот я и подумал, а каким образом здесь, на отшибе, можно гроши нечестно зарабатывать?

Трой несколько мгновений смотрел на Арила, а затем на его лице нарисовалось понимание, и он громко произнес:

— Контрабанда!

Неясная тень, притаившаяся у двери, услышав это слово, отшатнулась и быстро и, как ей казалось, бесшумно бросилась вдоль по коридору…

Между тем все представшие пред очи светлого Алого герцога, покинув таверну и дойдя до угла, не стали расходиться, а остановились и переглянулись между собой. Затем Папаша Блыг негромко произнес:

— К Рулю.

И все не сговариваясь двинулись в сторону гавани, к вроде как вполне обычной дешевой рыбной забегаловке…

— Ну что будем делать, капитаны? — обозначил вопрос Папаша Блыг, когда все уселись.

— А что тут думать — зарежем по-тихому, а трупы на дно!

— Ты бы, Паркуль, помолчал, — оборвал его Папаша. — Тебе бы все резать… Кого резать-то собрался, хоть знаешь?

— А мне все одно, — огрызнулся тот, кого назвали Паркулем. — Благородный, он и есть благородный. Все они на наши денежки нацеленные. Одним меньше — нам же легше…

— Это сам Алый герцог, дурилка! Так он тебе и дастся… Он знаешь скока орков накрошил? — вступил в разговор старшина.

— А мне хоть скока, — тянул свое Паркуль. — Он что, во всем этом своем алом спать ложится? Или спит с мечом в руке? Подобраться по-тихому да ножичком — чик! И вся недолга…

— Нет, так мы делать не будем, — отрезал Папаша Блыг. — Негоже это — живую душу ни за что ни про что жизни лишать. Да и к тому же я так думаю: надолго он здесь все одно не задержится. Ну чего ему здесь делать? С нами поговорил, все что надо — разузнал, и, вперед, искать этого своего нам совершенно незнакомого человека, — закончил он с усмешкой. И все дружно загоготали.

В этот момент дверь забегаловки распахнулась и на пороге появился хозяин той таверны, в которой расквартировался Алый герцог со своими бойцами.

— Беда, капитаны!

— Что?

— Как это?

— Какая беда?

— Да говори ты толком!

— Тихо! — рявкнул Папаша Блыг и даже хлопнул ладонью по столу. А когда гомон улегся, обратился к вошедшему:

— Ну в чем дело?

— Герцог знает про контрабанду.

В забегаловке повисла ошеломленная тишина. Это как-то совсем не укладывалось в картину мира, в которой благородные

непременно тупые и жадные, а сартаксисяне самые умные и ловкие.

— Откуда знаешь?

— Так это, когда еще вы все там сидели, я заметил, что его прихвостень… ну тот, который слева от него сидел, тихо так, одними губами, ему говорит: «Врут». Ну а как они к себе в комнату поднялись, я и пристерегся у двери. Они поначалу тихий разговор вели. А потом герцог как рявкнет: «Контрабанда!» — Хозяин таверны замолчал. Некоторое время молчали и все остальные. Затем Паркуль торжествующе прошипел:

— Я же говорил — резать!..

Папаша Блыг окинул всех присутствующих сумрачным взглядом и тяжело вздохнул:

— Не хотел я этого, капитаны, сами свидетели, но… поднимайте команды…

Трой и Арил засиделись за разговором. В принципе все было ясно. Можно было, конечно, выбить правду из этих людей, но у Троя уже не оставалось никаких сомнений в том, что ему придется-таки отправляться в неизвестность. В таинственную и страшную землю Глыхныг, где люди вполне спокойно жили, зная, что рано или поздно обязательно попадут в орочий желудок. Так что он не собирался задерживаться в Сартаксисе. Надо было только дать сигнал Эрику, который патрулировал на своем драккаре где-то поблизости, и… отправиться в путь. Сигнал был нехитрым — столб дыма в небо. И Трой собирался дать его на ближайшей к побережью лесной опушке…

Арил, зевая, произнес:

— Ну я на боковую…

Трой согласно кивнул и, толкнув дверь, вышел в коридор. От долгого разговора во рту пересохло. Он тихонько чертыхнулся, споткнувшись о верхнюю ступеньку, спустился в зал и, завернув под лестницу, толкнул дверь на кухню. На кухне никого не было. Впрочем, а чего еще можно было ожидать? До рассвета — всего ничего. Трой осторожно, стараясь не разбудить спящую где-то поблизости семью хозяина, толкнул дверь в задний коридор. Обычно где-то здесь в тавернах стояла бочка с водой… Бочка стояла на месте. А вот дверь, ведущая на хозяйскую половину, наоборот, была открыта, и глаза Троя, уже слегка привыкшие к темноте, различили тщательно застеленную кровать с горкой подушек. Трой недоуменно уставился на нее. Это что же, хозяева не ночуют дома? Он сделал шаг, другой и заглянул за косяк. Комната носила следы быстрых сборов…

Когда Трой вернулся в зал, то первым, что выхватили его

глаза из темноты, оказалась чья-то рослая фигура. Фигура не просто стояла посреди зала. Она неторопливо и обстоятельно облачалась в доспехи. Рядом на столе лежали алебарда и тяжелый полуторник.

Почувствовав, что в зале появился кто-то еще, фигура повернулась, и Трой увидел глаза Крестьянина. Они просто и спокойно смотрели на него, как бы говоря: не волнуйся, мол, побратим, те, кто скоро придет нас резать, столкнутся с очень неприятным сюрпризом. Трой медленно кивнул, одновременно и признавая, что этот вроде как самый тихий и незаметный из побратимов на этот раз оказался самым проницательным из всех, и благодаря его, а затем одним скачком взлетел вверх по лестнице.

— Арил, — ткнул он в бок побратима, лихорадочно натягивая на плечи свою легендарную броню.

— Ну?

— Быстро буди наших.

Арил мгновенно слетел с койки и, ухватив кирасу, спросил:

— Что случилось?

— Комнаты хозяев пусты, а дверь на задний двор не задвинута на щеколду.

— Понятно, — зло отозвался Арил, закрепляя наплечники.

— Расставь лучников у окон, а остальные пусть спускаются в зал, — торопливо бросил Трой, выскакивая за дверь. Его все время преследовало ощущение, что враги уже ворвались в таверну и Крестьянин уже давно бьется в зале в одиночку.

Но нет, в зале пока все было тихо. Крестьянин спокойно сидел на лавке, вытянув ноги. Трой подошел и сел рядом. Спустя несколько минут послышались шорохи и легкое позвякивание, а еще через некоторое время в зал по очереди тихо спустились около двух десятков арвендейльцев, уже одетых в полную броню.

— А не сожгут? — наклонившись к Трою, прошептал Арил.

Тот на мгновение задумался и покачал голо вой:

— Вряд ли… Зачем уничтожать чужое имущество, если можно его только слегка повредить? Да и удержать в горящей таверне полсотни умелых и хорошо вооруженных бойцов…

Арил мгновение раздумывал, а затем согласно кивнул. А Трой приказал:

— Давай пяток наших в конец коридора. Они точно будут пытаться вломиться в комнаты, вот пусть ребята их и прижмут. А остальные пусть укроются между столами и стенами… и приготовь факелы. — Трой зло ощерился. — Чувствую, придется подавать сигнал Эрику прямо отсюда, из Сартаксиса.

Они пришли, когда небо на востоке едва начало алеть.

Сначала Трой расслышал, как тихонько скрипнула задняя дверь. Он быстро, но осторожно присел, скрывшись за столом. И все затаившееся в зале таверны повторили его движение. Едва ли кто лучше арвендейльцев знал, сколь губительным бывает неосторожный звук, вырвавшийся, как обычно, в самый неподходящий момент и достигший чуткого уха орка. Поэтому почти одновременное движение полутора десятков закованных в броню бойцов не выдало себя ни единым шорохом. Спустя пару мгновений в зал проскользнула первая темная фигура.

— Ну что? — послышалось от задней двери.

— Все тихо, — раздался в ответ тихий свистящий шепот, — спят как сурки. Перережем как свиней…

— Открывай входную дверь, — вновь донеслось от задней, — ребята уже там…

Общее количество тех, кто, как им казалось, тайно и незаметно проник во вроде как спящую таверну, посчитать не удалось. Но, по прикидкам Троя, их было не менее полутора сотен. А судя по очень тихим, но все-таки различимым настороженным ухом звукам, доносящимся с улицы, там тоже находились люди. Что, впрочем, было вполне разумно. Поскольку гарантировать, что из полусотни явно умелых и опытных бойцов всех удастся зарезать как свиней, было нельзя. Так что снаружи обязательно должны были находиться люди, в чью задачу входило отлавливать и гасить тех, кто смог бы вырваться из таверны.

Когда, по прикидкам Троя, толпа, поднявшаяся по лестнице, достигла середины коридора и вот-вот должна была увидеть бойцов, притаившихся у задней стены, он поднялся из-за стола, закрывавшего его от тех, кто толпился в зале, и негромко спросил:

— Чему обязан, господа?

Этот невинный вопрос застал ночных налетчиков врасплох, послышались испуганные вскрики. На мгновение все застыли где стояли, и именно в это мгновение появился некоторый шанс решить дело миром. Ибо Трой не был настроен непременно устроить бойню, он просто не собирался спускать попытку зарезать его и его людей как свиней… Но тут кто-то из налетчиков истерически заорал:

— Бей!

И в сторону Троя полетел целый дождь метательных ножей.

Ему даже не пришлось обнажать меч. Сам факт нападения на их герцога привел арвендейльцев в такую ярость, что все столпившиеся в зале таверны были прикончены за несколько минут. Ножи, которыми собирались резать спящих, голых и

беззащитных людей, ничего не могли противопоставить мечам и ничего не могли поделать с полной броней. Ну а сами контрабандисты также ничего не могли поделать с теми, у кого за плечами было уже три года сплошных битв и побед над куда более грозными противниками…

После того как остатки налетчиков, вопя от ужаса, скрылись в окрестных переулках, Трой вышел наружу и огляделся. Уже совсем рассвело. Он оглянулся и посмотрел на таверну.

— Арил, вывести коней и поджечь!

— Да, ваша светлость, — коротко отозвался побратим.

— А затем пройдись по городу и собери мне людей на берегу у гавани.

— Слушаюсь, ваша светлость, — вновь отозвался Арил и нырнул в дверной проем.

Когда испуганная толпа большей частью полуодетых сартаксисян, мрачно вышвырнутых из своих домов арвендейльцами, которых не трогали ни мольбы женщин, ни детский плач, замерла перед ним, Трой, все это время стоявший и задумчиво смотревший в морскую даль, повернулся и боднул стоящих перед ним людей тяжелым взглядом. И вся толпа в ужасе отшатнулась.

— Старшина, — разлепив губы, глухо произнес Трой, — как зовут того, кто утверждал, что никто из вас не видел человека, о котором я спрашивал?

Старшина сглотнул и хрипло произнес:

— Папаша Блыг.

— Папаша Блыг, — негромко позвал Трой.

Ничего не произошло.

— Арил… — коротко приказал Трой. Побратим вскинул руку, и арведейльцы, окружавшие толпу синхронно натянули луки.

— Нет, нет! — отчаянно заорал кто-то. — Не надо! Их здесь нет! У них схрон! У Руля, под полом! Я покажу! Только не стреляйте!

Спустя десять минут два десятка человек были пинками пригнаны арвендейльцами и брошены на колени перед Алым герцогом. Трой несколько мгновений разглядывал стоявших перед ним, первым среди которых был как раз Папаша Блыг, а затем тихо начал:

— Вчера. Я задал вопрос. Ты. Мне. На него ответил. И солгал… — Он сделал короткую паузу и вновь скомандовал:

— Арил!

— Да, ваша светлость!

— Вздернуть…

Когда вопящего и молящего о пощаде Папашу Блыга волокли

к веревке, быстро перекинутой через ветку росшего неподалеку дерева, Трой вновь повернулся к стоящим перед ним на коленях людям.

— Я… повторяю свой вопрос.

Сначала ничего не произошло. Трой вздохнул и тихо произнес:

— Арил…

И тут они заговорили. Все. Одновременно. Торопясь сдать раньше, сдать первым, сдать, пока не сдали тебя…

Трой поднял глаза. На горизонте, под лучами восходящего солнца уже виднелись паруса драккаров…

Глава 3

— Но я все-таки прошу моего ярла разрешить мне следовать за ним! — упрямо набычившись, произнес Эрик.

Трой сокрушенно вздохнул. Он уже исчерпал все аргументы, а Эрик Два Топора все никак не соглашался с тем, что ему нельзя идти вместе с ним в землю Глыхныг.

— Слушай, друг Эрик, — вступил в разговор Арил, который все это время только молча наблюдал за бесполезными усилиями своего побратима и господина втолковать этому смелому и верному, но простодушному северному варвару, почему ему нельзя отправиться за тем, кого он считал своим ярлом. — Понимаешь, мы… не идем на битву.

— Не идете на битву? — неверяще переспросил Эрик.

— Ну да. Мы идем искать. Причем пока еще не знаем где.

Эрик задумался. Он никак не мог понять, в чем проблема. Ну идут искать… разве это отменяет славную битву? А если не знают где — так вообще все просто. Поймали — спросили. Не знает — дали по башке и поймали следующего. Опять спросили. Так, перебирая по одному, поймаем того, кто знает, и вся недолга.

— И что? — осторожно переспросил он, дабы как-то не оскорбить друга и побратима своего ярла.

Арил вздохнул:

— Понимаешь, может сложиться ситуация, когда… ну, например, меня будут резать орки.

Эрик бешено вцепился в рукоятки своих любимых топоров.

— Ну вот, — кивнул Арил, — а всем остальным в этот момент надо будет просто отвернуться и уйти.

Эрик изумленно воззрился на Арила.

— Тебя будут резать? — переспросил он спустя некоторое время, решив разобраться, что же это такое только что сказал этот смелый человек, хороший воин и побратим его ярла. Потому как он никак не мог поверить своим ушам, которые услышали, как этот человек только что кровно оскорбил его ярла…

— Ну да!

— А… — Эрик покосился на Троя, сглотнул, и… с трудом произнес воистину кощунственные слова: — Мой ярл и твой господин не бросится тебе на выручку?

— Ну да!

— Ты… — взревел Эрик, выхватывая топоры и потрясая ими. — Да как ты посмел сомневаться…

— Он прав, — оборвал его порыв Трой.

— Что? — ошеломленно переспросил совершенно

ошарашенный Эрик.

— Он прав, и в самом деле может случиться так, что его будут резать орки, а я просто повернусь и уйду. И ничем не попытаюсь ему помочь…

Эрик, весь мир которого только что перевернулся с ног на голову, ошалело посмотрел на Троя, а затем перевел совершенно больной, как у побитой собаки, взгляд на Арила. Тот кивнул:

— Да. Более того, если он только попытается это сделать в тот момент, я… прокляну его, я призову на его голову самые жуткие кары… потому что тогда получится, что я погибну зря.

Эрик сглотнул и… его руки упали вниз.

— Вот видишь, — тихо произнес Арил, — а ты в этот момент можешь не сдержаться и броситься мне на выручку. И… этим загубишь все наше дело.

Эрик поднял глаза на Арила, посмотрел на него долгим взглядом, а затем все так же медленно качнул головой.

— Вот именно поэтому тебе и нельзя идти вместе с нами. А вовсе не потому, что кто-то сомневается в твоей доблести или воинском мастерстве, понимаешь? — тихо спросил его Трой. Эрик перевел взгляд на своего ярла и так же молча кивнул. И в этот момент впередсмотрящий закричал:

— Земля!..

В Сартаксисе Трой задержался на три дня. О земле Глыхныг в империи было известно чрезвычайно мало. Да и то, что было известно, устарело на несколько десятилетий, а то и столетий. Империя не торговала с землей Глыхныг. Между двумя странами не было даже никаких дипломатических отношений. Вся информация, которая доходила до империи, была из вторых-третьих рук, да и то обрывками. Так что не воспользоваться моментом и не разузнать о цели своего путешествия получше было бы непростительной глупостью.

Казнь Папаши Блыга произвела на капитанов-контрабандистов неизгладимое впечатление. Но еще более сильно на сартаксисян подействовало то, что почти восемь сотен северных варваров, высадившиеся с драккаров в порту Сартаксиса, не принялись грабить и захватывать пленников, а четко исполнили все команды Алого герцога. Город был оцеплен, дома еще раз обысканы. После чего четыре драккара вышли в море и направились к острову с пещерой, где завалили мачты и залегли в дрейф, ожидая Черного Струя на его «Крадущемся в тумане». Ну а Трой принялся расспрашивать капитанов и наиболее опытных контрабандистов о том, что они видели и что знали о земле Глыхныг.

Он опросил почти три десятка человек. Но наиболее

полезными для него оказалось трое — Башлыг, капитан «Скользящего под скалами», старик Сайя и… Черный Струй, которому не посчастливилось вернуться на рассвете последнего дня пребывания Троя в Сартаксисе.

Старик Сайя уже не ходил на кораблях, но лет двенадцать назад его корабль попал в шторм у побережья земли Глыхныг и разбился о скалы. Это произошло в последнюю осеннюю декаду. Из всей команды повезло спастись ему одному. Он выбрался на берег и почти сразу же был захвачен орочьим патрулем. На его счастье, как раз наступало время подушной подати, так что у орков было вдоволь доброго мяса и худой, жилистый моряк не был сразу же отправлен в котел и остался в орочьем стойбище на положении слуги. А чуть позже, узнав о том, что он умеет управляться с веслами и парусами, его выкупил у орков местный купец. Как выяснилось, орки запрещают подданным земли Глыхныг заниматься морской торговлей и обучаться кораблестроению и кораблевождению. Так что морского торгового флота у земли Глыхныг нет, а по рекам ходят только корабли чужеземной постройки и с командой из чужеземцев же, но принадлежащие местным купцам. Ибо кораблям, владельцами которых являются чужеземцы, ходу в землю Глыхныг нет. Так что старик провел в земле Глыхныг почти четыре года, прежде чем их речной караван вновь попал на побережье, и Сайя сумел выйти на знакомых торговцев и сообщить своим, что он жив. Поэтому он много знал и очень подробно рассказал о нравах и обычаях земли Глыхныг.

Башлыг оказался самым сговорчивым из капитанов, подробно рассказав обо всех торговцах в трех прибрежных городах, с которыми контрабандисты имели дело.

А Черный Струй привез заказ от одного из них на шкуры лаоха и новые правила встречи и пароли. Орки отчего-то внезапно поменяли расписание патрулей, да еще и усилили их… А шкуры были закуплены сартаксисянами еще зимой и загружены на корабли. Контрабандисты всегда держали ухо востро, когда дело касалось требуемых товаров. И зачастую знали, что потребуют от них партнеры, еще до того, как те озвучивали требования.

Так что спустя три дня Трой погрузился на «Скользящего под скалами», на этот раз несущего почти втрое большую команду, три четверти которой составляли северные варвары и арвендейльцы, и милостиво разрешил Башлыгу отдать концы.

Они отошли от острова-порта на две лиги, когда над его вершиной вознесся в небо столб черного дыма. Это горели корабли сартаксисян…

Устье Помака изобиловало мелкими островками, на которых, как правило, и происходил обмен товаром. Обычно корабли сартаксисян и лодки глыхныгцев встречались на одном из островков последней от береговой линии гряды, но в этом сезоне из-за патрулей партнеры сартаксисян решили подстраховаться и назначили для встречи новое место. Гораздо ближе к побережью, сократив себе обратный путь и, соответственно, увеличив путь по устью и, следовательно, возможность обнаружения для сартаксисян. По словам капитана Башлыга, это было совершенно в духе глыхныгцев. Ибо они думали только о себе. А что там случится с остальными, их нисколько не волновало, они считали, что оказывают им неслыханную милость уже тем, что снисходят до общения с ними.

Островок, на котором в этом году должен был происходить обмен товаром, капитан Башлыг отыскал довольно быстро. Загнав «Скользящего под скалами» в укромную бухточку, они шустро выгрузили на берег тюки с шкурами, после чего капитан Башлыг в сопровождении Троя и Эрика Два Топора поднялся к костровой пещере.

Орки не слишком благоволили контрабандистам, а наказание за любое нарушение закона в земле Глыхныг было стандартным — в котел. Так что и контрабандисты, и их местные партнеры вынуждены были действовать предельно аккуратно. Поэтому сигналом о том, что товар прибыл, здесь был не обычный костер, разведенный в условленном месте на берегу, как во многих других местах (ну мало ли кто и зачем развел костер — может, рыбаки уху варят), а костер, разведенный в глубине одной из пещер, чей зев смотрел прямо на береговую линию. С берега он был виден только из одной точки — со скального карниза, взобраться на который орки нипочем бы не смогли. За долгие столетия на этом скальном карнизе также была вырублена небольшая пещерка, в которой располагались наблюдатели из числа людей, со стороны кажущиеся просто бедняками, не имеющими крыши над головой и потому ютящимися в пещере. В летнее время они там пребывали постоянно, меняясь каждые четыре-пять дней, а зимой пещерка пустела. Но сейчас, поскольку сезон контрабанды начался, наблюдатели должны были быть на месте. Так что нынешней ночью можно было уже ожидать гостей…

Гости не обманули ожиданий. Спустя три часа после заката выставленные наблюдатели услышали легкий плеск, а затем к берегу приблизились с десяток узких лодчонок, выкрашенных в черный цвет. К тому моменту у костра остались только матросы из числа контрабандистов, а также Трой, Арил и Крестьянин.

Северные варвары залегли вдоль бортов корабля, а арвендейлцы замаскировались в прибрежных кустах.

Лодки местных пристали к берегу не сразу. Сначала подошла одна, и из нее на гальку выскочил толстенький человечек невысокого роста. Настороженно оглядевшись, он подошел к сидевшим у костра контрабандистам и несколько высокомерно поздоровался с капитаном Башлыгом:

— Приветствую, капитан, а где Черный Струй?

— Рад приветствовать, энистер Мит. Черный Струй остался в Сартаксисе (и это было совершеннейшей правдой), — расплылся в угодливой улыбке капитан Башлыг, — у него проблемы с кораблем (и это тоже было правдой… впрочем, как и для всех остальных контрабандистов). И вообще, у нас возникли некоторые затруднения, — продолжил Башлыг, — северные варвары как с цепи сорвались. Рыскают вдоль побережья и бросаются на любой корабль, стоит ему отойти от берега на десяток-другой лиг. Не знаю, рискнет ли кто из наших в ближайшее время выйти в море.

— Вот что значит дикость и неповиновение законам, — наставительно воздев палец, произнес тот, кого назвали энистером Митом. — У нас, в благословенной земле Глыхныг, такое невозможно. Здесь каждый знает, что дозволено, а что — нет, и потому каждый из нас свободен настолько, насколько может быть свободно разумное существо.

Помимо наличия внутреннего противоречия подобное заявление в устах человека, занимающегося контрабандой, звучало несколько забавно. Но никто и не подумал улыбнуться. Подданные земли Глыхныг вообще отличались неуемной склонностью к морализаторству, основанной на непоколебимом чувстве собственного превосходства. Они считали, будто, что бы они ни делали, делают они это наилучшим образом, а если все-таки и случается неудача, то виноваты в этом не они, а происки врагов и тупость исполнителей-чужеземцев…

— Ладно, не будем об этом, — милостиво кивнул энистер Мит, — надеюсь, вы доставили шкуры?

— О да, — угодливо закивал капитан Башлыг, — полный трюм. Я бы хотел обменять их на…

— Я привез пряности, — бесцеремонно прервал его энистер Мит, — так что с тебя еще полтора стоуна серебра.

Капитан Башлыг едва заметно сморщился. Не то чтобы он был так уж заинтересован в успехе сделки, но его торгашеская натура все равно брала свое. Однако спорить с энистером Митом было себе дороже. Да еще капитан напомнил себе, что выгода в этой сделке зависит отнюдь не от соотношения цены и качества

полученного товара. Так что он вновь растянул губы в улыбке и согласно кивнул.

Энистер Мит бросил на него высокомерный взгляд и, повернувшись к своим лодкам, повелительно взмахнул рукой. Тут же послышался плеск весел, и спустя несколько мгновений носы лодок уткнулись в галечный пляж. Из них на берег выскочили остальные глыхныгцы, но ни один из прибывших и не подумал заняться разгрузкой лодок. Они отошли в сторону и, сложив руки на груди, принялись покрикивать на подчиненных капитана Башлыга, которые, как видно, уже давно привыкли к подобному порядку, потому что без дополнительных команд принялись разгружать лодки и затем грузить на них тюки с шкурами.

В этот момент энистер Мит повернулся, и в его поле зрения нарисовались Трой, Крестьянин и Арил.

— А это кто такие? — раздраженно обратился он к Башлыгу. — Что за новые люди? Черный Струй не передал, что мы требуем, чтобы в этом сезоне на кораблях были только старые, проверенные люди? Орки очень насторожены, и я не хочу потерять успешный бизнес из-за ваших…

— Э-э… энистер Мит, — поспешно прервал все более распаляющегося глыхныгца капитан Башлыг, — вот, это задаток.

Энистер Мит запнулся и недоуменно уставился на тяжелый кошель, появившийся перед его носом.

— Что это? — спросил он все еще недовольным тоном.

— Золото, — предупредительно пояснил капитан.

Рука энистера Мита тут же рефлекторно выстрелила вперед, ухватив кошель, и лишь вслед за этим рот выдал следующий вопрос:

— И что это означает?

— Это… плата этих людей. Вернее, только задаток. Эти люди подрядились доставить *дар усопшего* в столичный храм Шыг-Хаоры.

Энистер Мит удивленно вскинул брови:

— Что?!

Трой, поднявшийся на ноги, еще когда энистер Мит только начинал свою раздраженную тираду, склонился перед глыхныгцем в максимально раболепном поклоне. Сейчас решалось, удастся ли им попасть на землю Глыхныг легально. А от этого во много зависел успех всего остального.

— Наш наниматель, уважаемый господин, когда-то был вынужден из-за происков врагов бежать из благословенной земли Глыхныг и провести остаток своих дней вдалеке от родины. Но все это время он провел в неизбывной тоске, мечтая рано или поздно вновь возвратиться домой. Но нынешней зимой его

настигла болезнь, от которой он и скончался. Однако перед кончиной он повелел изготовить «дар усопшего» (тут Трой поднял перед собой Тайную ветвь, увитую золотыми и серебряными шнурами, а также обвешанную массивными золотыми и серебряными бляхами) и нанял нас для того, чтобы мы отнесли его в столичный храм Шыг-Хаора. — Трой замолчал. Теперь все зависело оттого, насколько легенда, которую они разработали на основе рассказов старика Сайи, покажется правдоподобной этому высокомерному глыхныгцу. Тот несколько мгновений брезгливо-презрительно пялился на Троя, затем его губы скривились, и он раздраженно буркнул:

— И что за урод делал это дар? Шнуры завязаны каким-то дурацким узлом, а навершие на треть больше положенного… — Он снова повернулся к Башлыгу: — И что вы хотите от меня?

— Ну-у-у… наши друзья, — вновь вступил Трой, кивая подбородком в сторону капитана Башлыга, — посоветовали нам, что лучше отдать два стоуна золота достойному человеку и надежному партнеру, чем вороватым портовым чиновникам.

— Но здесь нет двух стоунов… — взвесив кошель на руке, недовольно проворчал энистер Мит.

Трой согласно кивнул.

— О да, уважаемый господин, здесь только полстоуна. Но уважаемый капитан Башлыг уже сказал, что это всего лишь задаток. Еще полстоуна вы получите, когда снабдите нас всеми документами, позволяющими таким варварам, как мы, путешествовать по благословенной земле Глыхныг, а последний стоун капитан Башлыг передаст вам в момент нашего возвращения.

— Что?! — вскинулся энистер Мит. — Вы смеете не доверять моему слову?

— Ни в коем случае! — подпустив возмущения в голос, зарокотал капитан Башлыг. — Как вы могли такое подумать?! Мы всего лишь следуем тому раз и навсегда установленному вами мудрому порядку, который вы столько лет вбивали в наши тупые головы, уважаемый энистер Мит: «Сначала дело — потом деньги!»

Судя по кислому выражению лица энистера Мита, на этот раз он предпочел бы, чтобы этот действительно столь долго вбиваемый в головы этих тупых варваров порядок был бы, ну, немножечко подвинут… но делать было нечего. Хотя он все-таки попытался предпринять попытку сразу получить гораздо большую долю.

— Полстоуна мне слишком мало. Чтобы выправить документы, предстоит пойти на существенные расходы…

Трой с виноватой улыбкой развел руками и сокрушенно

вздохнул.

— Что ж, в таком случае прошу простить, энистер Мит, — проговорил он, протягивая руку за кошелем, но глыхныгец отшатнулся назад, крепко стиснув кошель.

— Ну ладно, я посмотрю, что можно сделать. — Он повернулся и бросил взгляд на свои лодки. Они были уже разгружены, вновь загружены тюками с шкурами и столкнуты в воду. — Ну чего копаетесь — быстро в лодки! Я вас ждать не намерен.

До побережья они добрались перед самым рассветом. Когда лодки вынырнули из-за мыса, и в предрассветном тумане забрезжили расплывчатые огни близкого берега, энистер Мит раздраженно ткнул своим пухлым кулачком в ухо Трою и властным жестом указал на дно лодки. Трой так же молча кивнул (в тумане звуки разносятся очень далеко) и, махнув своим товарищам, улегся под ноги гребцам.

Некоторое время лодки бесшумно скользили по тихой воде, а затем сделали поворот и спустя пару мгновений занырнули под высокий причал. Причал покоился на тяжелых сваях квадратного сечения, вбитых в морское дно, и был обшит по бокам толстыми досками. Так что со стороны казалось, что доски обшивки уходят прямо в воду и под причал невозможно проскользнуть даже щепке. Но одна секция боковой обшивки поворачивалась, причем, как заметил Трой, лежа на боку, массивные бронзовые петли этих своеобразных ворот были густо смазаны жиром. Поэтому секция отошла в сторону совершенно бесшумно, открыв лодкам энистера Мита вполне просторный проход.

Занырнув под причал, гребцы вытащили весла из воды и дальше двигались, отталкиваясь руками от свай. Под причалом было абсолютно темно, но, как видно, нужный маршрут был накрепко вбит в головы лодочников, и потому темнота не доставляла им совершенно никаких проблем. Так что вскоре лодка, в которой лежали Трой и его товарищи, скользнула еще в один проход, который вывел в довольно обширную камеру, также обшитую досками и освещенную тусклой масляной лампой.

Когда ее борт стукнулся об обрез крошечного причала, энистер Мит облегченно выдохнул и утер рукой обильно выступивший пот.

— Фу-у-у, пронесло… — Он покосился на пришельцев, лежащих на дне лодки, и его губы вновь привычно сложились в брезгливую складку. — Ну чего разлеглись — быстро вылезайте! Нам еще надо разгрузить лодки.

Лодки разгрузили довольно быстро. Чувствовалась отработанная годами сноровка. Все это время Трой, Крестьянин и

Арил скромно стояли в углу причала, наблюдая, как молодцы энистера Мита рысью носят тюки куда-то вверх по лестнице. Наконец последняя лодка была разгружена и отогнана куда-то наружу, а в проеме люка показалась рыжая голова помощника энистера Мита.

— Эй вы, пришлые, — позвал он, — поднимайтесь, энистер Мит зовет.

Первым по лестнице, обогнав Троя, полез Крестьянин. Но не успел он подняться на верхнюю ступеньку, как в него вцепились несколько рук и буквально выдернули из люка. Трой настороженно замер, перехватив поудобнее Тайную ветвь. И тут же сверху послышался звук удара, и сразу вслед за ним рассерженный рев, а затем еще один звук удара, вслед за которым что-то с грохотом рухнуло на пол, затем еще… Трой и Арил переглянулись и рванули вверх по лестнице.

— Немедленно уймите своего урода! — ударил им по ушам фальцет энистера Мита, едва они выскочили из люка. — Сейчас на этот шум сюда сбежится вся портовая стража!

— Марел… — негромко позвал Трой. Крестьянин, выглядевший сейчас очень грозно с обломком весла в руках, повернулся и обиженно заворчал. Через его лоб тянулась кровоточащая ссадина.

— Что случилось, энистер Мит? — вежливо, но твердо поинтересовался Трой. — Почему у него след от удара?

Энистер Мит, досадливо сморщившись, покосился на валявшееся в углу тело одного из своих лодочников (между прочим, самого дюжего из них) и нехотя произнес:

— Ничего особенного. Джо решил ему помочь — протянул весло, чтобы тому ловчее было выбираться из люка и… немного не рассчитал. А этот ваш немой выхватил весло и начал крушить все подряд.

Трой и Арил обменялись понимающими взглядами. Да уж, энистер Мит все никак не мог угомониться.

— Понятно… дело в том, что Марел у нас из крестьян, так что вполне мог обознаться по поводу намерений. Они же там у себя привыкли оглоблями драться… — смиренно, но подпустив толику яда в голос пояснил Трой. — Вы уж его простите.

Энистер Мит, все так же морщась, молча кивнул, а потом ткнул рукой куда-то в сторону:

— Пока спрячьтесь там.

Он махнул рукой своим людям и двинулся в противоположную сторону. Оставшись в одиночестве, Трой и остальные настороженно огляделись. Они находились в обширном пакгаузе, устроенном таким образом, что часть его

располагалась на пирсе, а часть — уже на берегу. И под той частью, что была выстроена на пирсе, как раз и находилась камера с тайным причалом. Арил шагнул к Крестьянину и, бесцеремонно ухватив его за подбородок, нагнул его голову к себе.

— Знатно… не рассчитал, — хмыкнул тот. — Чуть пол-лба не снес.

Трой зло скрипнул зубами. Энистер Мит прямо-таки напрашивался, чтобы ему преподали урок. Ну есть на свете такие люди, которым очень тяжело жить с ненабитым таблом, и этот самый энистер, что бы это ни означало, судя по всему, был как раз из таких. Но пока у Троя были связаны руки. Оставалось только терпеть…

Прежде чем на складе появились люди, им даже удалось немного подремать. Устроившись в углу на тех самых тюках с шкурами, которые попали на этот склад нынешней ночью, Трой приказал Арилу и крестьянину отдыхать. Крестьянин тут же затих на боку, подсунув под щеку кулак, а Арил поначалу слегка поворчал по поводу того, как Трой распределяет обязанности, но потом тоже умолк. Трой же устроился у стены, опершись на нее спиной, и задумался. Он уже, по рассказам, слегка представлял обитателей земли Глыхныг, но действительность превзошла все ожидания. Да уж, до сих пор ему ни разу не встречались люди, настолько уверенные в том, что они живут на самом благословенном всеми богами куске суши и оттого все остальные должны им непременно завидовать и повиноваться…

Крестьянин сменил его где-то через час. Трой его не будил. Крестьянин сам заворочался, потом скинул ноги и спрыгнул с тюков. Пару раз махнув руками, чтобы размять мышцы и развеять дрему, он подошел к Трою и жестом показал, что теперь его очередь дежурить. Трой молча кивнул и, забравшись на нагретое место, отрубился, похоже, еще до того, как щека коснулась обшивки тюка.

Проснулся он сам. От жуткого скрипа открываемых ворот склада. Похоже, энистер Мит недаром жалел жира на смазку петель, ибо столь жуткий скрип должен был, вероятно, служить сигналом тем, кто по темным углам его склада с двойным, так сказать, дном занимался всякими не слишком законными делами. Иначе объяснить столь дерущий по коже звук было нельзя.

Они с Арилом успели спрыгнуть с тюков и слегка привести себя в порядок, когда впереди послышались голоса и отблески света. А затем из бокового прохода появился энистер Мит в сопровождении какого-то дородного господина, сосредоточенно двигающего нижней челюстью. Остановившись перед тремя

пришельцами, он окинул их уже привычным презрительно-надменным взглядом и процедил сквозь постоянно двигающиеся зубы.

— Эти, что ль? Ну и рожи.

Энистер Мит недовольно поморщился:

— Я тебя не любоваться на них привел, Фолуй. Если ты считаешь, что созерцание этих, как ты, впрочем, правильно заметил, крайне тупых и уродливых физиономий не стоит четверти стоуна золота, то можешь избавить меня от своего присутствия.

Фолуй глубокомысленно сделал еще несколько жевательных движений, а затем махнул рукой:

— Да ладно, Мит, не шуми, договорились же…

После чего поставил на тюк лампу, которую держал в руке, и, наклонившись, принялся отвязывать от пояса всякие принадлежности — мешочек с перьями, закрытую плотно притертой пробкой чернильницу-невыливайку, связку пергаментов и так далее…

Спустя пять минут, все так же не прекращая жевать, он устроился за низеньким столиком, принесенным одним из служащих склада, и недовольно пробурчал:

— Имя?

Трой замер. Легенду-то они отработали на совесть, но вот озаботиться тем, чтобы придумать себе новые имена, как-то не догадались. С другой стороны, представляться Троем Побратимом тоже было чревато, а ну как при проверке документов, каковая у них здесь, по рассказам старика Сайи, для чужеземцев была, почитай, на каждом шагу, нарвешься на кого сметливого? Но вот так, с бухты-барахты, ничего как-то в голову не приходило.

— Ишах, ваша милость, — просунул голову вперед Арил.

— Как-как? Ишак? — заржал дородный. — Ну и имечко ты себе нашел, чужак…

Арил глуповато ухмыльнулся И пожал плечами.

— Так то не я, ваша милость, то родители, — он печально вздохнул. — Вот так всю жизнь и мучаюсь.

— Ладно, — махнул рукой писец. — Насмешил, молодец. А твое как?

— Рыгул, ваша милость, — поспешно ответил Трой.

— А немого вашего как кличут?

— Так Оглоблей и зовем, — вновь встрял Арил. — Он, сами видите, немой — сказать ничего не может, а грамоте не обучен. Вот на наше прозвище и откликается. А то как его еще звать, Мгум, что ли?

Подобное предположение вновь привело писца в веселое

расположение духа. Так что работу он закончил в отличнейшем настроении.

— Вот, держите, подорожная и разрешение на пребывание на трех варваров-арбайтеров сроком на два месяца… Да уж, ничего себе троица — Ишак, Рыгало и Оглобля! — снова захохотал он. Трой принял свиток пергамента, на котором удостоверялось все вышесказанное, а также стояли все положенные отметки и печати, и передай его Арилу. А сам развязав тесемки дорожного мешка и выудил из его недр кошель с золотом.

— Давай сюда, — тут же раздался раздраженный голос энистера Мита, и в следующее мгновение кошель был выдернут из его рук с силой, которую сложно было подозревать в столь крошечных и коротеньких пальцах.

— А теперь проваливайте с моего склада, и чтобы вашего духу здесь больше не было.

Трой молча кивнул, и все трое торопливо двинулись к выходу, ориентируясь на свет, льющийся из открытых ворот склада, и гомон голосов, доносящийся оттуда же.

Их ждала земля Глыхныг…

Глава 4

На следы чужеземца, осененного особым вниманием орков, они наткнулись практически сразу.

Едва выйдя из дверей склада, они притормозили, щурясь и ожидая, пока глаза с сумрака привыкнут к яркому свету разгорающегося утра. Порт был уже заполнен пестрой толпой людей, почти ничем не отличающейся от такой же, скажем, в Фартериско. Но спустя мгновение выяснилось, что именно почти…

— Смотри, свинорылые! — Наверное, вследствие изумления, вызванного видом орков, мирно шествующих в толпе людей, шепот Арила прозвучал так громко, что его расслышал нарисовавшийся прямо за их спинами энистер Мит, видно вышедший удостовериться, что трое варваров, доставивших ему столько беспокойства, наконец-то покинули территорию его склада. Он чуть не подпрыгнул от возмущения.

— Как вы выражаетесь?! — зашипел он им в спину. — Ну что это за неотесанность?! Это… это… возмутительно! Крайне возмутительно и ужасно, просто ужасающе… неполиткорректно! Стыдитесь!! Неужели вам никто не объяснил, что мы называем их Большие люди.

Трой, Арил и Крестьянин автоматически кивали головами, изо всех сил стараясь принять крайне смущенный и виноватый вид, а сами во все глаза пялились на четверых орков, вальяжно и неспешно двигающихся через людскую толпу. Вернее, орки двигались в этаком незримом пузыре, потому что людская толпа за три-четыре шага перед ними расступалась, обтекала их и, удерживая все то же расстояние в три-четыре шага, смыкалась за их спинами. И посмотреть действительно было на что. ЭТИ орки не слишком напоминали тех, к которым привыкли Трой и побратимы. Во-первых, они были одеты. Причем не в шкуры (что не удивило бы), а во что-то вроде длинных кафтанов с длинными же рукавами. Кафтаны были украшены галунами и вышивкой. Во-вторых, на столь же узорчатых поясах у них висели не привычные для Троя и остальных орочьи ятаганы с лезвием длиной в два локтя, а нечто столь миниатюрное, что даже в человеческих руках смотрелось бы не более чем кинжалом, пусть и большим. И в-третьих, эти четверо совершенно не бросались на людей с явным намерением освежевать их и насадить на вертел, а мирно шли через толпу, о чем-то неторопливо беседуя.

Они провожали этих четверых глазами до того момента, как те скрылись в толпе, а затем обменялись ошарашенными

взглядами. Нет, все в принципе знали, что орки чувствуют себя на земле Глыхныг хозяевами и как-то научились не пожирать людей, только лишь те приблизятся к ним на расстояние длины лапы. Но столкнуться с этим вот так, лоб в лоб… это было очень непривычное ощущение.

— Ладно, что уставились? Пошли, — буркнул Трой, покосившись на все еще кипящего от возмущения энистера Мита.

Таверны в земле Глыхныг оказались точно такими же, как и дома. Во всяком случае никаких особых различий обнаружить не удалось. А вот кухня была другая. Здешние жители больше предпочитали тушеное и вареное, чем жаренное на открытом огне. Причем все тушилось и варилось до такой степени, что куски мяса и овощей просто расползались на ноже. И потому местные блюда было принято есть ложками. Возможно, это было вызвано тем, что по законам земли Глыхныг людям было запрещено пользоваться любыми клинками длиннее ширины ладони, да и те, которые были разрешены, должны были изготавливаться из мягкого металла. Богатые граждане предпочитали ножи и другие столовые приборы из золота, обеспеченные пользовались серебром, а остальным оставались медь и олово. Таверна, в которую они зашли, была из небогатых, поэтому им достались оловянные столовые приборы.

К новой пище язык и желудок оказались не шибко приспособлены, так что они съели едва лишь половину заказанного, после чего отодвинули тарелки. Служка, которого они подозвали заказать эля, недовольно покосился на них и пробормотал:

— За вас что, тоже орки платить будут?

Трой и Арил настороженно переглянулись. Во-первых, потому что служка сказал «орки», а не, как их поправил энистер Мит, «Большие люди», а во-вторых — «тоже».

— А почему ты так решил, уважаемый?

— Да вот пару недель назад тоже появился один такой, — недовольно пробурчал служка, — тоже сначала от нормальной еды нос воротил, а после попросил этого самого вашего, тьфу, и язык-то не поворачивается выговорить, эля. А потом выяснилось, что он под покровительством орков. Хозяин мне тогда еще выволочку сделал за то, что вовремя не узрел и не отвадил.

— Как это — отвадил? — не понял Трой.

Служка снисходительно посмотрел на него.

— Ну сказал бы, мол, на кухне все закончилось или что закрываемся уже на уборку, да мало ли что можно придумать… а теперь жди, когда орки заплатят!

— А что — было такое, чтобы не заплатили?

— Да нет, — мотнул головой служка. — Обычно платят. Но не сразу. Пока еще все посчитают, учтут, да и платят обычно ровно столько, на сколько наел. Никакой мзды от них точно не видать, — уныло закончил он.

Трой и Арил переглянулись, после чего мечник шустро выудил из кармана золотой. Половины этого с лихвой хватало, чтобы расплатиться за их обед.

— Нет, мы сами по себе, — важно заявил он. — Вот, возьми, и сдачу себе можешь оставить.

Лицо служки тут же расплылось в улыбке:

— Чего еще желаете, господа?

— Ну раз эля нет — так чего-нибудь попить, кисленького.

— Сей момент. — И служка исчез, будто испарился.

— Вот, пожалте, лимонник свежеотжатый, — предложил он, спустя минуту вновь нарисовавшись у их стола. — Очень жажду утоляет. И для пищеварения очень пользительно.

— А скажи-ка, друг, какого виду был тот самый человек, — лениво поинтересовался Арил, — не рыжий ли? А то, может, наш знакомец.

— Да не-ет, — замотал головой служка, — не рыжий. Он был черный и одет в…

Словоохотливый служка очень подробно описал и самого необычного посетителя, и сопровождавшего его орка-шамана. И его повозку. И по какой дороге они направились, когда отобедали в таверне последний раз. Трой и Арил выслушали его очень внимательно, а когда тот закончил, Арил сокрушенно вздохнул и покачал головой:

— Нет, не наш. Наш был рыжий. А этот нам без надобности.

Служка угодливо закивал. А Трой довольно хмыкнул про себя. Арил сделал все очень ловко. И вызнал все, и так все повернул, что если в случае чего кто поинтересуется у служки, о ком спрашивали эти трое чужаков, тот с полной уверенностью скажет: «Да про какого-то рыжего спрашивали».

— А что, комнату тут у вас снять можно?

— А как же? Запросто. Сказать по правде, у нас сейчас свободных комнат полно. Орки что-то последнюю неделю совсем острожали. Команды с кораблей в город перестали пускать. Так что хозяин нынче хоть и бесится, а больше золотого с носа за комнату брать никак не получается. То есть с вас-то он попытается взять побольше, но вы-то, — он хитро подмигнул, — парни не промах.

И служка угодливо захихикал. Да уж, похоже, деньги делали с жителями земли Глыхныг настоящие чудеса…

Из города они вышли следующим утром. Как оказалось, для

того чтобы передвигаться на лошадях, чужеземцам требовалось особое разрешение, какого у них не было. А наведываться в надзорную, памятуя о том, как получены их основные бумаги, Трой не рискнул. Так что они двинулись пешком. Что, как выяснилось, оказалось вполне удачным решением. Поскольку, остановившись вечером в придорожном трактире, они нарвались на очередного словоохотливого служку, у которого выяснили, что Беневьер тоже двигался этой дорогой. Причем сам он шел пешком, как и отряд вооруженных орков, который его охранял. Но командовал отрядом шаман, помощник заговоруна, который ехал в повозке. И потому отряд передвигался не шибко споро. Там же и выяснилось противоречие насчет Больших людей. Оказывается, болезнью под названием политкорректность (вот ведь дурацкое слово) страдали в основном те, кто относил себя к обеспеченному слою, более всего опасавшемуся как-то задеть или, не приведи боги, оскорбить хозяев-орков. Ибо, как выяснилось, подушной подати, платить каковую обязаны были любой городской и сельский округ, можно было избежать, выкупив на рынке раба-чужеземца или сироту и отдав его вместо своей очереди. И потому обеспеченные и богатые могли попасть в котел только по решению какого из орков… А простой люд, которому это было не по карману, продолжал величать орков по-старому. Даже с некоторой мстительностью стараясь делать это в присутствии обеспеченных сограждан, явно наслаждаясь нервозностью последних. Да уж, эта старательно именуемая благословенной земля Глыхныг оказалась не столь уж благословенной и даже не совсем умиротворенной…

И хотя эта информация никак не приближала их к намеченной цели, зато при случае могла помочь выжить.

За следующие четыре дня они дважды ночевали в трактирах, в которых останавливались Беневьер с сопровождающими. Причем в одном им даже не понадобилось затевать разговор о «рыжем». Просто они так сильно выделялись среди толпы упитанных, толстых и просто чудовищно грузных глыхныгцев своим телосложением, что очередной служка сам завел разговор о «таком же парне, которого охраняла целая толпа орков». Арил лениво выслушал его болтовню, а потом заявил:

— Парень, нам об этом типе все уши прожужжали. Отстань! Не волнует он нас, и лучше б его вообще не было.

Служка было обиженно замолчал, но серебряная монетка тут же вернула ему доброе расположение духа. А Трой вновь довольно кивнул про себя. Арил снова показал свое мастерство. Ибо, во-первых, из болтовни служки они все равно узнали, что пока двигаются правильным маршрутом и, во-вторых, после этого

разговора на их маршруте, буде кто вздумает его проследить, остался человек, который будет утверждать, что их совершенно НЕ интересовал тип, сопровождаемый орками. Старик Сайя очень много рассказывал о ходивших среди чужеземцев слухах об ищейках орков — специально обученных людях, подчиненных надзорщикам за чужеземцами, которые специально выслеживали тех, кто, как казалось оркам, несет угрозу их власти в земле Глыхныг. Некоторые из них вели обычную жизнь простого глыхныгца, просто держа раскрытыми глаза и уши, некоторые маскировались под купцов, погонщиков или бурлаков, а некоторые вообще притворялись иноземцами. Чтобы, выискав крамолу, навести на опасных чужеземцев стражу орков. Впрочем, те же слухи утверждали, что они не брезговали и самими глыхныгцами…

Через неделю они сократили расстояние между собой и Беневьером почти на шесть дней. Беневьер с сопровождающими действительно двигались крайне неторопливо. Впрочем, вряд ли в этом была вина Беневьера. Трой сильно сомневался, что варвару-чужеземцу было позволено хоть как-то влиять на скорость движения отряда. Тем более что из рассказов служек у Троя сложилось впечатление, что сам Беневьер отнюдь не был так уж воодушевлен своим предательством. И не производил впечатления человека, подпрыгивающего от нетерпения в ожидании награды. Скорее уж он был похож на того, кто просто покорился судьбе. И это рождало в голове Троя сонм вопросов по поводу того, что же заставило Беневьера пойти на такой чудовищный шаг, грозящий гибелью или порабощением всем людям этого мира.

В тавернах он говорить об этом опасался, но на дороге они с Арилом обсудили эту тему. И Арил, сначала настроенный считать Беневьера обычным подонком, не видящим перед своим носом ничего, кроме возможности урвать монету (а вот такие возможности подобные типы, как правило, видят отлично и способны различать их даже там, где обычные люди не видят ничего, кроме обмана, подлости и предательства), после нескольких высказанных Троем выводов и сам призадумался. А затем осторожно предположил:

— Знаешь, все твои мысли мне по-прежнему кажутся излишне заумным мудрствованием. Жизнь, как правило, штука очень простая. И самое простое объяснение человеческому поступку чаще всего оказывается и самым верным. Но если предположить, что ты прав, то, скорее всего, этот червяк Эгмонтер посадил этого самого Беневьера на какой-нибудь магический поводок.

— Магический поводок? — озадаченно переспросил Трой.

Арил насмешливо посмотрел на него.

— И чему тебя учили в этом Университете? Это же самая популярная страшилка любой дворовой подворотни. Всякие там привязанные души, призрачные узы и амулеты совершенной верности.

Трой надолго задумался, а потом спросил:

— А они что, действительно существуют?

Арил пожал плечами:

— Да кто его знает? Я ни разу ни с чем таким не сталкивался. Но знаю не одну дюжину людей, которые утверждали, что знают людей, которые знали людей, угодивших под нечто подобное. Просто бают, что без темных сил такого не сварганишь, а сам знаешь, как у нас за этим следят… Так что хочешь — верь, хочешь — нет. Но, судя по тому, как в твоем изложении выглядит поведение этого Беневьера, он производит впечатление человека, явно считающего, что у него нет другого выхода, кроме как повиноваться воле этого червяка — Эгмонтера. А я не знаю, чем еще Эгмонтер мог бы привязать к себе такого типа, как Беневьер.

— Вспомни, что нам про него понарассказывали воровские вожаки в Месшере и столице графства Антоне. А ведь они явно знают не обо всех его делишках. Тем более что червяк-то в темных искусствах поднаторел. Помнишь, что Гмалин говорил после той битвы?

Трой молча кивнул. И до самого вечера больше не проронил ни слова, всю дорогу напряженно размышляя над чем-то, как видно очень непростым.

В следующем городке, до которого они добрались, отмечался праздник. Жители земли Глыхныг вообще оказались падки на праздники, устраивая их для себя по всякому поводу. Например, популярными были всякие Дни тыквы, или Недели кукурузы, или празднества в честь победы местной спортивной команды. Вот и в этом городке вовсю дудели трубы, трещали трещотки, а местные жители толкались на улицах навеселе, с раскрашенными носами и щеками и с дурацкими головными уборами на головах.

Трой, Арил и Крестьянин, слегка ошалев, остановились поглазеть на все это веселое непотребство.

— …тыдыщь, тыдыщь, дыщь!

Трой оглянулся. Сбоку от них стоял по-обычному толстый местный мальчишка лет эдак пятнадцати от роду и воодушевленно тыкал воздух своими пухлыми кулачками.

— А-а-а… н-н-на! — торжествующе завопил он, нанеся воображаемому противнику решающий удар и теперь грозно потрясая своими кулачками в воздухе. И в этот момент неожиданно обратил на них свое внимание.

— Вау!.. А вы, наверное, гладиаторы?

— Гладиаторы? — Трой и Арил недоуменно переглянулись.

— Нет? — Мальчишка разочаровано сморщился.

— Извините, молодой господин, — вежливо обратился к нему Трой, — а кто такие гладиаторы?

— Вы че, — презрительно скривился мальчишка, — совсем тупые? Гладиаторы — это великие бойцы. Они сражаются и убивают друг друга на арене, завоевывая славу и большие деньги. Большинство из них чужеземцы. Потому что это для них самый лучший шанс заработать не только богатство, но и подданство.

Трой и Арил вновь переглянулись. Потом Трой вновь обратился к мальчику:

— Извините, молодой господин, но я не совсем понял. Гладиаторы — это люди?

— Ну да.

— И они… сражаются друг с другом?

— Ну да.

— Просто так?

— Ну какие же вы все, чужеземцы, тупые! — рассердился мальчишка. — Ну конечно, не за просто так. А за деньги.

Трой удивленно повел плечами, а затем снова переспросил:

— То есть всего лишь за деньги?

— Не «всего лишь», — передразнил его мальчик, — а за хорошие деньги! Вам такие и не снились… И мне тоже, — завистливо закончил он. И, решив прекратить этот бестолковый разговор с тупыми чужеземцами, развернулся и тяжело побежал вдоль по улице, уродливо сотрясаясь всем своим жирным телом.

Трой нахмурился. Он никак не мог понять извращенные правила этой земли, где вот, например, жизнь, дар богов, предоставленный людям для того чтобы они имели возможность подняться над миром животных и приблизиться к ним, богам, насколько это в силах каждого человека, можно было разменивать на такой пусть и редкий, но почти бесполезный для сего пути металл, как золото.

— Ну ведь твой учитель недаром тебе говорил, что Глыхныг — земля крестьян, — негромко заметил Арил. — Здесь властвуют орки. А они не допустят, чтобы в людях вновь прорезались ростки благородства…

А еще через два дня они столкнулись с непредвиденной трудностью.

За это время стало совершенно ясно, что орки конвоируют Беневьера в столицу. И в этом действительность совершенно не расходилась с теми предположениями, которые они сделали еще до отплытия. Вряд ли уничтожить столь могущественный

артефакт, как корона императора людей, можно было где-то, помимо места, обладающего огромной магической мощью, но, так сказать, противоположной направленности. То есть посвященного Тьме, а не Свету. А такое место в земле Глыхныг было одно — храм Шыг-Хаоры, матери Ыхлага, покровительницы земли Глыхныг…

Большинство городов земли Глыхныг были основаны людьми. И многие из них являлись когда-то столицами древних княжеств, ханств и королевств, на которые были разделены люди земли Глыхныг, которая, впрочем, тогда еще называлась по-другому. Люди жили, кичились друг перед другом своей особостью и неповторимостью, оформленной в гордую независимость каждого предела, торговали и ссорились, воевали и мирились друг с другом, отражали набеги орков и сами ходили в походы на них. И так продолжалось до тех пор, пока в стойбище Ыгшыг не родился детеныш орков по имени Ахлыг, позже получивший титулы Избранника Шыг-Хаоры, Длани орков и Повелителя земли Глыхныг. Впрочем, и на их континенте дело долгое время обстояло практически так же. Просто Марелборо сумел объединить людей раньше, чем какой-то местный вождь объединил местных орков, не обращая внимания на то, что многие в тот момент называли его узурпатором, душителем свободы и гнусным захватчиком…

Ахлыг-Шыг, столица земли Глыхныг, высился посреди выжженной солнцем степи. И поблизости от него не было никакого иного строения из камня или дерева. Ибо, согласно законам земли Глыхныг, на расстоянии минимум одного дня пути от столицы возможный враг не должен отыскать ни единого куска камня или дерева, которым можно было бы засыпать ров или из которого можно было бы изготовить штурмовые лестницы или детали осадных машин.

Орки были не слишком умелыми строителями городов, и потому все города в земле Глыхныг строили люди. В том числе и Ахлыг-Шыг. Но ЭТОТ город они построили там, где повелели им их хозяева. И ушли из него. Потому что с того момента, как в его мостовые был уложен последний камень, людям было запрещено постоянно проживать в его стенах. Даже самые нужные из них, доказавшие хозяевам свою верность и преданность, вынуждены были обитать в городках-стойбищах, разбитых орками на расстоянии полета стрелы от стен, появляясь внутри стен только с рассветом и выходя через городские ворота до заката. А чужеземцам путь туда был практически заказан. И хотя паломники, несущие «дар усопшего» к подножию трона Шыг-Хаоры, теоретически имели шанс попасть внутрь кольца

городских стен и даже приблизиться к храму, как выяснилось, когда они добрались до последнего перед столицей города людей, из Ахлыг-Шыга пришло распоряжение прекратить пропуск в столицу любых паломников…

Вечером в комнате таверны они обсудили возникшую проблему.

— Надо прорываться, — мрачно заявил Арил, — ежу понятно, что этот запрет вызван тем, что шаманы орков готовятся к ритуалу уничтожения короны.

Трой тяжело вздохнул:

— И как ты себе это представляешь? Как мы сумеем пешком незаметно преодолеть ровную как стол степь, по которой рыскают десятки патрулей на варгах?

— А что еще нам остается? — огрызнулся Арил. — Если шаманы уничтожат корону, то у людей не останется никаких шансов.

— Если мы попадем им в лапы, то этим только увеличим их шансы уничтожить корону, — резонно возразил Трой.

— И что — сидеть и ждать? — взорвался Арил. — А если они уничтожат корону уже завтра?

— К завтрашнему дню мы не успеем добраться до храма в любом случае, — умерил его пыл Трой, — к тому же, исходя из того, что мне известно о Тьме, они, скорее всего, планируют ритуал уничтожения на время, когда Тьма наберет максимальную силу, то есть на новолуние. А оно наступает только через десять дней. Так что время еще есть.

Арил промолчал, не найдя что возразить, но затем все-таки огрызнулся:

— Что-то раньше ты не был таким осторожным…

Но Трой не стал вступать в перепалку, а грустно заметил:

— Раньше я отвечал только за себя, друзей и побратимов, а теперь… — Он махнул рукой.

На этом обсуждение завершилось.

Следующий день прошел впустую, а утром второго к ним, когда они завтракали в общем зале, подошел какой-то толстяк-глыхныгец и, окинув их уже ставшим для них привычным высокомерным взглядом, осведомился:

— Паломники?

— Да, господин, — почтительно ответил Трой. Чужеземцы в земле Глыхныг были практически обречены на почтительность по отношению к любому местному жителю. Впрочем, случались и исключения…

— Понятно, — кивнул глыхныгец, — меня зовут Сэм. Имеете возможность подзаработать. Все равно ведь застряли здесь

надолго…

Арил и Трой переглянулись. Денег у них пока хватало, но вдруг это шанс подобраться поближе к столице…

— Мы вас внимательно слушаем, господин Сэм.

— Мне нужны сопровождающие, чтобы перегнать партию рабов домой, в Нью-Ашхог, — заявил господин Сэм. А Троя внутренне передернуло. Охранять людей, предназначенных для заклания:

— В Нью-Ашхог? — заинтересованно подался вперед Арил, и Трой поспешно прервал его:

— Прошу простить, господин, но мы вряд ли будем вам полезны. Мы — мирные паломники и не обучены никакому воинскому умению, да и слишком робки, чтобы достойно справиться с обязанностями стражей.

— А по виду такого не скажешь, — недоверчиво пробормотал господин Сэм. Но Трой лишь виновато пожал плечами. И глыхныгец, покачав головой, отошел от стола.

— Ты что, с ума сошел?! — зашипел Арил. — Нью-Ашхог почти на три лиги ближе к столице. Да еще и стоит на Помаке. Так что появляется шанс пробраться вдоль реки…

— Я не буду вести людей на заклание, — тихо, но твердо произнес Трой. Арил запнулся и, окинув Троя все еще сердитым, но уже каким-то виноватым взглядом, медленно кивнул:

— Да. Ты прав. Извини. — Он вздохнул. — Ладно, будем ждать следующего шанса.

Следующий шанс возник этим же вечером. И в лице все того же неугомонного господина Сэма.

Он появился в зале таверны, когда они уже заканчивали с ужином, и сразу же решительно направился к их столу.

— Эй вы, чужеземцы, еще не раздумали подзаработать?

Трой и Арил переглянулись.

— Мы же уже объяснили, уважаемый господин… — начал Трой.

— Да помню я, — досадливо махнув рукой, прервал его господин Сэм. — Сейчас речь не об этом. Все равно из-за этого дурацкого приказа никого из крепких людей в этом городке не оказалось, так что я решил просто вооружить палками своих носильщиков, и теперь мне нужны люди, которые будут тащить их тюки. Ну как, согласны?

Арил, повеселев, бросил взгляд на Троя и поинтересовался:

— А плата?

— Да уже поменьше, чем охранникам, — сварливо пробурчал господин Сэм. — По медяку в день и моя кормежка. Согласны?

— Да, господин, — поспешно сказали Арил и Трой.

— А чего это только вы двое отвечаете? — подозрительно поинтересовался господин Сэм. — А этот? — кивнул он на Крестьянина.

— Да он немой, — пояснил Арил.

— И чего немого с собой тащить? — презрительно скривил губы господин Сэм. — Ох уж эти тупые чужеземцы… — Он сокрушенно покачал головой, как будто жизнь положил на то, чтобы вырвать «этих тупых чужеземцев» из мрака тупости и бестолковости, а они, неблагодарные, все никак… а затем сурово приказал:

— Ко второй страже быть у ворот!

Вечером, когда они уже лежали на нарах в своей комнате (а на что еще, скажите на милость, стоит рассчитывать грязным чужеземцам в земле Глыхныг), Арил задумчиво произнес:

— А знаешь, что меня здесь больше всего поразило?

— Что? — отозвался Трой.

— То, что многие люди из разных мест на самом деле приезжают сюда — в землю Глыхныг.

— Ну не изо всех… — отозвался Трой.

— Да уж точно, — хмыкнул Арил, — нас сюда ни за какие коврижки не заманишь… но все же из других мест — едут. С юга, с западных земель…

— И что?

— Вот я и задумался, почему люди едут туда, где их могут вот так запросто сожрать, да еще и косточки обсосать?

Трой заинтересовано повернулся на бок.

— И почему?

— Да живут они здесь богаче и безопасней. Против западных орков никто более рыла не высовывает, вот и людям здесь жить спокойнее. Да и достатка у них явно больше. Только не пойму почему. А что орки их жрут — так это все в правила введено. А к правилам народ рано или поздно привыкает и приспосабливается. Вот и здесь каждый знает, чего ждать и как можно этого избежать… Может, потому они так над золотом трясутся и копят его столь неистово, что это дает им шанс оттянуть на попозже орочий котел.

К тому же у нас в войнах и смутах тоже народу гибнет много, и неизвестно, где больше — здесь, в котле, или у нас — в бою. А местные о том, что такое война, и слыхом не слыхивали… Только на аренах бои гладиаторов смотрят, кукурузой хрумкая и слюни распуская, представляя, как они бы сами тыдыщ-тыдыщ, — хмыкнул он, вспомнив того толстого паренька, а потом задумчиво продолжил: — Только одно мне все равно непонятно. Они же орков на своей шее содержат — откуда достаток-то?

— А от нас, — отозвался Трой.

— Как это? — садясь на нарах, недоуменно переспросил Арил.

— В смысле от чужеземцев, — пояснил Трой. — Вот смотри, чужеземцы здесь на всех работах, от которых местные нос воротят. И платят им здесь гроши. Потому как у многих разрешение на пребывание… тоже, кстати, та еще выдумка — ну приехал человек, так пусть живет и достаток свой и государства множит, ан нет — спутать-ка его бумагой покруче любых веревок… так вот это разрешение — просрочено. А ежели чужеземец здесь незаконно или, скажем, состарился, так его запросто или надувать можно, или взашей гнать, или в котел. И все так устроено, что семейным ни сюда попасть, ни здесь закрепиться почти и невозможно. Так что ни детей его ни кормить, ни учить не надо, ни его самого лечить и обихаживать. И в комнатах для нас вон — одни нары. Даже кроватей не ставят. Чужеземцев здесь как бы и нет вовсе. Только труд их на земле Глыхныг и присутствует. А они сами там, у себя, за горами, за морями…

И если бы они придумали, как этот самый труд чужеземцев себе на пользу обращать, не привозя их сюда, так и вообще бы нас пускать перестали. Пашите, мол, на нас у себя дома, а уж как вы там у себя жить будете — сами и решайте, абсолютно свободно и независимо… то есть, конечно, до того момента, пока вы на нас пашете. А если вздумаете отлынивать и мудрить, то хозяева земли Глыхныг объявят вас средоточием зла и неправды, быстро соберут орду и навестят вас с дружеским визитом…

— Да уж, перспективка… — хмыкнул Арил. — Ну ладно, давай спать, а то до второй стражи уже всего ни чего осталось…

Глава 5

— Давай, грязноногие, пошевеливайся! — зычно заорал погонщик и щелкнул бичом. В ответ Трой навалился грудью на ремень и оттолкнулся ногами. Рядом столь же рьяно надсаживался Крестьянин. Они двое, как самые здоровые, двигались впереди всей упряжки бурлаков, тянущих по Помаку связку из трех тяжело груженных барж. Арил, который, как выяснилось, неплохо умел обращаться с рулевым веслом, упряжи избежал и сейчас орудовал длинной и тяжелой лопастью на корме одной из этих барж.

— А ну надсадись! — вновь заорал надсмотрщик и ловко огрел кончиком кнута одного из варваров-арбайтеров, который, по его мнению, недостаточно старательно налегал на свой ремень. Троя и Крестьянина он не трогал. И потому, что они не пытались въехать, так сказать, в рай на чужом горбу (хотя еще надо посмотреть, что это за рай, в который требуется въезжать именно таким образом), ну и потому что, когда он давеча все-таки попытался, для порядку, огреть Троя кнутом, тот быстро сбросил лямку и, подойдя к надсмотрщику, вежливо поинтересовался, по какой такой причине он сейчас получил кнутом по спине. То ли вежливость сыграла свою роль, то ли то, что в момент разговора надсмотрщик болтал ножками в воздухе, воздетый вверх Троевой рукой, ухватившей его за загривок, но больше у него подобных поползновений не было. Тем более что ни со стороны владельца барж, ни со стороны ватажного бурлаков никакой реакции на столь вызывающее поведение чужака и умаление достоинства глыхныгца-надсмотрщика так и не последовало. Да и то сказать — они с Крестьянином заменяли собой как минимум пятерых, а то и шестерых бурлаков, а Арил со своими умениями так вообще пришелся очень кстати, уже несколько раз спасая всю связку барж от посадки на мели, каковыми Помак в этих местах был исчерчен вдоль и поперек. И терять столь ценных работников из-за блажи надсмотрщика ни один, ни другой не собирались.

К ватаге бурлаков они трое пристали в Нью-Ашхоге, до которого добрались на третий день пути с господином Сэмом. Путешествие прошло достаточно спокойно, хотя тюки оказались довольно увесистыми и твердыми. Арил даже ворчал:

— Камни, что ль, несем…

Рабов оказалось не так уж много — шесть человек, четверо из которых к тому же были бывшими глыхныгцами. Двое попали в рабство по решению суда, один — как должник, один — как сам

убивший раба и не смогший заплатить за него выкуп. А еще двое — воры, проданные в рабство поймавшей их окружной стражей. И все шестеро уже смирились со своей судьбой и даже не помышляли ни о побеге, ни о бунте. Поэтому четверо настороженных охранников с палками вокруг шести закованных в бронзовые цепи печальных фигур смотрелись несколько… забавно. Трой вообще удивлялся, как трусоват и опаслив местный люд. Даже если кто в таверне, перебрав местного кислого пива или жутко вонючего крепкого пойла, начинал буянить и приставать к окружающим, то эти самые окружающие предпочитали глупо просто лыбиться, втягивая голову в плечи, ну, или в крайнем случае звать вышибалу. Сами же в конфликт не вступали. В империи подобного типчика быстренько успокоили бы ударом по лбу. Беззлобно, но крепко. А ежели не успел сильно достать, то, когда очухается, еще и поднесли бы стаканчик. Для поправки здоровья, так сказать, и в благодарность за доставленную возможность размять кости…

В два часа пополудни они подошли к одному из домов на окраине Нью-Ашхога, рядом с которым находился загон, окруженный высокой, в три человеческих роста, оградой. Внутрь ограды вели крепкие ворота, возле которых стояли два довольно дюжих охранника, вооруженных палками, очень напоминающими дубинки. Потому что один конец у них был окован бронзовыми кольцами. И это было самое грозное оружие из всего, которое они видели в руках людей здесь, в земле Глыхныг…

— Как дела, Пит? — небрежно бросил господин Сэм левому охраннику.

— Все в порядке, господин, — угодливо улыбаясь, ответил тот. — Я гляжу, вы привели еще шестерых?

— Да. И доставил новые колодки. Открывай.

Охранник Пит суетливо бросился к большому железному замку, висевшему на сделанной из толстого дубового бруса задвижке, и загремел ключами. Спустя минуту ворота медленно, со скрипом, распахнулись.

Внутри загона оказалось не слишком людно. Под навесом, устроенным в центре огороженной площадки, угрюмо сидело трое — одна толстая женщина и двое не менее упитанных мужчин. Похоже, все они тоже были глыхныгцы. А у самых ворот играла маленькая, лет четырех, девочка. Трой поначалу даже не понял, что она здесь делает. Причем не только не понял, но у него и вопроса такого не возникло. Просто улыбнулся и вошел внутрь, повинуясь повелительному жесту господина Сэма. Уж больно умильно-благостная была картина — маленькая девочка, сидящая на коленях и лепящая куличики из песка…

— Скидывайте здесь, — приказал господин Сэм.

Трой скинул со спины тяжелый тюк, повел плечами, разминая натруженные мышцы, а затем, повернувшись, подошел к девочке и опустился на корточки рядом с ней.

— Как тебя зовут?

Девочка подняла к нему личико и доверчиво улыбнулась:

— Иния. А тебя?

— Меня… — Трой запнулся. Называть свое истинное имя было опасно, а врать не хотелось. — Зови меня Странник.

— Странник? — Девочка удивленно расширила глазки. — Какое у тебя интересное имя.

Трой, улыбаясь, кивнул:

— Сам иногда удивляюсь…

Девочка старательно слепила очередной куличик и протянула его ему на своей испачканной в мокром песке ладошке.

— Угощайся.

— Спасибо, ты очень добрая… — серьезно ответил Трой, принимая куличик.

— И тебе спасибо, — вновь улыбнулась девочка, а потом как-то мгновенно погрустнела и тихо произнесла: — А то никто больше не хочет есть мои куличики.

И Троя будто током пробило. Он внезапно осознал, что девочка находится ВНУТРИ забора.

— Ты… — Трой почувствовал, как у него внезапно пересохло в горле. — Там, — он повел головой в сторону навеса, — это твоя мама?

— У меня нет мамы, — грустно ответила девочка.

— А… папа? — с отчаянием спросил Трой, все еще отказываясь верить в какую-либо иную причину ее нахождения здесь. Ну не могут же они…

— И папы тоже нет.

— А… где они?

— Не знаю. Мне не говорят. Сказали только, что их больше нет. И наш дом — больше не наш. И я никому не нужна. Только добрый господин Сэм позволил мне жить здесь, у себя, а дядюшка Пит приносит мне поесть…

Трой почувствовал, как на него накатывает жаркая волна, смывающая остатки его способности не просто ясно мыслить, а мыслить вообще… И в следующее мгновение ноги сами подняли его и понесли к господину Сэму.

— Вы что, отдадите оркам ребенка? — едва сдерживая ярость, прорычал он, нависая над глыхныгцем.

— А тебе какое дело, чужеземец? — высокомерно начал было

господин Сэм, но, заметив, как видно, в каком состоянии находится этот тупой, необузданный и ужасно неполиткорректный чужеземец, испугался и несколько сбавил тон: — Э-э-э, то есть нет, конечно… Как вы могли такое подумать? Орки только молочных детей… ну, которым не исполнилось еще шести месяцев, считают за полную подать. Говорят, что у них очень нежное м-м-мя… А те, что постарше, идут по весу. Так что мне нет никакого резона… — Тут он запнулся и втянул голову в плечи, не понимая, но чувствуя, что все его объяснения не отдаляют, а, наоборот, приближают момент, когда чудовищный кулачище этого варвара-арбайтера обрушится на его темечко. Этих варваров вообще было очень сложно понимать. Они как-то патологически были привязаны к детям, даже к чужим. Не понимая, что в цивилизованном обществе каждый должен нести свою, часть социального бремени. У них же, в земле Глыхныг, очень продуманные и справедливые законы. Вот, например, когда башмачник Диегес овдовел, а его единственному ребенку исполнилось два годика, так совет округа даже перенес ему срок подушной подати. На два года. До момента, пока его сыну не исполнится четыре года и он не подрастет достаточно, чтобы мальчишку устроили в окружной сиротский приют (ну, или продали в рабский загон, в конце концов). Диегес, правда, оказался неблагодарной свиньей и попытался сбежать. А когда его поймали — выл, будто его резали, и все прижимал к себе сына. Ну а когда их попытались разнять — своими руками сломал ему шею, крича, что не отдаст своего ребенка в котел оркам. Крайне безответственный поступок! Большие люди предпочитают свежее мясо, так что труп ребенка пришлось просто закопать на задах. Впрочем, чего еще можно было ожидать от бывшего чужеземца. От чужеземцев не приходится ждать ничего хорошего, какими бы искусными башмачниками они ни были…

— Трой, Трой… Трой!

Трой с трудом вынырнул из клокочущей внутри него ярости и повернул голову. Рядом стоял Арил и цепко держал его за рукав.

— Успокойся. У нас есть дело. Ты не забыл? Нам надо попасть в храм Шыг-Хаоры.

— Д-да, — проскрипел Трой, лихорадочно прикидывая, сколько у них осталось денег и хватит ли их на то, чтобы выкупить Инию.

— В храм Шыг-Хаоры, ты помнишь? По очень важному делу. ОЧЕНЬ важному…

Трой на мгновение замер, вспоминая все, что смыла из его памяти волна неконтролируемой ярости, потом сделал глубокий

вдох, еще один и сказал уже спокойнее:

— Да, помню…

— Вот и хорошо, — кивнул Арил, не отпуская, однако, его рукав, и, повернувшись к господину Сэму, растянул губы в слащавой улыбке, которая заменяла здесь, в земле Глыхныг, стандартное приветствие:

— Господин Сэм, мы не могли бы получить плату?

Господин Сэм опасливо покосился на Троя и, решив, что чем быстрее он избавится от этих буйных чужеземцев, тем будет лучше, потянулся за кошелем.

— Вот, возьмите, — буркнул он, протягивая серебро, — и вообще этой маленькой соплячке еще три года ничего не угрожает. Всем же известно, что Больших людей интересуют дети только в грудном возрасте и еще девочки в семь лет, которых они используют для ритуала посвяще…

Трой шумно выдохнул и, вырвав рукав из пальцев Арила, на мгновение замер над испуганно съежившимся господином Сэмом, а затем… резко развернулся и двинулся к воротам. ТЕПЕРЬ он ТОЧНО не мог провалить свою миссию, потому что иначе судьба маленькой Инии будет грозить ВСЕМ маленьким девочкам этого мира…

Арил торопливо кивнул господину Сэму и устремился вслед за ним. В воротах они едва не столкнулись с Питом, но Трой полоснул по нему таким бешеным взглядом, что эта гора мяса и сала испуганно шарахнулась в сторону, больно приложившись спиной о створку. Господин Сэм проводил их облегченным взглядом, а затем озабоченно покачал головой. Да уж… странные чужестранцы. И опасные. А все их разговоры о том, что они якобы робкие, — откровенная ложь. Да еще этот… Ишах отчего-то звал другого совершенно иным именем. Не тем, какое было записано в подорожной. Надо бы сообщить обо всем надзорщику… Посмотрев, однако, на маячившую в проеме ворот могучую спину удалявшегося от него чужеземца, он решил, что сделает это потом, когда орки снимут этот дурацкий запрет и чужеземцы уберутся из Нью-Ашхога. А пока надо тщательно проверить запоры на дверях и окнах и… пореже выходить из дома. А то мало ли чего…

Когда они вошли в местную таверну, Трой уже немного подуспокоился. Хотя в душе его продолжала клокотать ненависть.

Они выбрали самый дальний стол. Арил быстро сделал заказ и отослал служку, велев принести все сразу, а до того не беспокоить, а затем положил свою руку на стиснутый кулак Троя.

— Ну… успокаивайся. Ты же не можешь спасти всех!

— Всех — нет, — глухо прорычал Трой, — но тех, до кого

может дотянуться моя рука, — обязан!

— Нет, не обя…

— Обязан! Как ты не понимаешь? В этом и есть суть благородства. Спасать и защищать! И как я смогу смотреть в глаза своему будущему собственному ребенку, если когда-то не сумел спасти другого? Как я смогу учить его самому важному? Не владению мечом, не вольтижировке, не умению разбираться в винах и пряностях или управлять доменом, а самому важному!

Арил скрипнул зубами. Временами его господин, друг и побратим становился просто невменяемым… Но, с другой стороны, Арил твердо знал, что он признал Троя своим господином и теперь готов не задумываясь обменять свою жизнь не просто на жизнь Троя, а даже всего лишь на год, месяц, да что там, даже день его жизни именно потому, что он такой. Вздохнув, Арил тихо проговорил:

— Я надеюсь, ты не собираешься переться в храм Шыг-Хаоры с ребенком под мышкой?

— Нет, — хрустнув костяшками пальцев, глухо ответил Трой.

— Ну хоть за это слава богам, — сказал Арил и, мгновение помолчав, добавил: — Нам надо поскорее убираться из Нью-Ашога.

— Почему?

— Я назвал тебя Троем в присутствии этого урода, господина Сэма.

— Зачем? — удивился Трой.

Арил хмыкнул:

— Видел бы ты себя в тот момент… я вообще удивляюсь, как ты вообще отреагировал на свое собственное имя. А уж если б я назвал тебя Рыгулом…

Трой медленно кивнул, а Арил продолжил:

— Да и вообще, вряд ли он остался сильно доволен тем, как вы расстались. А ты знаешь, что глыхныгцы — патологические предатели. Для них заложить оркам даже своего — самое милое дело. А уж тем более чужеземца.

В этот момент у стола появился служка с полным подносом еды. Споро расставив на столе блюда, он наклонился к Арилу и, указав на крайний у окна столик, негромко пробормотал:

— Вон тот господин посылает вам бутылку вина и просит разрешения подсесть к вам для делового разговора.

Трой, Арил и Крестьянин повернулись и посмотрели туда, куда показывал служка. За столиком сидели двое — изрядно дородный господин, явно из подданных земли Глыхныг, и еще один дюжий мужчина. Судя по телосложению — чужестранец. Поймав их взгляд, господин приветливо улыбнулся.

— Хм, что-то новенькое, — пробормотал Арил, — где это видано, чтобы глыхныгец утруждал свои ножки тем, чтобы подойти к чужеземцу?

— К нам, скорее всего, подойдет его сосед по столику, — все еще хмурясь, пробурчал Трой. Так оно и оказалось.

— Рад приветствовать столь могучих мужчин, — торжественно произнес чужестранец, присаживаясь за стол. — Мое имя — Кымет. Я — ватажный бурлаков.

— Очень рады знакомству, — вежливо отозвался Арил.

— А не желают ли господа немного подзаработать?

Трой и Арил переглянулись.

— А именно?

— Мы тянем связку из довольно увесистых барж вверх по Помаку. И нам явно не хватает крепких ног и плеч. А вам, — он кивнул на Тайную ветвь, замаскированный под «дар усопшего», — все равно еще ждать и ждать.

Ахлыг-Шыг находился как раз в двенадцати лигах выше по Помаку. В такую удачу невозможно было поверить… как, впрочем, и много раз до сих пор. Но соглашаться сразу все же не стоило. Ну что это за работники, которые не поторгуются? Даже если они не собирались оставаться до конца и получать уговоренную плату…

— Понимаете, мы только что пришли с грузом из…

— Золотой, — быстро сказал ватажный.

— Каждому?

— Да, за день.

Арил покосился на Троя и широко улыбнулся:

— Идет.

— Тогда жду вас на причале завтра с рассветом…

На первый ночлег они остановились за половину дневного перехода до стен Ахлыг-Шыга. То есть для них-то это был полный дневной переход. Трой и Крестьянин торопливо похлебали ужин из общего котла и завалились спать на кучи травы, сорванной над речным обрывом, укрывшись новенькими плащами, купленными Арилом в Нью-Ашхоге. Когда Трой поинтересовался, на кой им эти плащи, Арил резонно заметил:

— А когда мы полезем в Ахлыг-Шыг, «куклы» ты из чего будешь делать? Или надеешься, что твое могучее природное обаяние подействует на всех так, что они даже внимания не обратят на то, что именно во время ночевки у Ахлыг-Шыга мы трое куда-то отлучились?

Ну а Арил задержался у костра, выспрашивая своих новых знакомцев об Ахлыг-Шыге. Купец-глыхныгец со своими людьми ночевал на одной из барж, так что у костра собрались только

бурлаки.

Самым знающим оказался ватажный. К удивлению Арила, он был глыхныгцем. В ватаге бурлаков таковых было еще всего двое, остальные — чужеземцы. Как ватажный до сих пор не попал в котел, оставалось непонятным. Может быть, дело было в том, что с такой кочевой жизнью он неожиданно оказался не приписанным ни к одному округу, и некому было включить его в очередь подушной подати…

Как бы там ни было, но с ним Арилу очень повезло. Потому что он не только водил баржи по Помаку мимо столицы уже тридцатый год, но и дважды в своей жизни побывал в стенах Ахлыг-Шыга. Да и вообще, как выяснилось, знал он довольно много, потому что умел смотреть, широко открыв глаза, и слушать, навострив уши.

— Да чего там, парень, — добродушно усмехаясь, рассказывал он Арилу, — ничего там особенного нет. Домишки невзрачные, навроде их стойбищных шатров, ну, загоны еще, для людей. Есть еще и строения повыше, это где их шаманы камлают. Ну площади есть, числом три. Это где они строятся. Там же, почитай, не город, а лагерь воинский. Только каменный. Ни самок, ни детенышей почти и нет. Это еще их Ахлыг Великий так наказал, чтоб, значит, земля Глыхныг именно из воинского лагеря управлялась.

— А храм?

— А что храм? Храм у них еще с тех времен, когда и земли Глыхныг-то не было. И орки еще по своим стойбищам отдельными родами сидели или кочевали по степи. Так что храм — это всего лишь площадка такая. На вершине скалы, вокруг которой Ахлыг-Шыг и выстроен. По легендам, именно на той площадке Ахлыгу Шыг-Хаора и явилась. И там осенила его своей силой и мудростью. А он взамен провозгласил ее главной над всеми иными богами орков и пошел ее волей воевать орков.

— Не людей разве? — недоуменно спросил Арил.

— Да не… людей они еще раньше очень даже запросто воевали. А Ахлыг пошел воевать орков. Сначала один род победил, воинов поубивал, а самок и детенышей к своему присоединил, затем другой, потом третий… А как детеныши подросли, орки-то не то что люди, уже к десяти годам, считай, в полную силу входят… и по обряду его рода воинами стали, так у него сразу столько воинов образовалось, что следующие четыре рода он покорил, считай, одновременно. Так и повелось. А когда в его роду, почитай, половина всех орков оказалась, он прекратил другие рода воевать, а наоборот, предложил им союз, чтобы вместе двинуться на людей и всех их покорить.

Арил понимающе кивнул. Вот оно как… А ватажный между тем продолжал:

— Ну тем-то и делать было нечего — согласились. А он, сказывают, их все время вперед своих пускал. Чтоб своих, опять же, поберечь. А как в каком роду воинов не оставалось, он его самок и детенышей опять в свой род включал… Так и захватили сначала одно королевство людей, потом другое. А когда люди опомнились, глядь — уже десяток королевств и княжеств под орками. Только надумали было союз создавать, а Ахлыг возьми да и предложи некоторым свой союз и вечную дружбу. А те и рады! Ахлыг ведь к тому моменту так людей напугал, что перед ним все тряслись. А тут раз — и все в ажуре! Воевать с грозным врагом не надо. Жизни свои драгоценные смертельной опасности подвергать — тоже. Все хорошо, и все довольны. Да еще и радовались, когда Ахлыг еще пяток герцогств да княжеств захватил. Оно ж между людей ведь как — раз сосед, значит, извечный враг да соперник. И когда у него беда, так нам радость и удовольствие. А тут еще эти, которые мир заключили, еще и тем, кто их предупреждал, что, мол, добром это не кончится, вообще рот заткнули. Смотрите, мол, какие мы разумные да мудрые. Вон, эти на мировую не пошли — и где они теперь? А мы — вот они, живы и в безопасности. — Ватажный замолчал и задумался, покусывая травинку.

— А потом? — тихо спросил Арил через некоторое время.

— А что потом? Потом Ахлыг возьми да и помри. Но перед смертью построил здесь, на скале, на месте бывшего святилища, храм, затем избрал себе унаследника и привел его сюда на испытание. Говорят, он многих здесь испытывать пробовал, но только один до конца испытание прошел. И именно он Ахлыгу и унаследовал. Уж что там за испытание было — не знаю, но навроде как сама Шыг-Хаора его испытывала. — Ватажный вновь замолчал. Над костром повисла напряженная тишина, а затем кто-то из бурлаков тихо спросил:

— Кымет, а чего ж ты нам ничего такого не рассказывал?

— А из вас разве кто спрашивал? — резонно возразил ватажный. — Ежели вопроса нет, так чего зазря воздух сотрясать-то?

— Да ладно, чего сейчас судить, — отозвались от костра, — ты давай дальше сказывай.

— А дальше все то же. Наследник все по его примеру делал. Слово, что Ахлыг разным людским государствам дал, он держал лет шесть-семь, не больше. А потом как раз новые воины подросли. И все по новой началось. Так что те, кто своей разумности радовались, потом все одно оркам в котел попали. В

те времена они с нашим родом куда как меньше церемонились… Так и образовалась земля Глыхныг. И стоит она ныне непоколебимо. — Он замолчал. Все сидели, оглушенные услышанным.

Спустя некоторое время Арил спросил:

— Слушай, ватажный, а мне сказывали, что люди имеют право находиться внутри стен Ахлыг-Шыга только до заката солнца.

— Ну да, — кивнул тот.

— А как же загоны?

— Так там разве люди? Там — доброе мясо.

Арил помрачнел и посмотрел искоса на плащи, которыми укрылись Трой и Крестьянин. Он не сомневался, что его побратим и господин слышал каждое слово, произнесенное у костра. И потому решил переменить тему.

— А что, те испытания, про которые ты рассказывал, по-прежнему обязательны для тех, кто собирается стать вождем орков?

— Да не, — ватажный махнул рукой, — ну кому они теперь нужны-то? Теперь они сами себе хозяева. Никакие боги им не указ. Нонича они сами себе вождя избирают. Какого захотят…

Утром следующего дня Трой и Крестьянин поднялись, демонстрируя, что вчера шибко устали (что, в общем, было не такой уж неправдой) и за ночь так и не успели как следует отдохнуть. Что для новичков было совершенно естественным.

День прошел так же, как и предыдущий. А на ночевку они остановились в виду стен Ахлыг-Шыга. Столица орков располагалась не на берегу реки, как построили бы город люди, а почти в пол-лиги от нее. И прямо в центре кольца ее стен вздымалась вверх скала храма…

Перед ужином Трой и Крестьянин старательно показывали, как сильно они устали, и сразу после похлебки завалились на кучи травы, которые предварительно подготовили чуть в стороне от остальных. Чтобы, мол, свет и разговоры у костра не мешали отдыхать. Арил еще посидел у костра и почесал язык с бурлаками. Но на этот раз ватажный не рассказал ничего интересного, да и планы на вечер и ночь не предусматривали долгого сидения у костра, так что через некоторое время он отошел к месту, где уже темнели фигуры спящих Троя и Крестьянина. Там он некоторое время довольно шумно устраивался, ворчал на Крестьянина, требуя подвинуться и убрать руку, и на Троя, чтобы тот отодвинул ногу. Бурлаки даже не догадывались, что ни Троя, ни Крестьянина на месте уже давно не было…

К стене Ахлыг-Шыга Трой и Крестьянин подползли, когда уже совсем стемнело. Они воспользовались засохшим руслом ручья, видимо, наполнявшегося только в то время, когда над Ахлыг-Шыгом шли затяжные осенние дожди. Однако шагов за сто от стены русло резко поворачивало влево и исчезало где-то в стороне. Так что воспользоваться им, чтобы приблизиться к стене вплотную, было невозможно. Впрочем, даже если бы русло протянулась до самой стены, Трой вряд ли продолжил бы двигаться по столь явному пути подхода. С орков станется усыпать дно ручья железными или, что еще хуже, стеклянными «яблоками». И не заметишь, как руки располосуешь…

Около часа оба лежали, тщательно изучая все, что происходило на стене, и обмениваясь только легкими, едва заметными касаниями рук и едва различимым во тьме шевелением губ. А затем Трой, кивнув Крестьянину, который должен был дождаться Арила, осторожно двинулся вперед.

Орки видят в темноте гораздо лучше людей, хотя, конечно, хуже, чем днем, поэтому сейчас ночная темень была для Троя скорее помехой, чем подспорьем, ибо заставляла двигаться так, будто вокруг был белый день, и в то же время напрочь скрывала канавы, камни, кусты, могущие послужить защитой от сторожкого взгляда. Так что вплотную к стене он подобрался лишь через полчаса после того, как выбрался из засохшего русла. Припав к стене ухом, он некоторое время вслушивался в камень, а затем осторожно размотал тонкую, но прочную веревку и обвязался ею вокруг пояса. После чего снял сапоги, размял пальцы, глубоко вдохнул и начал осторожно карабкаться по стене.

Наверх он взобрался довольно быстро. Похоже, стена была выстроена довольно давно и с той поры не особо ремонтировалась, так что края каменных блоков, из которых она была сложена, от времени, ветра и дождей выщербились, и потому пальцам рук и ног было за что цепляться.

Прочно устроившись между двумя зубцами, Трой осторожно высунул голову и огляделся. Часовые, маячившие шагах в шестидесяти по обе стороны от того места на стене, где сидел Трой, похоже, ничего не заметили. Он отвязал веревку от пояса и привязал ее к зубцу, после чего тихонько дернул ее, подавая сигнал остальным, а сам выскользнул из-за зубца и, распластавшись на стене, осторожно заглянул за ее внутренний край.

Алхыг-Шыг был освещен крайне скудно. Но света редких факелов вполне хватало на то, чтобы более-менее разглядеть столицу орков и главный город земли Глыхныг. Он был куда меньше Эл-Северина. Алхыг-Шыг был даже меньше Большого

города. И, как и рассказывал ватажный, представлял собой, по существу, выполненное в камне стойбище орков. Потому что даже дома тут были в большинстве своем одноэтажные и круглые. Кое-где они перемежались загонами для людей и двух-, трехэтажными строениями непонятного назначения. Наверное, именно о них говорил ватажный, что там камлают шаманы. А в самом центре Ахлыг-Шыга высилась скала. И вокруг нее змеилась ярко освещенная факелами узкая извилистая лестница, вырубленная прямо в ее теле. Эта лестница вела на самую вершину скалы, на которой, открытые всем ветрам и дождям, вздымались вверх грубо отесанные орочьими лапами столбы древнего храма Шыг-Хаоры. Трой несколько мгновений вглядывался в причудливые изгибы лестницы, а затем шепотом выругался. Потому что факелы, ярко освещавшие лестницу, держали стоящие на каждой ее площадке в торжественном молчании воины-орки. Все оказалось зря, им НИ ЗА ЧТО не проникнуть в храм…

Глава 6

Сегодня Беневьеру опять не спалось. Впрочем, скорее было бы удивительно, если бы хоть какому-то человеку хорошо спалось в Ахлыг-Шыге. Уж слишком нечеловечьим было это место. Даже не просто нечеловечьим, а прямо-таки враждебным всему человеческому.

В столицу земли Глыхныг Беневьер попал неделю назад после довольно долгого, но не очень обременительного путешествия по местным городам и весям. Двигались они хоть и пешком, но не торопясь, кормежка везде была вполне сносной (хотя он не сразу привык к местной кухне), так что особой усталости Беневьер не чувствовал. До тех пор, пока на горизонте не взметнулась вверх скала храма, опоясанная стеной Ахлыг-Шыга…

Первую ночь по прибытии Беневьер провел в стойбище напротив восточных ворот. Его поместили в шатер, занимаемый человеком-писцом. Вернее, он был не только писцом, но еще и хранителем Большой дорожной печати, которая ставилась на все сопроводительные документы гонцов или иных лиц, следующих куда-то по личному повелению властителей Ахлыг-Шыга. Чуть позже Беневьер понял, что, скорее всего, ему доверили эту печать потому, что орки воспринимали этого преданного им не только душой, но и самым последним ноготочком человека просто как удобный и надежный инструмент — вроде как стило или перо с печаткой на другом конце. И удобно — все под рукой, и надежно — не потеряешь. Но сам писец рассматривал это как знак особого доверия и собственной великой значимости.

Когда их представили друг другу, на лице этого глыхныгца нарисовалась уже привычная Беневьеру смесь благоговения и презрительности. Благоговения перед своими хозяевами, которым отчего-то был особенно важен этот странный чужеземец, и презрения (хоть и замаскированного слащавой улыбкой)… потому что ну чего еще заслуживает тупой чужеземец?

К удивлению Беневьера, большинство людей в этом стойбище оказались вполне себе нормального телосложения. Как выяснилось, вообще с телосложением дело обстояло так: орки установили стандарт веса одной подушной подати. И если избранные в качестве таковой его не набирали, они были вправе потребовать добавки. Иногда, если недобор был небольшим, орки ограничивались ногой или парой рук, но чаще всего просто забирали еще одну особь. По своему выбору и вне установленной окружным советом очередности. Да и те, кто отдавал руку либо ногу, вполне могли показать недобор, уже когда подходила их

очередь, и тогда оркам вновь потребовалась бы компенсация. Что было бы крайне несправедливо по отношению к членам общества, забранным орками вне своей очереди, поскольку нарушались все демократические нормы и правила, свято соблюдаемые окружными советами при установлении очередности. Поэтому считалось святым гражданским долгом каждого подданного земли Глыхныг весить не меньше, чем требуется оркам. И чем больше был вес гражданина, тем большим уважением он пользовался, поскольку это явно подтверждало его высокую гражданскую сознательность и приверженность базовым жизненным ценностям родной земли. Так что детей тут начинали откармливать с детства, и часто ребенок уже лет в десять-четырнадцать весил больше, чем в империи весил взрослый сорокалетний мужчина.

Однако те, кто относился к самым сливкам местной элиты, были практически избавлены от подушной подати. Кто из-за своего богатства, а кто вследствие особой ценности для хозяев. И потому среди них особым шиком считалось не набирать лишний вес. И вообще следить за собой, мучая свое тело специальным упражнениями и всякими искусственно придуманными ограничениями в еде. Все это, однако, не служило воспитанию воли и привычки переносить трудности, освоению навыков владения оружием и подготовке тела к боям, дальним походам или иным жизненным испытаниям, во множестве встречающимся на пути настоящих людей, а предназначалось всего лишь для того, чтобы «сформировать хорошую фигуру». Впрочем, а что еще оставалось им, лишенным малейшей возможности стать воинами Света и Добра, которых к тому же убедили, что Свет и Добро — это миф, чушь и блажь, достойные лишь тупых и отсталых чужестранцев, а отнюдь не продвинутых и современных жителей самого благословенного места на земле…

Но это было здесь вполне в порядке вещей. Так что Беневьер уже перестал считать, сколько в земле Глыхныг смехотворных и бестолковых привычек и занятий, к которым сами глыхныгцы относились с истовой серьезностью, считая их отличительными признаками своей цивилизованности и продвинутое по сравнению с тупыми и отсталыми чужеземцами.

Писец поначалу казался Беневьеру забавным, его отношение к чужеземцу, благоговейно-угодливое, вдруг сменялось вспышками высокомерия, вызванными недоуменной обидой, почему это ему, такому верному и рьяному исполнителю воли хозяев, допущенному в святая святых земли Глыхныг, самой соли здешней элиты из числа людей, не выказывается столько почета и внимания, как этому грязному, тупому чужеземцу. В конце

концов, измученный этими метаниями, писец завернулся в кошму и уснул. И Беневьер оказался предоставленным самому себе.

Той ночью он долго лежал без сна, размышляя над тем, куда завели его принципы, в соответствии с которыми он строил свою жизнь и которые всегда казались ему самыми разумными, прагматичными и необременительными из всех возможных. Он всегда пытался жить только для себя, избегая любых привязанностей и обязанностей — семьи, дружбы, верности, долга и иных, как ему казалось, пути зависимостей, ограничивающих самую большую его ценность — личную свободу (ну или то, что он считал таковой). Те же, кто добровольно вешает их на себя, казались ему глупцами, замороченными всякой фальшью и заумными благоглупостями. И к чему это привело? В конце концов он оказался в полной зависимости от властолюбивого и, как выяснилось, пусть и хитрого и коварного, но не шибко умного подонка, затянувшего в этот мир темного бога и самого ставшего его рабом, получив в награду… червеобразное тело.

Попав в эту зависимость, он, опять же, решил не забивать себе голову всякими высокими материями и жить, не заморачиваясь, а наслаждаясь в чем-то уменьшившимися, а в чем-то намного увеличившимися возможностями. И эта жизнь привела его сюда, в столицу земли Глыхныг, в полную неизвестность, и существует огромная вероятность заполучить клеймо самого чудовищного предателя рода людского.

И вот теперь Беневьер лежал, глядя во тьму и думая о том, что есть там, ЗА смертью. За тем моментом, когда его человеческое тело, поглощающее и переваривающее пищу, испытывающее холод и жару, удовольствие от секса и боль от ударов, словом, ничем не отличающееся от такого же у любого иного животного… сломается и перестанет удерживать в себе его, Беневьера, уж непонятно как это назвать — душу ли, сознание ли, разум… Что ждет это там, за не такой уж и далекой и, главное, непременно когда-нибудь ожидающей каждого из нас гранью? И не станут ли непреодолимым препятствием для того, что должно или как минимум могло бы наступить, тысячи, сотни тысяч, да что там — миллионы проклятий, с которыми люди будут произносить его имя…

Беневьер лежал и думал. Вся его свобода оказалась мороком, иллюзией, за которой скрывались лишь потребности его животной части — тела, а на месте всего остального оказалась лишь пустота… И он способен только плыть по течению, увлекаемый чужими волями. А у него самого нет сил даже на то, чтобы распорядиться пусть не своей жизнью, а хотя бы своей

смертью. Ибо для того чтобы распорядиться своей смертью, надо либо совершенно устать от жизни, а он слишком привязан к ней, либо… иметь для сего столь непростого поступка опору, опору в том, что он ранее считал лишь путами — в дружбе, в чести, в любви… А у него нет и теперь уже никогда не появится такой опоры.

На следующее утро в шатер вошел орк в одеянии младшего заговоруна, при появлении которого писец растерянно вскочил и склонился в глубоком поклоне, и, не ожидая, пока Беневьер кончит завтракать, велел следовать за собой. Пятнадцать минут по мощенной камнем дороге — и Беневьер вошел под своды надвратной башни Ахлыг-Шыга, столицы орков, главного города земли Глыхныг.

Пройдя по улице, скорее условной, потому что округлые дома-хижины с крышами из кожаных листов было разбросаны тут и там хаотично, они оказались у дверей дома, несколько более похожего на человеческие. Впрочем, так казалось, пока Беневьер не вошел внутрь…

Внутри находились двое шаманов с посохами старших заговорунов. Но когда Беневьер вошел и, повинуясь мощной длани сопровождавшего, рухнул на колени на покрывавшие весь пол овечьи кошмы, ни один из этих двоих даже не повернул головы в его сторону. Оба продолжали все так же невозмутимо прихлебывать что-то из коротких и широких то ли чашек, то ли блюдец, то ли пиал, тихо перебрасываясь словами.

Беневьер простоял на коленях, которые уже начало ломить, около двадцати минут, прежде чем двери вновь распахнулись и на пороге появилась еще одна могучая орочья фигура. При ее появлении все пришло в движение. Оба шамана отставили чашки, блюдца, пиалы и в свою очередь склонились в глубоком поклоне, впрочем, которого Беневьер не видел, потому что мощная длань его сопровождающего заставила его склониться так низко, что он уперся лбом в плохо промытую и потому вонючую овечью шерсть. А может, она была просто старой и грязной…

— Иди за мной, человек, — пророкотал вошедший, который, похоже, уже настолько привык к выражениям почтения, что не обращал на это никакого внимания. Беневьер поднялся на ноги (с некоторой довольно чувствительной помощью сопровождающего) и послушно последовал за приказавшим. Они поднялись на второй этаж и оказались в помещении, обставленном гораздо богаче нижнего. Во всяком случае пол зала здесь покрывали не вонючие кошмы, а тонкий джерийский ковер, который к тому же похоже, регулярно чистили. Или меняли. В таком случае этот заменили не так давно. А для сидения вместо деревянных

чурбаков использовались джерийские же мягкие пуфы.

— Садись, — кивнул ему хозяин дома (ну, или тот, кого здесь почитали как хозяина). Беневьер послушно сел.

— Пить хочешь?

От подобного вопроса Беневьер едва не свалился с пуфа. О Светлые боги — моря горят, скалы текут, кролики размножаться перестали… что же такое произошло, что на земле Глыхныг орки стали интересоваться желаниями людей? Впрочем, подобным шансом следовало воспользоваться. И если не напиться, то хотя бы испытать то, что произойдет, если он ответит «да».

— Да.

Ничего необычного не произошло. Просто сидевший перед ним шаман (а теперь, присмотревшись, Беневьер был уверен, что перед ним сидит не вождь, как он поначалу решил, а именно шаман, только одетый богаче других и почему-то без посоха) молча кивнул замершему в дверной арке сопровождающему. Тот склонился в поклоне и мгновенно исчез, чтобы появиться спустя минуту с такой же, как у тех двух шаманов, емкостью, наполненной какой-то шибающей в нос, но приятно прохладной жидкостью.

— Ты расскажешь мне об империи людей, — спокойно даже не приказал, а просто констатировал хозяин дома.

Беневьер сделал глоток из принесенного сосуда и, поставив его рядом с пуфом, с легким поклоном спросил:

— Что угодно услышать моему господину?

— Все.

— Все?

— Да, — нетерпеливо дернул лапой орк, — начинай рассказывать обо всем, что посчитаешь нужным. Вопросы я буду задавать в процессе твоего рассказа.

Беневьер вновь поклонился и начал…

Они проговорили до вечера. Правда, с трехчасовым перерывом, во время которого Беневьера спустили вниз, в комнату с двумя шаманами, где он немного подремал под их негромкое бормотание. Вечером шаман заявил:

— Я доволен тобой. Ты будешь рассказывать мне и дальше.

После чего он хлопнул лапами, и когда в дверной арке появилась грузная фигура одного из тех двух шаманов, коротко приказал:

— Подготовьте ему клеть под крышей. Я хочу, что бы он постоянно был под рукой.

Шаман дернулся, как от удара.

— Но… Великий Хылаг, еще повелитель Ахлыг завещал, чтобы ни один из людей…

— А те, кто в загонах? — насмешливо спросил его хозяин дома.

— Это — не люди, — как нечто само собой разумеющееся изрек шаман. — Это просто еще не освежеванное доброе мясо.

— И он — тоже, — равнодушно ткнув лапой в сторону Беневьера, заявил тот, кого назвали великим Хылагом. Отчего у Беневьер все внутри похолодело.

— Во всяком случае не более, но и не менее, чем они — люди. Любой человек — это доброе мясо, также как любое доброе мясо — человек. Пока полезен. Все зависит от точки зрения…

И вот уже шесть дней Беневьер жил в этом месте, где любой человек — доброе мясо, какую бы должность он здесь ни занимал и как ни предан был своим хозяевам. Только вот никто из находившихся здесь людей, кроме него самого, об этом не догадывался. И Беневьер сильно сомневался, что орки позволят ему, обладающему таким опасным знанием, и дальше оставаться в числе живых…

Это ли было причиной или просто гнетущая для человека атмосфера всего этого города-стойбища, однако с того момента он каждую ночь мучился бессонницей, только под утро забываясь тяжелым, глухим сном. Вот и сегодня, повалявшись на кошме, брошенной в угол его каморки, Беневьер встал и подошел к окну. Окно в его комнате не было забрано решеткой. Да и дверь никак не запиралась. Его тюрьмой был сам Алхыг-Шыг, наполненный тысячами орков, вырваться отсюда у него не было никакой возможности. Да если даже он и выберется — что потом-то? Беневьер встал у окна и втянул ноздрями терпкий, наполненный запахами грязи, вони и орочьего немытого тела воздух, который был хоть и немного, но все-таки свежее того, что заполнял его каморку… А в следующее мгновение замер, обнаружив три почти неразличимых сгустка темноты, притаившиеся на стене Ахлыг-Шыга! Кто-то пытался тайно проникнуть в Ахлыг-Шыг. И это им удалось. Ну почти…

Некоторое Беневьер молча стоял, чувствуя, как амулет совершенной верности все сильнее стягивает свою магическую удавку у него на шее, побуждая немедленно закричать, подать сигнал, а затем его мозг, лихорадочно ищущий выход, предоставил ему маленькую лазейку: «Да, их необходимо схватить, поймать, задержать, и именно этого требует от него воля его господина, но… не так. Надо сначала заманить их сюда. Чтобы орки оценили помощь Беневьера в поимке столь умелых и ловких лазутчиков. Кто бы они ни были… И сохранили ему жизнь. Дабы он мог и впредь успешно исполнять все повеления своего господина!» Амулет замер, пытаясь своим псевдоживым

псевдоразумом, использующим для принятия решения не столько самого себя, сколько ресурсы, разум и логику своего носителя, понять, где здесь правда и где подвох, а затем слегка ослабил хватку. И Беневьер тут же бросился к плошке масляной лампы, стоящей в углу каморки, и дрожащими руками ударил кремнем по кресалу. Трут долго не загорался, но наконец на нем вспыхнула и занялась маленькая искорка, в которую Беневьер поспешно ткнул фитилем лампы. А затем, подхватив разгоревшийся огонек, отошел к стене и начал размахивать лампой, стараясь, чтобы движущийся огонек находился строго в секторе обзора трех фигур на стене и не попал в поле зрения ни одного из часовых.

Спустя несколько минут он поставил лампу на пол и вновь подобрался к окну. Темных пятен на стене больше не было. А орки-часовые маячили на тех же самых местах. Похоже, они ничего не заметили. Теперь оставалось только ждать…

Трое появились в его каморке спустя где-то два часа. Беневьер, рискни он сделать такое, вряд ли сумел бы пройти через этот наполненный орками город-стойбище быстрее. Даже в свои лучшие времена…

Они бесшумно ввалились в его каморку через окно, и тот, кто, судя по всему, был среди них старшим, быстро окинув комнату настороженным взглядом, почти неслышно спросил:

— Кто ты?

Беневьер, который вновь начал ощущать на своей шее требовательную хватку амулета, хрипло ответил:

— Меня зовут Беневьер.

Старший вздрогнул и едва не отшатнулся от него, как от прокаженного. Но удержался. А Беневьер торопливо продолжил:

— Вот, — он развязал тесемки воротника и вытащил из-под рубахи амулет совершенной верности, — это он. Он заставлял меня делать то, чего хотел от меня мой господин… Я обманул его… обещав заманить вас в эту каморку… и закричать, позвав орков… чтобы они увидели… как верно… как я предан… моему господину… — Каждое новое слово давалось ему все с большим трудом, потому что амулет пришел в полное неистовство, осознав, какое подлое предательство совершил тот, кто был вверен его контролю.

— И зачем ты позвал нас? — холодно спросил предводитель.

— Чтобы… чтобы… — захрипел Беневьер, выталкивая сквозь стиснутое горло последние остатки воздуха из горящих легких, — вы увидели… что я… не закричал…

И тут произошло неожиданное. Предводитель внезапно скинул с головы капюшон куртки, который прикрывал его лицо и,

протянув руку, стиснул в кулаке беснующийся амулет. И… не умер на месте от укола охранной Иглы Тьмы. И амулет при этом не убил уколом такой же иглы и самого Беневьера, как ему когда-то рассказывал его господин… Наоборот, амулет внезапно вздрогнул и слегка ослабил хватку. А предводитель все сильнее и сильнее стискивал кулак. Амулет отчаянно завибрировал, напрягая все свои силы, дабы исполнить-таки свое предназначение и наказать того, кто предал своего господина. Но все было напрасно. Предводитель лишь поудобнее перехватил амулет пальцами и… резко дернув, оборвал шнурок, который обвивался вокруг шеи обреченного, после чего швырнул его на пол каморки и наступил на него ногой.

— Ты оказался прав насчет этих штучек, Арил, — с легкой усмешкой произнес он, поворачиваясь к своему соратнику. — Только они, как выяснилось, вовсе не такие уж грозные, как считалось.

— И это говорит тот, кто своими руками загасил Темное пламя… — пробурчал в ответ другой из лазутчиков. А Беневьер сипло втянул в горящие огнем легкие живительный глоток столь сладкого воздуха и в следующее мгновение рухнул на пол, теряя сознание. Узнав напоследок в своем спасителе Троя Побратима, герцога Арвендейла, Алого герцога, человека, за которым он столь долго и безуспешно охотился и который был виновником множества неприятностей, кои он претерпел из-за него от своего господина. И вот теперь этот самый Трой, герцог Арвендейла, оказался его спасителем…

Когда он очнулся, за окнами уже начало светать. Горло жутко саднило. Сильно болела голова. Беневьер судорожно дернул рукой, провел ею по груди и… НЕ НАЩУПАЛ никакого амулета! Значит, это был не сон!

— Очнулся, гаденыш, — тихо прошелестел над ухом чей-то голос. Беневьер распахнул глаза. Над ним склонился один из лазутчиков. Не герцог Арвендейл. И не другой, такой же здоровый.

— Успокойся, Арил.

— Да если б не он…

— Того, что произошло, уже не изменишь. Надо думать не о том, как бы оно было, если бы… а как выпутаться из того, что есть сейчас.

— И как же? — огрызнулся Арил.

Но герцог ему не ответил, а повернулся к Беневьеру:

— Мы пришли за короной. Ты не знаешь, где она находится?

— Ну… точно не знаю. Но, скорее всего, она в храме. Они отволокли ее туда сразу же, как только я ее… — И он запнулся,

смутившись.

Герцог кивнул:

— Понятно. А ты знаешь, как туда можно попасть… не вырезая весь гарнизон?

— Н-нет, — мотнул головой Беневьер, а затем, спохватившись, продолжил: — Н-но… я могу узнать. Наверное…

— То есть?

— Меня каждый день допрашивает их главный шаман. И я думаю, что есть возможность кое-что выведать и у него самого.

Трой и Арил переглянулись. А потом все трое бросили взгляд за окно. Было уже совсем светло, и ни малейших шансов проникнуть в храм уже не осталось.

— Ты рискнешь ему довериться? — глухо спросил Арил.

— А у нас что, есть другие варианты? — ответил вопросом на вопрос Трой.

— Нет, — мрачно констатировал Арил, — но мы как-то неожиданно попали в слишком сильную зависимость от совершенно чужих нам людей. Непонятно еще, как поступят бурлаки, обнаружив утром, что мы исчезли прямо под стенами Ахлыг-Шыга.

Трой пожал плечами.

— Этого я не знаю. Но… учитель говорил мне, что иногда самым разумным поступком является положиться на честь, совесть и достоинство других. Люди, сколь бы они ни казались алчными и глупыми, на самом деле редко предают оказанное им доверие. — Он помолчал и добавил: — Если, конечно, в них еще осталась хоть крупица человеческого и они не превратились в просто еще не освежеванное доброе мясо.

Беневьер вздрогнул: слова герцога Арвендейла перекликались с тем, что говорил великий Хылаг. По существу, они сказали одно и то же. Но каким же разным смыслом были наполнены их слова…

А Арил припомнил, с каким вниманием бурлаки слушали ватажного, когда он рассказывал о печальной для людей истории этой земли, покосился на Беневьера и… ничего не сказал.

Утром Беневьер спустился в нижний зал рано, задолго до того, как ему принесли питье и похлебку. Орк, несший ему завтрак, обнаружив его в зале, в котором его допрашивал великий Хылаг, неодобрительно покосился на него, но Беневьер так старательно демонстрировал смирение и максимальную готовность исполнить любое повеление господина орка, что тот не стал даже делать ему замечание. Он и не подозревал, что столь истово демонстрируемое смирение этого еще неосвежеванного доброго мяса (так сказал великий Хылаг) вызвано тем, что

Беневьеру никак нельзя было позволить ни единому орку переступить порог его каморки. Ибо спрятаться там было абсолютно негде.

Великий Хылаг появился ближе к обеду. Он вновь долго слушал и расспрашивал Беневьера, а затем довольно пророкотал:

— Сегодня ты был более старателен. Теперь я лучше представляю, что буду делать с твоим народом, когда по воле моего повелителя Ыхлага и его матери Шыг-Хаоры покорю твоих диких соотечественников.

— Дозволено ли мне будет задать вопрос? — слегка холодея, произнес Беневьер.

Ибо именно теперь решалось, имеет ли его план хоть какие-то шансы на воплощение.

— Тебе? — нахмурился шаман.

— Да, о величайший из мудрых этого мира, — поспешно заговорил Беневьер, распластываясь в поклоне, — ибо только здесь, в этом городе, в общении с тобой я узрел свет великой мудрости и великого знания, коего никогда не было и невозможно было обрести среди людей… — Он говорил и говорил, плетя словесные кружева, завлекая этого явно хитрого, коварного, но, как он надеялся, не такого уж и мудрого орка (ведь он уже понял, что хитрость и коварство далеко не всегда соседствуют с мудростью, а возможно, и никогда…) в свои настороженные сети. Еще никогда в жизни он не был так убедителен. Впрочем, еще никогда ставки Беневьера не были так высоки. И это сработало!

— Ладно, человек, спрашивай. — Расслабленный, да что там, просто захлебнувшийся в потоке его хвалебных, льстивых речей, орк благодушно махнул лапой.

— Я… хотел бы узнать о величайшем из творений орков, — осторожно начал Беневьер, готовый в любой момент дать задний ход и зайти с другого бока, — о величественнейшем памятнике, о символе неизбывного могущества орков не только на земле Глыхныг, но и во всем этом мире — о храме Шыг-Хаоры…

Трое лазутчиков, которые весь день провели в его каморке, изучая в окно доступную взору часть Ахлыг-Шыга (при малейшем намеке на чей-то взгляд в сторону этого окна тут же падая на пол) и тревожно замирая от любого шороха, встретили его с настороженной опаской. Беневьер ухватил кувшин с водой, который умудрился передать им наверх днем, когда орк принес обед и ему, пользуясь явно выраженным благоволением, которое проявлял по отношению к нему великий Хылаг, удалось раскрутить его еще и на дополнительную воду, сделал глоток и, шумно выдохнув, мотнул головой.

— По поводу проникновения в храм — пока ничего. Но главное сделано.

— Что? — язвительно поинтересовался Арил.

— Великий Хылаг стал рассказывать мне о храме. А также о предстоящем ритуале. И я узнал, что корона действительно в храме.

— А кто он, этот самый Хылаг?

Беневьер пожал плечами:

— Как я уже говорил, похоже, это главный среди шаманов и первый советник вождя. Уже третьего по счету. Причем первый его вождь был папашкой нынешнего… Вожди-то у них избираются на определенный срок. Так считается вроде как разумнее. Мол, каждый вождь правит определенный срок, а все остальные его оценивают. И если правит плохо, то его прогоняют взашей. А вот советниками можно быть сколь угодно долго. Так что на самом деле всем тут заправляют советники. И потому Хылаг здесь вроде как за главного.

— Понятно, — кивнул Трой, — только имей в виду, новолуние наступает через два дня. Да и сидим мы здесь как на сковородке. Первый же поднявшийся в твою каморку орк — наш конец.

— Да знаю я, — вздохнул Беневьер, — завтра постараюсь что-нибудь накопать.

— Постарайся, — согласно кивнул Трой, — потому что завтра мы попытаемся проникнуть в храм в любом случае, получится у тебя что-нибудь или нет…

Следующий день, однако, принес результаты. Уже в обед Беневьер выяснил, что нынешним вечером орки снимают охрану лестницы. Вернее, они будут охранять только подножие скалы. Потому что вечером наверху, в храме, трое самых главных шаманов во главе с великим Хылагом начнут ритуал, который ровно через сутки, в ночь новолуния, закончится великим подвигом и грандиозным свершением — уничтожением великого артефакта людей, короны императора, созданной великим магом и первым императором людей — Марелборо. И все эти сутки эти трое шаманов проведут там в полном одиночестве. Ибо больше никому не будет дозволено входить в храм, дабы не нарушить течение ритуала. Поэтому Беневьеру велено собрать вещи и отправляться в то стойбище за воротами Ахлыг-Шыга, в котором он провел первую ночь. Ибо великий Хылаг решил, что еще не закончил с этим человеком, и собирался вернуться к беседам с ним после завершения ритуала, по окончании которого его авторитет среди орков должен подняться на неимоверную высоту. И именно тогда он собирается собрать в кулак все силы западных

орков и всей этой неисчислимой мощью обрушиться на последний оплот людей, посмевших противиться воле истинных хозяев этого мира — орков…

Беневьер сообщил все это, торопливо кидая свои вещи в дорожную котомку.

Трой и Арил переглянулись.

— А ты обязательно должен остаться в том стойбище? — осторожно спросил Арил.

— Да, а что?

Трой задумчиво потер ладонью подбородок.

— Просто… все было бы проще, если бы ты смог подготовить нам какой-нибудь путь отхода…

— Путь отхода?… — Беневьер немного подумал, а затем криво усмехнулся: — Возможно, мне и удастся что-нибудь сделать. У меня есть один знакомый местный писец. Я думаю, что он будет совершенно изумлен, узнав, что я провел почти неделю в стенах Ахлыг-Шыга и не только остался жив, но и даже вроде как свободен. Во всяком случае ночую не в рабском загоне, а в его шатре. Так что, возможно, он мне поверит, если я скажу ему, что орки дали мне кое-какие поручения, для выполнения которых мне потребуются сопроводительные бумаги…

Арил только изумленно покачал головой:

— Да уж, я еще не встречал такого скользкого и изворотливого типа…

Но Беневьер только ухмыльнулся в ответ…

До его ухода Трой, Арил и Крестьянин забрались на крышу его каморки и распластались там за низеньким бортиком. Они слышали, как в каморку зашел орк, как он из-за чего-то рычал на Беневьера, как тот отвечал ему вроде как крайне почтительно и угодливо, но они трое ясно различали в его голосе нотки насмешки. А потом все стихло.

Когда заходящее солнце ослепило глаза часовых, стоящих на стене, Трой чуть приподнялся на локтях и выдвинул голову над бортиком. Эта часть города из окна каморки Беневьера не просматривалась, так что, пока еще было относительно светло, следовало наметить наилучший маршрут продвижения к скале. Трой некоторое время внимательно рассматривал дома, окружавшие подножие скалы, фигуры орков-часовых, промежутки между ними, а также саму скалу, потому что подойти к подножию лестницы у него явно не было никаких шансов. И надо было прикинуть, каким образом вскарабкаться по скале хотя бы до второй-третьей площадки. Он сумел все рассмотреть и даже прикинуть маршрут подъема, как вдруг его взгляд зацепился за фигуру, сидящую на земле внутри загона для доброго мяса. Она

чем-то показалась ему знакомой… а в следующий момент Трой задохнулся от изумления и острой боли. Там, в загоне, сидел на земле Даргол, а рядом с ним — кутающаяся в какие-то ветхие тряпки Тамея…

Глава 7

Эти шестеро влетели в Ктых-Эмисенбург на рассвете. С дробным грохотом копыт промчавшись по каменным мостовым и перебудив этим всех добропорядочных подданных благословенной земли Глыхныг, они резко затормозили у дорожной станции. Один из них, спрыгнув с коня, враскоряку (видно, уже долго находился в седле) подбежал к двери и забарабанил в нее, оглашая окрестности воплем:

— Именем великого Хылага!

Это имя было известно любому держателю дорожной станции, как и всякому, кто занимал хоть какую-то значимую должность в вертикали власти земли Глыхныг. Так что ему открыли сразу.

— Двенадцать лошадей, живо!

— Но…

— Живо, я сказал! — рявкнул стучавший. Маячившая за его спиной фигура грозно шевельнула мечом.

Человек с мечом в земле Глыхныг? Это было что-то невероятное! Так что после беглого просмотра бумаг содержатель дорожной станции вывел из конюшни двенадцать оседланных лошадей (две из которых были его собственными, но тут уж не до жиру…), получив взамен дюжину едва державшихся на ногах запаленных животных. Спустя десять минут шестерка всадников вихрем вылетела за пределы города, некогда бывшего столицей славного и могучего королевства людей, почти два года в одиночку сопротивлявшегося ордам орков и павшего оттого, что его соседи не откликнулись на призыв его последнего короля, предпочтя тяготам и опасностям суровой, но честной войны лживый, но призрачно-безопасный мир с орками…

До загона, в котором Трой обнаружил Даргола и Тамею, они добрались через час после заката. На их счастье, Даргол и Тамея улеглись на ночлег в стороне от других пленников. Впрочем, судя по всему, они поступали так каждый вечер.

Записка была написана на клочке кожи (бумаги они не нашли) заранее, вот только Трой опасался, что Даргол не сможет разобрать надпись в призрачном свете одинокого факела… или вообще не поймет, что на коже что-то написано. Однако обошлось. Трой аккуратно угодил камешком, который был завернут в кожу с запиской, в живот лежащего на спине Даргола. Сенешаль вздрогнул, но не стал сразу хватать камень и ошалело оглядываться. Наоборот, он еще некоторое время лежал неподвижно, а затем повернулся, вроде как просто на бок, и

таким же совершенно естественным небрежным движением руки ухватил камень, свалившийся с живота. Трой радостно улыбнулся. Похоже, за время плена его сенешаль не утратил ни своей мудрости, ни присутствия духа. Трой кивнул Арилу и двинулся вперед. Его ждали скала и храм, а здесь разберутся и Арил с Крестьянином…

Подъем до второй площадки оказался неожиданно трудным. Не столько даже из-за недостатка опор, сколько из-за того, что почти прямо под ним маячил орк-часовой, и каждую щель, выступ или выщерблину надо было тщательно ощупывать на прочность, дабы обвалившиеся камешки не побудили часового задрать голову. Из-за этого Трой, ранее собиравшийся подняться повыше, до третьей площадки, решил ограничиться второй… Но все же через полтора часа он наконец перевалился на площадку и замер, тяжело дыша.

Спустя десять минут Трой двинулся вверх по лестнице. Ему предстояло преодолеть, как выяснил Беневьер, четыреста сорок четыре ступени.

На последней перед храмом площадке Трой сделал пятиминутный перерыв, чтобы отдохнуть и перевести дыхание (негоже вваливаться в храм на последнем издыхании), а затем отвязал аккуратно приспособленную за спину Тайную ветвь и двинулся вперед.

Храм Шыг-Хаоры представлял собой не очень ровную открытую площадку на самом темечке скалы, обрамленную по периметру двумя рядами колонн. Первый ряд был более ровным и состоял, похоже, из колонн разрушенных храмов Светлых богов из захваченных орками городов людей, второй же составляли грубо обработанные скальные пальцы, по какому-то капризу природы взметнувшиеся вверх именно на этой площадке.

В дальнем конце площадки, замыкая ряд колонн — скальных пальцев, высился огромный валун, явно никогда не составлявший единого целого с телом скалы, а оказавшийся здесь незнамо откуда, незнамо как и незнамо когда. Несмотря на темноту, а может быть, именно благодаря ей в этом валуне можно было угадать то ли огромное и уродливое кресло, то ли… жабу, сидящую на задних лапах. Именно это и был Трон Шыг-Хаоры — главный алтарь храма.

Сейчас прямо перед ним и немного сбоку стояли два массивных треножника, на них в огромных чашах билось уже такое знакомое Трою Темное пламя. Правда, его язычки были намного, в разы, а то и на порядок мельче, чем тот язык, что он загасил в Проклятом лесу. Возможно, потому что горка костей, заполнявших чаши треножников и, по-видимому, служивших

пищей этому Темному пламени, была довольно хиленькой и состояла, похоже, из костей скелета всего одного человека… А между ними блестела и искрилась корона. В шаге от треножников стояли три шамана. Двое из них, закрыв глаза и раскачиваясь, совершали над треножниками пассы лапами, бормоча какие-то заклинания, а третий навис над короной, воздев над головой тяжелый обсидановый молот.

Трой несколько мгновений рассматривал эту картину, а затем скользнул вперед, вздымая вверх Тайную ветвь.

Все произошло за короткий миг между двумя вздохами. Шаман с молотом, похоже, в последний момент успел что-то почувствовать и даже начал поворачиваться, но Тайная ветвь с тихим шелестом рассек и его толстую шею, и обе лапы, все еще держащие молот. А двое других умерли, так ничего и не поняв. И даже не выйдя из транса.

Молот рухнул на поверхность скалы с жутким грохотом. Трой замер, ожидая, не начнется ли какая суматоха. Но то ли внизу ничего не услышали, то ли посчитали это частью ритуала (а для чего еще нужен молот, как не для того, чтобы по чему-то бить), так что никакого постороннего шума он не услышал. Опустив Тайную ветвь, Трой торопливо поднял корону и засунул в пустой мешок, заботливо припасенный как раз на этот случай. А затем повернулся и, подойдя к треножникам, двумя брезгливыми хлопками загасил хилые искорки Темного пламени, явно ослабевшие после того, как он убил камлавших над ними шаманов. После чего повернулся и двинулся к лестнице. Главное — сделано. Теперь осталось только выбраться…

Арил и Крестьянин ждали Троя около того же участка стены, через который они и проникли в Ахлыг-Шыг. Вместе с Дарголом и Тамеей. Трой удовлетворенно кивнул. Недаром они сутки подробно изучали город из окна каморки Беневьера. Любой город можно незаметно пройти насквозь. Если знаешь, как и куда идти и где и чего опасаться.

Стену они преодолели достаточно быстро. Трой даже сам удивился, как его пальцы сами находили выступы и упоры. Возможно, сказалась богатая практика трех последних дней… вернее, ночей.

До бывшей стоянки бурлаков они добрались уже перед самым рассветом. И только там Трой позволил себе обнять своего бывшего сотника и сестру своей теперь уже законной жены.

— Как вы там оказались?

Даргол жестко усмехнулся:

— Посчитали орков глупее себя. Они обнаружили схрон с реликвиями уже давно, но то ли не сумели его вскрыть, то ли

просто не стали. Так что, когда мы отворили печать, сработала их сигнализация вкупе с ловушкой. Или что-то вроде этого… Во всяком случае, по нам шарахнуло так, что мы все почти двое суток провалялись без памяти. Если бы орки все еще были властителями Арвендейла, нас бы взяли прямо там — тепленькими. А так… Впрочем, вышло не лучше. Очухавшись, мы было рванули напрямую к войскам, но нарвались на целую орду всадников на варгах. — Даргол горько вздохнул. — Ребята полегли практически все. И сестры… потом. А мы вот выжили…

Трой понимающе кивнул. Похоже, они нарвались как раз на ту орду, что обошла их по северному ущелью и которую они расколошматили с панцирниками графа Шоггира.

— И почему гномы не заметили, как их волокли по ущелью вниз? — задумчиво произнес он, и тут его осенило: да это же произошло как раз в тот момент, когда Гмалин собрал всех, кто был в Каменном городе, для удара в тыл всадникам на варгах, добивавшим остатки панцирников. Там же были все, в том числе и наблюдатели…

В этот момент сестра-помощница судорожно всхлипнула.

— Тамея! — повернулся к ней Трой.

— Большинство ее сестер орки захватили, — глухо пояснил Даргол, — и потом они помогли им пережить суровую зиму и дождаться первого корабля… А ее и меня сохранили. Как главных. В качестве дара Шыг-Хаоре. Вместе с реликвиями…

Трой помрачнел.

— Скинь эту грязную тряпку… — тихо произнес он, сбрасывая с плеч мешок, в котором лежал его старый дорожный плащ.

— Это не тряпка, — глухо произнесла Тамея. И это были первые слова, которые она произнесла с того самого момента как оказалась за пределами загона для доброго мяса.

— Это — плащаница Гвенди…

Трой замер, неверяще глядя на кусок ветхой ткани, висящий на худых плечах его своячницы, а затем медленно перевел взгляд на сенешаля. Даргол утвердительно кивнул и добавил:

— А как еще мы могли бы укрыть ее от жадных лап орков?

— Ладно, я бы посоветовал оставить все остальные ошеломляющие открытия на потом, — встрял в разговор Арил, — а то у нас еще есть кое-какие дела, знаете ли. Надо еще добраться хотя бы до ближайшего городка, а орочьих патрулей вокруг Ахлыг-Шыга достаточно…

Беневьер с лошадьми встретил их за час до рассвета. Они дважды прятались под обрывом, заслышав в степи не столько топот варжьих лап, сколько лязг и сопение самих орков, но, когда

послышался цокот лошадиных копыт, Трой рискнул, оставив остальных, самому выбраться посмотреть. Уговора с Беневьером встретить их в степи не было, но тот уже показал, что отличается инициативностью и недюжинной смекалкой.

— Вот вы где! — взволнованно вскрикнул Беневьер, спрыгивая с коня. — А я вас уже час… А это кто? — недоуменно спросил он, не договорив.

— Мой сенешаль и сестра моей жены, — сухо ответил Трой.

Беневьер изумленно хмыкнул:

— Да уж… чего только в мире не случается. Вот только лошадей я на них…

— Пока поедут на подменных, — оборвал его Арил. — Хватит болтать — двигаем. Прежде чем начнется погоня, надо уйти как можно дальше от Ахлыг-Шыга. А она начнется скоро. Ибо если, что касается храма, есть шанс, что никто не заглянет туда, пока не истечет время ритуала, то есть до завтрашнего утра, то рассчитывать на то, что они не заметят, что в загоне для доброго мяса не хватает двух порций, я бы не стал. Вернее, — он окинул взглядом изможденные фигуры Даргола и Тамеи, — скорее одной. Даже удивительно, до какого состояния они вас довели.

— А мы же были предназначены в жертву, — пояснил Даргол, влезая в седло. — Нас ведь должны были просто сжечь. Потому, кстати, мы и продержались так долго. — Лицо его скривилось в мертвой улыбке. — Топливо у них горит неделями, а то и месяцами. И первые несколько дней часто еще живьем… Нам это объяснили те, кто стоял в очереди раньше нас. — Лицо Даргола немного посветлело. — Кстати, вполне вероятно, нас утром и не хватятся. Орки вообще очень редко заглядывали в загон. Так, приоткроют ворота, впихнут котел с похлебкой — и все.

— А остальные?

Даргол пожал плечами.

— Эти, скорее всего, решат, что нас поутру уже увели. У нас уже многих так уводили. Там же все уже давно не живут, просто ждут… И им нет никакого дела до того, что творится рядом с ними. К тому же ты выдернул нас из загона, считай, бесшумно. Никто и не проснулся. Так что если не произойдет ничего непредвиденного, у нас есть шанс отыграть несколько часов.

— Часов, — зло хмыкнул Арил, — дней бы…

Следующие несколько суток они провели в седлах.

К вечеру Тамею пришлось привязать к седлу, а к обеду следующего дня привязанными оказались уже все. Они скакали как сомнамбулы, меняя коней на дорожных станциях и взбираясь в седла свежих совершенно автоматически, даже не осознавая, где они и насколько продвинулись в сторону побережья. Где-то там,

за их спиной, уже скакали во все концы всадники на варгах. Уже ревели боевые рога и грохотали боевые бубны орков. А они мчались и мчались вперед, трясясь в седлах и спя на ходу, зачастую даже с открытыми глазами. И не было конца этой безумной гонке. Что их спасало?

Может, Провидение, может, наглость или что-то еще…

В Порт-орк, городок, где они впервые ступили на землю Глыхныг, они въехали за два часа до полудня. Всего лишь на четырех лошадях. Даргол ехал за спиной Беневьера, а Тамея — Арила. Остальные лошади пали. Да и уцелевшие тоже были при последнем издыхании.

Остановившись у того трактира, в котором Арил, Трой и Крестьянин ночевали в первую ночью пребывания на этой «благословенной» земле, Трой механическими движениями распутал веревку, которой был привязан к седлу, сполз с лошади и враскоряку, потому что после стольких дней непрерывной скачки ноги уже были не способны двигаться как-то иначе, добрел до двери, ввалился в зал и, подойдя к стойке, просипел хозяину:

— Комнаты на шестерых, живо… — После чего, для ускорения, шлепнул на стойку горстку золотых монет.

Они проспали больше суток. На следующий день, уже около четырех часов пополудни, Трой проснулся с жуткой головной болью, скорее всего являющейся следствием и дикой усталости, и вызванного ею солидного пересыпа (ну еще бы — проспать без перерыва сутки с четвертью). Он чувствовал себя совершенно разбитым. Все тело ломило, будто по нему только что пронесся эскадрон панцирников в полном вооружении. Всякое движение вызывало в мышцах дикую боль. Он сел на кровати (хозяин рискнул поместить таких щедрых гостей в комнаты для глыхныгцев, а не для приезжих) и застонал. В этот момент дверь распахнулась и на пороге появился Арил. Выглядел он немногим лучше.

— Проснулся? Отлично. Я заказал нам соответствующий ужин. Так что сполоснись и давай вниз. Все уже там.

Трой согласно кивнул (от этого движения вновь скривившись), еще некоторое время посидел на кровати, собираясь с духом, и рывком скинул ноги на пол. Да уж, эта сумасшедшая гонка всем далась нелегко. Страшно было подумать, в каком состоянии сейчас Даргол и Тамея…

К его удивлению, они выглядели вполне прилично. Тамея наконец-то скинула со своих плеч плащаницу Гвенди и спрятала ее в мешок, который, однако, постоянно держала под рукой. Сейчас на ней было простое, но новое платье. Да и Даргол щеголял новой одеждой. Трой смущенно шмыгнул носом. Похоже,

он продрых дольше всех…

Стол был почти весь уставлен блюдами с мясом, хлебом, овощами и кувшинами с вином. И Трой почувствовал, как громко заурчало в его пустом до гулкости желудке. Во время скачки они ели на ходу и только то, что торопливо собирал им на скорую руку содержатель очередной дорожной станции. То есть всухомятку. Впрочем, это было даже к лучшему, поскольку при такой дикой нагрузке вся пища переваривалась практически всухую. И за все это время они ни разу не останавливались, чтобы справить нужду. Но сейчас жрать хотелось зверски.

Примостившись сбоку, Трой оторвал от лежащего прямо перед ним поросенка солидный кусок задней ноги и, лихо отхватив зубами кусок, наклонился к Арилу.

— Ты устроил?

Арил, чей рот был сейчас полностью забит боком каплуна, отрицательно мотнул головой и, с трудом протолкнув в горло просто необъемную порцию мяса, ответил:

— Не… Беневьер. Он проснулся три часа назад и за это время успел накрутить хозяина, чтобы тот раскочегарил кухню и приготовил воду для умывания, ну и купил одежду для Даргола и Тамеи. Так что я уже так… руками поводил.

Трой повернулся и бросил взгляд на Беневьера. Бывший слуга Эгмонтера увлеченно обгладывал куриную косточку и о чем-то тихо беседовал с Дарголом. Почувствовав на себе взгляд, Беневьер повернул голову и, взглянув прямо в глаза Трою, едва заметно наклонил подбородок. Трой со всей возможной серьезностью наклонил голову в ответ.

— Ну… что будем делать дальше? — вновь послышался у него над ухом голос Арила, едва они слегка насытились. Впрочем, даже не слегка. Во всяком случае Трой как раз заканчивал с поросенком и, судя по состоянию остальных блюд, другие члены команды если от него и отстали, то ненамного. Из тех дней, что мы отыграли у орков за счет бешеной скачки, один уже прошел. А я сомневаюсь, что их окажется так уж много. Так что, я думаю, после ужина стоит закупить побольше продуктов, пойти в порт, купить рыбачью лодку попрочнее и… положиться на волю Светлых.

— Лодку? — недоуменно покосился на него Арил. — Ты собираешься пересечь Долгое море на лодке?

Трой задумчиво покачал головой:

— На лодке — нет. Но я считаю, что критический показатель для нас остался прежним. И это — время. А выйти в море уже сегодня мы сможем только на лодке. Корабль, вполне возможно, придется ждать несколько дней. И, даже если повезет, он выйдет

в море лишь завтра. Трой кивнул в сторону окна, сквозь которое били лучи солнца, уже клонившегося к закату. — Ибо те, кто собирался отплыть сегодня, уже отплыли. Идти сквозь лабиринт островов устья Помака в сумерках или тем более ночью — удовольствие ниже среднего.

Арил согласно кивнул:

— Это уж точно.

— Поэтому я не упоминаю и о договоренностях с энистером Митом, — продолжил Трой. — Потому что не знаю, сколько нам придется ждать. И вообще, он не вызывает у меня ни особого доверия, ни даже мало-мальского уважения…

— Это уж точно, — повторил, хмыкнув, Арил, — но я все-таки не понимаю, как ты собираешься пересечь Долгое море?

— Ну… где-то поблизости от этих берегов должны рыскать драккары Эрика, — с усмешкой сказал Трой. — Почему бы судьбе еще раз не послать нам удачу?

Лодку они отыскали довольно быстро. Суденышко было неказистым и довольно старым, но Арил, осмотревший его, уверил, что оно еще вполне крепкое и проконопачено на совесть. Так что они отвалили старику-рыбаку достаточно монет, чтобы купить две такие посудины, наполнили пару бочонков свежей водой, покидали в носовой и кормовой рундуки свои мешки и отчалили, провожаемые понимающе-хитрой усмешкой довольного сделкой бывшего владельца лодки. Рыбаки в земле Глыхныг всегда были себе на уме и знали себе цену, потому как единственные имели право строить небольшие суденышки и выходить на них в реки и моря. Нанимать чужестранцев для ловли рыбы было бы уж совсем непроходимой глупостью, а отказываться от этой довольно существенной части своего рациона и рациона жителей прибрежных местностей земли Глыхныг орки не желали, да и по большому счету не могли… Принадлежность рыбаков к тем, кому дозволено было делать то, что другим было запрещено, служила пищей для их этакой легкой фронды по отношению к хозяевам. Вот и сейчас рыбак не только продал суденышко весьма и весьма подозрительным типам, но и в разговоре пару раз нарочно ввернул информацию о том, где чаще всего в это время ошиваются патрульные галеры орков. Эти вроде не дураки — должны понять…

К заходу солнца они успели пройти только часть пути по усыпанному островками и скалами устью Помака. Двигаться дальше Трой не рискнул. Из шестерых кое-что в морском деле понимали только Арил и Даргол. Но Даргол был слишком слаб, а остальные были более или менее на одном уровне, который можно было описать как «принеси-подай» и «потяни вон там». Так

что, как только солнце зашло за береговую линию едва наполовину, Арил свернул с фарватера в очередную узкую протоку, чтобы поискать место, более-менее удобное для того, чтобы переждать ночь. Возможно, это было ошибкой. Потому что как раз в этот момент в Порт-орк на взмыленных варгах влетели полторы сотни разъяренных орков. И спустя всего лишь два часа, потребных на скорый, но оказавшийся достаточно успешным сыск, закончившийся тем, что загоны для доброго мяса пополнили еще почти полторы дюжины человек, на всех находившихся в порту боевых галерах орков начали поспешно поднимать якоря…

Трой думал, что после более чем суток непрерывного сна спать ему больше не захочется, однако и он, и остальные, едва была установлена очередность ночной стражи, заснули практически мгновенно. Похоже, даже сутки сна были слишком малым сроком, чтобы компенсировать накопившуюся усталость…

Крестьянин, дежуривший в последнюю смену, разбудил их, едва небо на востоке начало сереть. Быстро перекусив, они столкнули лодку в воду и двинулись вперед. На веслах, ибо умения на то, чтобы надежно управляться с парусом, здесь, в узких протоках устья Помака, не хватало даже у Арила. А двигаться по центральному фарватеру они из осторожности не решились.

Основную часть пути по устью они преодолели где-то за два часа до полудня. Арил, сидевший на руле, все время посматривал на небо и тяжело вздыхал.

— Вот, темные боги, ну ни одной тучки! И море спокойное. Нас видно как на ладони лиг на десять-двенадцать…

Хотя устье кончилось, островки и даже вполне приличные острова тянулись от побережья еще лиг на сорок. Но расстояние между ними уже было вполне достаточным для того, чтобы рискнуть и поставить парус. Так что спустя несколько минут Трой, Крестьянин и Беневьер со сладостным кряхтением втянули весла внутрь и уложили вдоль бортов. Нет, разминка получилась хорошая, даже мышцы поутру ломили меньше, чем после вчерашнего пробуждения. Но все-таки перерыв после многочасовой непрерывной гребли был очень кстати. Они минут пятнадцать наслаждались бездельем и покоем, как вдруг с кормы послышался сдавленный возглас Арила:

— Орки!

Трой, сидевший на гребной банке, вскочил на ноги и обернулся. Слева, из-за одного из двух крупных островов, мимо которых они должны были пройти минут через тридцать, грузно выплывала огромная орочья боевая галера. Откуда она могла

взяться здесь, так далеко и от центрального фарватера и от тех мест, про которые простодушно намекнул им рыбак, было совершенно непонятно.

— А-а, темные боги! — выругался Беневьер.

Даргол кольнул его сердитым взглядом.

— Не поминай… здесь их вотчина.

Арил зло приказал:

— На весла! И грести так, чтобы кости из суставов выдирались…

— Что думаешь делать? — спросил Трой, лихорадочно втыкая весло в уключину.

— Попробуем повыписывать круги вокруг этих двух симпатичных островов. Орки вон какие большие и неповоротливые. Так что есть шанс, что они не смогут нас поймать. До темноты. А там улучим момент и попытаемся оторваться. По прямой у нас против них никаких шансов…

Трой понимающе кивнул и навалился на весло…

Они не успели. До спасительного острова оставалось еще почти пол-лиги, когда высокий борт галеры навис над кормой их суденышка, а воду перед носом вспенила дюжина стрел. Трой задрал голову. Несколько десятков орочьих морд, свесившихся борта, злорадно заулюлюкали. Даргол судорожно сглотнул.

— Больше живым я им не дамся! Эх, сейчас бы меч, хотя бы плохонький…

Трой бросил весло и, перепрыгнув банку, на которой сидел Крестьянин, ухватил Тайную ветвь, скромной палкой валявшийся у заднего рундука.

— Я полезу первым, — отрывисто сказал он. — Приготовьтесь, после меня на носу этой галеры окажется сколько угодно бесхозного оружия. Вам надо продержаться всего несколько минут.

— Что ты задумал? — спокойно, по-деловому спросил Арил.

Трой усмехнулся:

— Насколько я помню, почти три четверти команды этих галер составляют гребцы.

— Ну да, — кивнул Арил, и на его лице почти сразу же вспыхнуло понимание.

— А гребцы — это люди-рабы, — закончил уже не столько для Арила, сколько для других Трой. И мужчины, до того мгновения сидевшие с понуро опущенными плечами, тут же переглянулись, и их лица расцвели злыми усмешками.

Им сбросили веревку. Трой ухватился за нее левой рукой, не выпуская из правой Тайную ветвь, и подтянулся, задрав ноги выше головы и уперев их почти в самую кромку борта галеры.

Навстречу ему свесился орк, с глумливым выражением на морде протянувший ему могучую лапу. Трой ухватился за нее, подтянулся и… оттолкнулся ногами, рывком выбросив свое тело над бортом и перехватывая Тайную ветвь обеими руками.

Круговой удар рассек сразу нескольких. Над носовой палубой вознесся рев боли и изумления. Но Трой уже приземлился на ноги и рванулся вперед, отчаянно работая Тайной ветвью. Он спешил максимально использовать эти первые мгновения изумления и оторопи, потому что сейчас на нем не было ни его алых доспехов, ни Синего пламени, ни даже его старой наемницкой куртки, укрепленной железными бляхами. Так что первый же пропущенный удар, скорее всего, окончился бы тем, что он как минимум лишился бы руки или ноги, а то и вообще оказался бы разрублен пополам. И Тайная ветвь была ему в этом случае не слишком большим подспорьем. Ибо фехтовать ею было совершенно невозможно. Он разрубал любые орочьи клинки с легкостью. Так что ни о каком парировании орочьих ударов и речи быть не могло.

Прежде чем враги опомнились, Трой успел прикончить и вывести из строя не менее дюжины, а на палубу за это время успели вскарабкаться Крестьянин и Арил. Но затем все осложнилось. Где-то впереди хлопнула тетива, и Трой почувствовал, как что-то ударило его в плечо. Правую руку тут же пронзила острая боль. Он скосил глаза. В плече торчала стрела. Трой зло зарычал и, взмахнув мечом, развалил на две половинки люк, ведущий на гребную палубу. Впереди вновь хлопнула тетива, но Трой уже летел вниз, в люк.

Орк-надсмотрщик оказался вооружен только бичом. Но владел он им достаточно умело. Бич щелкнул, и Трой взвыл от удара, точно направленного как раз в раненое плечо. Впрочем, надсмотрщику это помогло не сильно. Ибо в следующее мгновение Трой легким движением Тайной ветви перерубил сначала вновь взметнувшийся бич, а затем и орочью шею.

— Рабы! — взревел он, опуская меч на протянутую вдоль гребной банки бронзовую цепь, приковывавшую к ней сразу четверых гребцов, которые ворочали длинным, тяжелым веслом. — На орков! Бей!

Первые четверо освобожденных рабов мгновение сидели, неверяще глядя на свою цепь, распавшуюся от легкого прикосновения этого незнамо как оказавшегося в их тесном и переполненном болью и смертью мирке клинка, а затем бешено взревели и в единым порыве вскочили на ноги. А Трой бросился дальше, работая Тайной ветвью, со скрежетом зубовным преодолевая боль в раненом плече и с надеждой слыша, как все

больше и больше глоток вливается в свирепый рев освобожденных рабов, сотрясающий гребную палубу галеры за его спиной…

Когда он, держа меч одной рукой и стараясь не шибко напрягать другую, выбрался наружу, почти все уже было кончено. Полдюжины оставшихся орков добивали в районе рулевого весла осатаневшие рабы, Арил сидел на палубе, зажимая так же, как и у него, пронзенное стрелой плечо, Беневьер прижимал к левой стороне головы окровавленную тряпку, Даргол сидел на палубе, привалившись к борту, а под его вытянутой правой ногой расплывалось кровавое пятно. И только Крестьянин, как обычно, не получил ни царапины. Но это уже было настолько привычным, что даже не вызывало удивления…

Заметив Троя, Арил ухмыльнулся:

— Да уж, куда Темным тягаться с твоей удачей. Это ж надо, вшестером взять на абордаж боевую галеру орков… — И после короткой паузы добавил. — Ну вот тебе и корабль для того, чтобы переплыть Долгое море…

Глава 8

— Вот она, — тихо, с благоговением произнес Игреон Асвартен.

А Трой мрачно кивнул. Да, это была она — башня Гвенди. Место, где ему предстояло совершить самый ненужный и дурацкий поступок в его жизни — стать императором. И все это для того, чтобы иметь возможность приблизиться к темному богу на расстояние удара и воткнуть в него Тайную ветвь. Честное слово, он вполне готов был рискнуть и сделать это без императорской короны на челе. Но все, чьему мнению он привык доверять, в один голос твердили, что это полное безумие. И что в этом случае у него нет никаких шансов на успех…

— Элиат, — повернулся Асвартен к Верховному магу. Тот молча кивнул и, прикрыв глаза, вытянул вперед правую руку, левой ухватившись за массивный знак-амулет, висевший у него на груди. Спустя минуту он вновь открыл глаза и указал ими на огромный замшелый валун. — Вход за ним.

Трой растерянно посмотрел на валун и оглянулся. В принципе народу хватало. Кроме учителя и Элиата Пантиопета здесь присутствовали граф Шоггир, Арил, Глав, идш, Крестьянин, Тамея, его арвендейлцы и Эрик Два Топора с полутора сотнями своих бойцов, а также Гмалин с полусотней своих гномов и Алвур с эльфами. Эти двое два месяца назад заявились со своими отрядами к Главу и графу Шоггиру под Эл-Северин и заявили, что такое дело, как охота на орков, никак не может обойтись без гномов и эльфов. По крайней мере, без их гномов и эльфов… Был тут и Беневьер. Как бы расположить их так, чтобы каждый мог ухватиться…

Этого не понадобилось. Элиат Пантиопет воздел вверх руки, и валун, качнувшись, приподнялся, а затем грузно рухнул на бок и покатился вниз по склону. Ибо, в отличие от прежнего посетителя этой башни, о котором они, впрочем, не догадывались, и далее скрывать вход в башню они не собирались.

— Прошу, — несколько картинно взмахнул рукой Верховный маг…

До побережья империи они добрались к середине лета. С драккарами Эрика галера Троя повстречалась спустя неделю плавания. Те бесшумно вынырнули из предрассветного тумана и практически мгновенно вцепились в борта неуклюжей галеры абордажными кошками. Дозорный, напрочь проморгавший появление этих волков моря, смог только всполошенно заорать,

что эта галера принадлежит герцогу Арвендейла, и это едва успело остановить волну свирепых воинов, уже хлынувших на палубу галеры. А когда Трой, разбуженный шумом на палубе, выскочил из кормовой капитанской каюты в одних штанах и с Тайной ветвью наперевес, то вместо жаркого боя попал в объятия своего вассала. И в то же мгновение небеса над Долгим морем содрогнулись от восторженного рева нескольких сотен луженых глоток…

Трой и Верховный маг осторожно вошли в ход, ведущий в башню одной из Сумрачных сестер. Спустя десяток шагов ход делал поворот и сразу вслед за этим раздваивался. Один через несколько шагов переходил в узкую каменную лестницу, ведущую, как видно, на самую вершину башни, а другой вел влево, постепенно заворачивая и расширяясь. Элиат Пантиопет уверенно двинулся в левую сторону.

Спустя три десятка шагов левый ход сделал очередной поворот, уже направо, и глазам Троя предстал обширный зал, простиравшийся шагов на пятьдесят, а то и семьдесят в каждую сторону. Определить точно было затруднительно, поскольку зал был погружен в сумрак. Свет в него проникал лишь через напоминавшие бойницы узкие отверстия, несколько хаотично расположенные в верхней части стен, под самым потолком, к тому же изрядно замусоренные.

— Ух ты, — тихо удивился за спиной Троя Глав, — а снаружи и не скажешь что здесь так просторно…

— Здесь довольно обширные чертоги, — несколько снисходительно пояснил Игреон Асвартен, — как под любой из башен Сумрачных сестер. Башни лишь венчают их. Причем предназначены они были отнюдь не для охраны. Сумрачные сестры обладали такой мощью, что никаких защитных сооружений им не требовалось. Просто на их вершинах были устроены наблюдательные площадки для того, чтобы следить за небесными светилами, и малые алтари.

— Так нам надо наверх? — спросил Эрик Два Топора.

— Я же сказал — наверху только малый алтарь. А нам нужен большой…

Сойдя на берег, Трой тут же купил лошадей и двинулся к Университету. Он очень смутно представлял себе, что делать дальше, и уж тем более понятия не имел, каков ритуал коронации, без которого он, впрочем, будь его воля, с удовольствием обошелся бы… Эрику же, который был непоколебимо убежден, что без него этот ритуал никак не обойдется, было велено двигаться в сторону Месшеха и дальше, к

столице, где отыскать Глава и графа Шоггира с арвендейльцами и собравшимся ополчением, после чего всем отправляться в герцогство Эгмонтер, где и была расположена башня Гвенди. Никого из его бойцов Трой с собой не взял. Северные варвары были не слишком привычны к лошади, так что, скорее всего, замедлили бы продвижение его отряда. А Трой торопился. Ему очень хотелось поскорее покончить со всем, что ему предстояло, и вернуться домой, в Арвендейл, в замок, к Лиддит. А еще где-то глубоко внутри, где во всех нас сидит маленький ребенок, которому кажется, что от всех опасностей и неприятностей вполне надежно можно спрятаться под одеялом, в нем шевелилась тайная надежда, что, если он вернется в Арвендейл, то все как-то само собой устаканится и вся эта огромная и страшная Империя как-нибудь обойдется без него…

В зал постепенно проникало все больше и больше народу. Игреон Асвартен покрутил головой, осматриваясь, а затем двинулся к середине. Центр зала представлял собой круглый подиум высотой в пол-локтя, на котором возвышался массивный каменный пьедестал, сплошь покрытый рунами и вязью заклинаний.

— Вот он, — указал рукой на подиум Асвартен, а затем, повернувшись к Трою, позвал его:

— Трой, иди сюда. Марел, неси корону (после той схватки на орочьей боевой галере, когда Трой ринулся вперед, мешок с короной как-то сам собой перекочевал в ведение Крестьянина). Нам надо подготовиться к ритуалу коронации.

— А МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВЫ УЖЕ НЕ УСПЕЕТЕ НИ К ЧЕМУ ПОДГОТОВИТЬСЯ!

Громовой голос, прозвучавший под сводами зала, заставил всех испуганно замереть. А в следующее мгновение из коридора послышался отчаянный вопль отставших:

— Орки!

Но на него уже никто не отреагировал. Потому что под самым куполом, венчавшим зал, ярко вспыхнул шар грязно-багрового пламени, и все увидели говорившего. Это был бывший герцог Эгмонтер. Он… стоял (если можно было так сказать) у дальней стены, уперев руки в бока, и высокомерно смотрел на людей. Но никто из людей в этот момент не смотрел на него. Потому что сразу за червяком Эгмонтером в нише, завершающей эту сторону зала, высилась могучая фигура Ыхлага, Отца боли, Властителя ужаса, могущественнейшего из темных богов.

— Но… как? — изумленно прошептал Элиат Пантиопет. — Он же заперт в пентаграмме!

Эгмонтер издевательски захохотал и скользнул чуть в

сторону, открывая изумленным людям способ, позволивший его властителю Ыхлагу попасть сюда, в этот зал… Да, темный бог был по-прежнему заперт в пентаграмме, но кусок пола императорской спальни, на которой она была начерчена, был вырублен и принесен сюда.

— Когда я предложил своему господину этот способ, — издевательски произнес Эгмонтер, — надеясь, что результат его развлечет, он благосклонно принял его. И оказался полностью прав. Видели бы вы сейчас свои изумленные рожи. — И бывший герцог торжествующе захохотал.

— И этому уроду я служил столько лет… — грустно прошептал Беневьер.

— Беневьер? Ты здесь?! С ними?! — оборвав смех, изумленно произнес Эгмонтер.

— Да, ва… — Беневьер оборвал себя, шумно вдохнул и твердо закончил: — Червяк! И на мне нет твоего проклятого амулета. И никакого другого. Так что это только мой выбор.

Эгмонтер скривил губы в презрительной улыбке:

— Беневьер, да ты, как я вижу, полный идиот. У тебя, пожалуй, был бы шанс выйти отсюда живым, но ты только что от него отказался.

Беневьер пожал плечами:

— Все мы когда-нибудь умрем. И лучше сделать это в хорошей компании. А найти ее — это, знаете ли, особое искусство. Я — нашел…

В этот момент наконец подал голос Ыхлаг:

— Хватит!

Эгмонтер испуганно вздрогнул, бросил на своего господина подобострастный взгляд и вновь с высокомерным видом развернулся к людям.

— Мой господин желает позабавиться. И вы ему в этом поможете.

— Мы ничего не будем делать для твоего господина, — спокойно ответил Трой.

Эгмонтер глумливо пожал плечами:

— Жаль… а то мой господин думал предоставить тебе, Трой-побратим, шанс подойти к нему и попытаться ткнуть в него своим мечом. Не трогая остальных, пока ты будешь это делать. Но если ты не хочешь попытаться…

— Трой…

— Я согласен! — Эти два голоса прозвучали одновременно. Учитель качнулся вперед, собираясь остановить своего ученика, сказать ему, чтобы и не думал драться, а попытался бы пробиться наружу, захватив с собой корону, чтобы попробовать провести

ритуал коронации где-нибудь еще… Но Трой уже принял решение. И все, кто услышал его ответ, поняли, что он его не переменит.

— Что ж… — в голосе Эгмонтера послышались торжествующие нотки, — мужественное решение. О твоей смелости не зря ходят легенды, Трой-побратим. В таком случае — вперед!

И Трой прыгнул. Это был великолепный прыжок. Он должен был перенести Троя прямо к Ыхлагу. На расстояние вытянутой руки. Удара мечом. Вот только он закончился, даже еще толком не начавшись. Ыхлаг взревел, вскинул лапы… и Трой покатился по полу зала, сброшенный наземь могучим магическим ударом. Откатившись к боковой стене, он вскочил на ноги и вновь воздел Тайную ветвь, но было видно, что удар не прошел для него даром. Троя слегка пошатывало. Однако он упрямо двинулся вперед… тут же получив в грудь сгустком Темного пламени. Трой застонал и упал на одно колено. Столь крупный сгусток был слишком большим даже для его защитных способностей. А ведь это было только начало…

— Стоять! — взвизгнул Эгмонтер, вскидывая руки и обрушивая на Асвартена и Пантиопета, вздумавших заслонить Троя щитом, поток фиолетовых искр. — Это честная битва! Он сам согласился!

— Честная? — возмущенно вскинулся Арил, выхватывая из ножен свои любимые кунаки, а идш, упрямо набычившись, засветил по Эгмонтеру здоровенным фаерболом, заставив того злобно завизжать и развернуться к новому врагу. Но в следующее мгновение все они покатились по полу, снесенные со своих мест могучим ударом бога…

— Да, пожалуй ты прав, Ыхлаг, действительно хватит…

Эти слова, сказанные спокойным и вместе с тем каким-то капризно-небрежным голосом, застали всех врасплох, заставив даже темного бога замереть и недоуменно завертеть головой в поисках того, кто их произнес. А их произнес… Крестьянин. Он единственный из людей отчего-то оказался на ногах после опрокинувшего всех удара Ыхлага и сейчас стоял на том же самом месте, где застала его просьба Игреона Асвартена. И корона Марелборо тускло поблескивала в его правой руке. Крестьянин окинул всех присутствующих безмятежным взглядом, пригладил левой рукой слегка взлохматившиеся космы и… НАДЕЛ НА ГОЛОВУ КОРОНУ!

Ыхлыг яростно взревел, воздевая над головой сложенные лапы и… ничего не произошло. То есть нет, темный бог продолжал реветь — яростно, гневливо, надсадно, но в зале

ничего не происходило. Крестьянин некоторое время насмешливо смотрел на его потуги, а затем перевел взгляд на как-то неожиданно сильно… съежившегося Эгмонтера.

— Знаете, Эгмонтер, не хочу, но прямо-таки вынужден выразить вам некую толику уважения. Вы… действительно сотворили очень удачную защитную пентаграмму. Мне требуется вливать в нее не слишком уж много сил, чтобы она довольно надежно блокировала внутри это… крайне буйное животное. — Крестьянин небрежно улыбнулся. — Ну что ты так уставился? ЭТО — действительно животное. Они были одними из первых созданий Творца и потому получили уж очень много его божественной силы. Так что у них не было почти никаких побудительных мотивов, чтобы развиваться. И они так и остались пусть и слегка разумными, но все же скорее животными. Знаете, много возможностей уже в начале жизненного пути почти всегда так ограничивают…

— Кто ты? — тихо спросил Элиат Пантиопет.

— Я? — Крестьянин (хотя сейчас вряд ли у кого-нибудь повернулся бы язык назвать его так) повернулся к Верховному магу. — А разве ты еше не догадался, Элиат? Ну кто может воспользоваться силой короны?

— Тот, кто был ею коронован… — тихо прошептал Игреон Асвартен.

— Правильно, — согласился тот, кого все так долго считали простым недалеким крестьянином, — либо?…

— Ее создатель, — благоговейно произнес идш.

И… император Марелборо улыбнулся и утвердительно кивнул. А затем повернулся к Ыхлагу, наконец-то прекратившему надсадно орать:

— Ведь ты же уже узнал меня, Ыхлаг, не правда ли?

Темный бог бросил на него затравленный взгляд.

Марелборо покачал головой:

— Ладно, покончим с этим. Негоже так долго мучить бедное животное. Он посмотрел на Троя: — Герцог, вы не могли бы оказать мне услугу и проткнуть его наконец этой вашей веткой…

Трой с натугой кивнул, поднялся на ноги и, все еще слегка покачиваясь, с ошарашенным лицом двинулся к Ыхлагу. Тот тоскливо завыл и с отчаянной мольбой уставился на подходившего к нему Троя. И этот взгляд так сильно напомнил Трою взгляд состарившихся коров, которых его земляки по Сухому долу забивали в начале зимы, потому что кормов на них тратить уже было жалко, зато наступившие морозы давали возможность сохранить мясо, что, занося меч, он невольно отвел взгляд. Как будто закалывал не могущественного бога, а

безобидную бессловесную скотину…

Ыхлаг взвыл последний раз, а затем его поглотила внезапно появившаяся внутри пентаграммы воронка подобная той, из которой он больше года назад и вышел в этот мир…

Эпилог

— И где были мои мозги? — бурчал себе под нос Гмалин. — Ведь все же признаки были налицо!

Он яростно вцепился себе в бороду.

— И Каменные лбы привязали его к самому большому столбу, и тот старший заговорун… да и с кровью раш тоже, похоже… Он повернулся к Алвуру: — Ну а ты-то куда смотрел? На соседнем же столбе висел!

Алвур сначала было принял обычный эльфийский высокомерный вид, но затем тоже вздохнул:

— Ты думаешь, что если висишь на столбе перед началом Крика гор, то у тебя есть настроение анализировать, кого куда повесили?

На это гном ничего не ответил, но на его лице нарисовалось понимающе-виноватое выражение. Они помолчали, а затем гном задумчиво произнес:

— Интересно, а в какой момент он… начал вспоминать?

Эльф пожал плечами:

— Когда я вступил в десяток, он еще точно ничего не помнил или в лучшем случае только-только начал осознавать, что он не совсем то, чем себе казался… Но, когда мы первый раз ехали в Светлый лес, он уже точно кое-что вспомнил.

Гном понимающе кивнул:

— Потому и не рискнул там появляться. Да и в Подгорном царстве тоже…

Он снова задумался, тряхнул головой и проговорил: — Может, все началось с того отката, ну, когда этот ублюдок Эгмонтер обнаружил и разбудил зачарованную в камень орду? Ведь рассеивание таких могучих и давних чар, что были на него наложены, — дело о-очень нескорое…

Трой, все это время недоуменно переводивший взгляд с одного на другого (а чего расстраиваться-то? Великий Марелборо жив и, как выяснилось, даже их побратим), тоже внезапно насупился и спросил:

— И Темное пламя, выходит, тоже он?

Гном и эльф переглянулись.

— Да нет, Темное пламя — ты, точно. ЕГО ручек я там не видел… Да и Мать раш тоже ты прикончил. Хотя… возможно, то, что Темное пламя не сожрало всех, а особенно нас с Алвуром еще на подходе — его заслуга. Но кто сейчас разберет?

— Господа, его величество ожидает вас в кабинете.

Все трое оглянулись. Перед ними стоял мажордом.

Прежний… как будто ничего не изменилось и не было этих тяжких и страшных лет. Они переглянулись. Мажордом отвесил изящный поклон и указал в сторону лестницы, давая понять, что он не будет сопровождать их. И они тронулись вперед…

У дверей кабинета, когда-то принадлежавшего герцогу Эгмонтеру, Трой притормозил, окинул взглядом Гмалина и Алвура, явно пребывавших в довольно сумрачном состоянии (впрочем, что там говорить, он и сам свое состояние охарактеризовал бы даже не как ошарашенное, а как пришибленное), и решительно толкнул створку двери.

Они вошли. Кабинет был пуст. Трой недоуменно огляделся, но тут из арки распахнутых дверей, ведущих в примыкающую к кабинету личную библиотеку бывшего герцога Эгмонтера, раздался голос:

— Ну что застряли, побратимы, долго мне еще вас ждать?

Все трое переглянулись, и Трой заметил, что при этих словах напряжение, сковывавшее мышцы лица гнома и эльфа, слегка ослабло.

Их побратим крестьянин Марел… вернее, император Марелборо ожидал их, развалившись на широком канапе. Перед канапе стоял стол, уставленный полудюжиной разных бутылок и кувшинов, а также блюдами и вазонами с фруктами, копченостями, холодным жареным мясом, нарезанным крупными кусками, сырами и рыбой. С остальных трех сторон стола стояли три массивных кресла.

— Ну наконец-то, — усмехнувшись, приветствовал их император людей. — Сядем уж, что ли… Чай, пора отметить.

Все трое гостей переглянулись и… дружно уселись за стол. Марелборо, оторвавшись от изголовья канапе, ухватил какой-то кувшин и щедро плеснул прозрачной жидкости с желтоватым оттенком в хрустальные бокалы, стоявшие перед каждым из присутствующих. Поставив кувшин, он взял свой бокал и, подняв его, усмехнулся и произнес:

— Ну давайте, что ли… за победу!

Все молча чокнулись и опрокинули в рот содержимое бокалов.

— Что за… — сдавленно прошипел гном. А эльф просто вздрогнул и с явным трудом протолкнул ЭТО в глотку. Император, хвативший напиток с нарочитой лихостью, усмехнулся.

— А вот наш герцог ничего, выпил. И даже не спрашивает, что это.

Трой молча поставил бокал на стол. Еще бы он спрашивал. Обычная перегнанная зерновая бражка. А чем еще баловаться в

лесных деревнях — ею да элем.

— Да уж, ваше величество, чувствуется, за последнее время у императоров людей заметно изменились вкусы, — отдышавшись, пробурчал Гмалин.

— Вашими молитвами, уважаемый гном, — насмешливо бросил Марелборо и, переведя взгляд на Алвура, добавил: — Впрочем, не одними вашими…

И Трой почувствовал, как и гном и эльф снова напряглись. Причем едва ли не сильнее, чем раньше, в тот момент, когда они трое подошли к дверям императорского кабинета.

Над столом повисла тягучая тишина. Потом Марелборо пошевелился и, протянув руку, взял со стола уже другой кувшин.

— Ну ладно, давайте плавно перейдем от крестьянина к императору.

Он вновь щедро плеснул в каждый бокал, но на этот раз по библиотеке сразу же разнесся свежий и терпкий запах, убедительно показывающий, что новый напиток вполне достоин императора людей.

Все трое опять чокнулись и сделали по глотку. Трой замер, пораженный необычными ощущениями, возникшими на нёбе и языке, а затем разбежавшимися по всему телу, гном не удержался и крякнул от удовольствия, а на лице Алвура нарисовалось странное выражение, что-то вроде смеси изумления и восторга.

— Это же… славур, — ошеломленно прошептал он. Марелборо усмехнулся:

— Я слышал, его называли и так. У бывшего герцога оказался вполне себе недурственный винный погребок. Понимал, шельмец, в напитках…

Эльф и гном обменялись быстрыми взглядами и напряженно уставились на императора. Марелборо покачал головой:

— Я выпил это только с вами, моими побратимами. И потому вашим поселениям действительно ничего не угрожает. Но Светлый лес и Подгорный трон должны заплатить.

Гном и эльф снова переглянулись, но Трой видел, что большая часть напряжения их покинула.

— Но… — начал эльф, однако Марелборо прервал его, подняв руку:

— Я думаю, что нашего общего друга и побратима стоит ввести в курс дела, а то он всю дорогу ломает голову, чего это мы тут друг на друга куксимся и следим за каждым жестом друг друга как соперники на турнире.

Трой бы сказал, что следили больше гном и эльф, причем не друг за другом, а за… Марелборо (вот, темные боги, он пока еще так и не привык к мысли, что его бывший самый тихий и

незаметный побратим и подчиненный — легендарный император людей). Но узнать, чем это вызвано, он бы действительно не отказался.

— Так кто начнет? — светским тоном поинтересовался император.

Гном и эльф снова переглянулись, потом Гмалин тяжело вздохнул и открыл рот:

— Видишь ли, Трой… дело в том, что к тому, что… э-э… Великий Марелборо оказался в таком э-э… несколько нехарактерном для него состоянии, приложили свою руку гномы… ну и эльфы.

— Скорее эльфы… ну и гномы, — поправил император. — Но, похоже, наш друг не слишком много понял из твоего объяснения.

И это было сущей правдой. Трой сидел, недоуменно пялясь на всех Тройх. И тут заговорил Алвур:

— Полторы тысячи лет назад, сразу после Великой тьмы, наши вожди — прежняя Светлая владычица и прежний Подгорный царь — решили, что Великий Марелборо в качестве императора людей угрожает равновесию, установившемуся среди Светлых рас. И сдвигает его в сторону людей… — Алвур сделал паузу, давая Трою время выбраться из-под обломков, в которые превратился его, пусть и намного более сложный, чем ему представлялось в Сухом доле, но до сего момента все же такой ясный и понятный мир, а затем продолжил: — Мы с Гмалином не знаем, как это было сделано, но император людей был лишен памяти. И даже на некоторое время заключен в заточение сначала в Светлом лесу, а затем в недрах Подгорного царства. И лишь когда оба владыки убедились, что он навсегда превратился в то, чем они хотели его сделать, он был отправлен в мир людей, дабы тихо и спокойно окончить свои дни, не обратив проклятия своей смерти ни на эльфов, ни на гномов. — Алвур снова замолчал, потом грустно усмехнулся и закончил: — Но, как видишь, что-то пошло не так…

Некоторое время над столом висела тягостная тишина, а затем Трой, протолкнув наконец комок, который все это время стоял у него в горле, хрипло спросил:

— И… что?

И оба, гном и эльф, повернулись к Марелборо, явно присоединяясь к этому вопросу.

Марелборо вновь взял кувшин, плеснул себе того, что эльф обозвал славуром, сделал глоток.

— Да, в общем, ничего нового. Зачем что-то выдумывать? Все то же, что уже живет и здравствует в Арвендейле.

Гном и эльф переглянулись.

— Ты потребуешь от Светлого леса и Подгорного трона признать вассалитет?

— Ну да. — Марелборо искривил рот в усмешке. — По-моему, не особенно жестоко.

— Да уж… — пробормотал гном.

— Ну… для вас-то, по-моему, не все так плохо, — заговорил Марелборо, — даже наоборот. — Он повернулся к Алвуру: — Например, ОНА вновь станет обычной эльфийкой. И сможет сама выбирать себе мужа и отца своих детей.

Алвур замер, а на его лице тут же вспыхнул отблеск надежды… надежды на то, о чем он прежде не мог даже мечтать. А Марелборо повернулся к Гмалину:

— Ну а Подгорному трону придется вновь ввести в действие законы Балина Четвертого.

И тут пришла очередь ошеломленно замереть гному. Он несколько мгновений сидел, напряженно наморщив лоб и отчаянно теребя бороду, а затем его лицо разгладилось, и он хрипло захохотал:

— Да… да… это… совсем по-гномьи, клянусь своей бородой. Ну ты и даешь! Ох, не зря Главур Второй так тебя боялся.

И все почувствовали, что напряжение, до сих пор явственно ощущавшееся в воздухе библиотеки и то усиливавшееся, то, наоборот, несколько спадавшее, куда-то исчезло. И за столом вновь сидят четыре побратима… Вот только один из них все это время пытался, но все никак не мог слепить из обломков что-то, что могло бы снова примирить его с этим оказавшимся столь обманчивым миром…

Трой встал и вышел на балкон.

Гном, эльф и император людей проводили его глазами. Гмалин вздохнул и произнес:

— Тяжело мальчику…

И все согласно кивнули.

— И что ты думаешь с ним делать? — тихо спросил Алвур.

Марелборо неопределенно пожал плечами:

— Знаете, я до самого последнего момента, до башни Гвенди боролся с искушением пустить все на самотек. Но после того как он сломя голову ринулся на Ыхлага, понял, что еще рано… Пусть сначала научится быть хотя бы герцогом. Ему до этого еще очень далеко.

— Да уж, — согласно кивнул гном, — если бы не Лиддит…

— Ну а лет через двести посмотрим… — закончил Марелборо.

Трой стоял на балконе, облокотившись на парапет, и смотрел на запад. Туда, где в сотнях лигах отсюда несло свои неспешные и

могучие волны Долгое море. А дальше, за ним, простирался Глыхныг, земля, попираемая орками. Где жила девочка по имени Иния, которой оставалось жить всего лишь два с половиной года…